

**Александр
Прилепский**

ДИАДЕМА С ПОДВЕСКАМИ

Исторический детектив

УДК 82-312.4

**Прилепский А.Ф., ДИАДЕМА С ПОДВЕСКАМИ
Исторический детектив - М.: ООО «ТИПОГРАФИЯ
АЙКОЛОРИТ», 2022 - 427с.**

Август 1887 года. Алексей Лавровский поехал в Киев на открытие осеннего бегового сезона. Приключения начались ещё в поезде...

Продолжение исторических детективов «Бега», «Последнее дело валетов», «Галопом к столбу», «Тёмный фаворит», «Особый случай», «Тульская гастроль», «Два брата» и «Конокрады».

ISBN 978-5-6047767-1-1

© Прилепский А.Ф., 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Вовка Гимназист.....	5
Глава 2. Шумная компания.....	18
Глава 3. Киевсй лихач.....	29
Глава 4. Шкворень сподручнее.....	37
Глава 5. «Гранд-Отель».....	44
Глава 6. У Семадени.....	54
Глава 7. Ужин по-малороссийски.....	67
Глава 8. Облава на Бессарабке.....	81
Глава 9. Из жизни олигархов.....	88
Глава 10. Полицмейстер и его помощники.....	100
Глава 11. Беговые байки.....	113
Глава 12. Жаба и банкир.....	122
Глава 13. Мельник Макар.....	134
Глава 14. Открытие сезона.....	145
Глава 15. Кто шпион?! Лёшка?!	157
Глава 16. Не посчастливилось счастливым.....	171
Глава 17. Полканы - наше всё.....	179
Глава 18. Справжний пан.....	190
Глава 19. Ваня Святогор.....	197
Глава 20. Хват.....	210
Глава 21. «Приз для извозчиков».....	224
Глава 22. Покупатели из Нью-Йорка.....	229
Глава 23. Неправильный «Бульба».....	236

Глава 24. Бессонная ночь.....	243
Глава 25. По следам Каина.....	255
Глава 26. Предсмертная записка.....	264
Глава 27. Ювелиры.....	270
Глава 28. В Киевском ГЖУ.....	278
Глава 29. Слава из Харькова.....	292
Глава 30. Доктор.....	303
Глава 31. Птенчики Мамаши.....	315
Глава 32. Несостоявшаяся встреча.....	329
Глава 33. Посредник объявился.....	344
Глава 34. «Миражи».....	356
Глава 35. Через наших.....	369
Глава 36. Перестрелка на Шулявке.....	378
Глава 37. Прощание.....	391
Глава 38. «Малороссийские среды».....	404
Глава 39 «Колье-де-форс».....	412
От автора (вместо эпилога).....	417

Глава 1

Вовка Гимназист

Происшествие это, в своё время, наделало много шума. Осенью 1882 года в вагоне курьерского поезда «Москва - Санкт-Петербург» был убит ротмистр Сергей Кручинский - адъютант брата императора, великого князя Владимира Александровича. Все газеты писали об очередном преступлении террористов. В обществе ходили слухи, что бедный Серж стал жертвой мести из-за своей причастности к созданию тайной организации «Священная дружина», объявившей беспощадную войну смутьянам-народовольцам. А вот о бесследном исчезновении, сопровождавшего Кручинского, поручика Отдельного корпуса

жандармов Выговского власти предпочли умолчать. Ведь исчез он вместе с портфелем, в котором находилась золотая диадема с бриллиантами и жемчужными подвесками, принадлежащая жене Владимира Александровича великой княгине Марии Павловне. Диадема эта экспонировалась на Всероссийской художественно-промышленной выставке, открывшейся в конце мая 1882 года в Москве на Ходынском поле.

В 56 павильонах было представлено всё самое лучшее, чем могли гордиться отечественные промышленность, сельское хозяйство и искусство. В одном из залов были выставлены фабричные и ремесленные изделия из серебра и золота. С утра до вечера толпились посетители у витрин тридцати лучших российских ювелиров, восторгаясь красотой украшений. Особо привлекала внимание публики, представленная фирмой Болина, золотая диадема с бриллиантами и пятнадцатью жемчужными подвесками. Каждая из жемчужин была размером со среднюю грушу-дичок. Ярлык извещал, что стоит эта диадема 120 тысяч рублей.

На самом верху вполне резонно посчитали, что ограбление члена императорской фамилии, да ещё совершённое жандармским офицером, это позор

на всю Европу. Поэтому, о подробностях происшествия в курьерском поезде, всем причастным было велено молчать, а начальник петербургской сыскной полиции Иван Дмитриевич Путилин получил приказ - в недельный срок найти жандарма и диадему.

Сыщики быстро отыскивали Выговского. Но опоздали: во время попытки продать украшение одному из ювелиров, не брезговавшему блатеркаинством, ему перерезали горло. Такая же участь постигла и несостоявшегося покупателя. Работа Федьки Матроса, понял Путилин, его почерк. Все силы столичной полиции были брошены на поиск убийцы. Нашли его на третий день в одном из притонов Вяземской лавры. Но, увы, уже мертвого. Агенты донесли, что петербургские фартовые не сомневаются, застрелил Матроса его подельник Вовка Гимназист: «Позарился, сучёнок, на хабар богатый. На своего учителя в воровском деле руку поднял. Такого беспредела спускать нельзя!»

Теперь Гимназиста искали не только сыщики, но и фартовые. Однако он, как в воду канул. Вместе с диадемой. Выйти на его след удалось только почти пять лет спустя - в августе 1887 года...

Начальник Московского управления сыскной полиции коллежский советник Эффенбах был удивлён и встревожен, когда дежурный доложил:

- К вам посетитель. Коллежский советник Зволянский.

Сергей Эрастович Зволянский в полицейских кругах личность известная. Он вхож к директору Департамента полиции Дурново в любое время дня и ночи. Выполняет его самые деликатные поручения. Такие, как проверка ведения агентурной работы и расхода выделяемых на неё денежных средств. После подобных визитов высокопоставленные полицейские чины нередко в отставку, а то и под суд, отправляются.

Особых грехов за собой Эффенбах не чувствовал, поэтому, поздоровавшись с гостем спросил:

- Чем московские сыщики провинились?

- Господь с вами, Михаил Аркадьевич! Я не с проверкой. Директор и министр вами довольны. Оба они считают, что вы сумели сохранить в работе сыскной полиции всё положительное, что было при Муравьёве, но призвали, наконец-то, к порядку лихоимцев, положили конец беззаконию и произволу, которые вызвали гнев Его

Императорского Величества.

- Тогда, чем обязан?

- Гимназист мне нужен. По агентурным сведениям он сейчас в Москве.

- Какой гимназист?

- Филинов Владимир Иванович, по кличке Гимназист.

- Не припоминаю такого.

- Не удивительно. Это пять лет назад было. Да к тому же сия история широкой огласке не предавалась. Ознакомьтесь, - Зволянский подал главному московскому сыщику довольно толстую канцелярскую папку. - А я бы сейчас, с удовольствием, кофейку испил. Угостите? Или вы уже совсем от петербургских привычек отошли? Как и все москвичи чаёвничаете целыми днями?

Эффенбах, проживший в Петербурге много лет, улыбнулся:

- Нет, к чаю я так, увы, и не привык. Иной раз это даже службе мешает. А кофе у меня превосходный. Недавно партию контрабанды из Одессы орлы мои задержали, так мне в качестве законного вознаграждения четверть пуда досталось.

Пока гость пил кофе, Эффенбах внимательно изучал содержимое папки. Потом, вздохнув,

отложил её в сторону.

- Ну, что скажите, Михаил Аркадьевич?

- С одной стороны, дело вроде бы не сложное. Ваши агенты сообщают, что Гимназиста несколько раз видели в Проточном переулке.

- Не просто видели. Нам достоверно известно, что он проживает в «Зиминской крепости», - сказал Зволянский, имея в виду доходный дом купца Зимина, пользующийся в Москве дурной славой - его уже давно облюбовала самая отпетая уголовная публика.

- Конечно, проще всего провести облаву и взять Гимназиста. Но ведь вас, насколько я понимаю, не столько сам он интересует, как диадема?

- Совершенно верно.

- А вы уверены, что она при нём?

Зволянский развёл руками.

- Тогда, Сергей Эрастович, давайте не будем торопиться. У моего помощника коллежского асессора Малинина имеются в Проточном переулке несколько надёжных агентов. Пусть он с ними поработает.

- Малинин? - Зволянский наморщил лоб, припоминая, где раньше уже слышал эту фамилию. -

А это тот самый, который во время дознания по делу вашего предшественника вёл себя столь дерзко, что едва не угодил в ссылку вместе с Муравьёвым?

- Да. Но в Департаменте полиции Сергей Сергеевич известен не только этим. На его счету десятки раскрытых серьёзных преступлений. О сорокских конокрадах слышали?

- Разумеется. Наш директор докладывал о разгроме этого преступного сообщества императору.

- А заслуга в их разоблачении принадлежит Малинину.

- Хорошо, пригласите его.

Через несколько минут в кабинет вошёл модно одетый маленький изящный брюнет лет тридцати с небольшим. Это и был Сергей Малинин.

Выслушав петербургского гостя, он сказал:

- Мне потребуется не меньше трёх дней.

Зволянский недовольно поморщился:

- Желательно бы, побыстрее...

Но поймав насмешливые взгляды московских сыщиков, махнул рукой:

- Ладно, торопить не стану...

Через два дня Малинин докладывал начальству:

- Человек, похожий на Гимназиста, известен среди московских деловых под кличкой Каин. На Хитровку ему хода нет. В юности он воровской закон нарушил - убил кого-то из своих.

- Совершенно верно, - одобрительно кивнул петербургский чиновник. - Он застрелил известного разбойника Федьку Матроса. Питерские воры поклялись Гимназиста убить.

- В Проточном переулке к воровским традициям относятся не столь трепетно, как в Петербурге и у нас на Хитровке. Вот и ошивался Каин в «Зиминской крепости» почти год.

- Что значит, ошивался? - встрепенулся Зволянский. - Вы хотите сказать...

- Недели три назад он уехал.

- Вот чёрт! Опять мы его упустили! Куда уехал, вам, разумеется, выяснить не удалось?

- Не совсем так. Недавно Каин после марафета...

- Он морфинист?

- Нет, но иногда кокаином балуется. Так вот, после кокаина он разоткровенничался со своей, так сказать, дамой сердца.

- А кто его пассия? - поинтересовался Эффенбах.

- Лёлька Соловей.

- Ольга Соловьева. Она раньше в театре Лентовского служила. Но спилась и докатилась до жёлтого билета, - пояснил Зволянскому Эффенбах. - А какой голос был! Изумительное сопрано! Лучше её Периколу в «Птичке певчей», пожалуй, никто спеть не мог...

- Не будем отвлекаться, господа. Продолжайте, Сергей Сергеевич.

- Каин сказал Лёльке, что скоро будет богат, как персидский шах. У него, мол, давно припасена цацка, за которую люди знающие, не торгуясь, сто тысяч рублей дадут.

Глаза Зволянского азартно блеснули:

- Да вы просто талант, Сергей Сергеевич! А где припрятана, он часом не сказал?

- Сказал - у тётеньки в деревне. К ней он и поехал. Возьму, дескать, диадему и махну в Киев, где меня купцы ждать будут. Лёлька, она сама родом из Киева, стала его предупреждать: «Ты уж там, поосторожнее. Среди хохлов и евреев мошенников великое множество. Смотри, как бы тебя не кинули». А Каин её успокоил: «Покупатели люди надёжные. Они не местные, а из Америки приедут».

Стали прикидывать, что дальше делать.

- Искать Гимназиста у какой-либо из его тётенок смысла нет, - решил Зволянский. - В своё время Иван Дмитриевич Путилин отрабатывал родственные связи Филинова. Оказалось у его отца два брата и пять сестёр. Да и у матери не меньше. В Киев надо ехать.

- А вы не допускаете, что о Киеве Каин сказал, рассчитывая следы запутать? - усомнился Эффенбах.

- Нет, Михаил Аркадьевич, Каин игрок. Почти все вечера проводил на мельнице в трактире Ивана Федоткина. Прижали мы трактирщика, пригрозили закрыть его заведение. Вот он и разговорился, - Малинин достал из папки несколько листов, исписанных крупным корявым почерком.

Где-то в начале мая месяца Каин близко сошёлся с евреем Львом Абрамовичем, приехавшим по торговым делам из Одессы. После игры они всегда чай вместе пили, шушукались. Уезжая, еврей сказал, что пришлёт письмо на моё имя, которое тут же надо будет передать Владимиру Ивановичу (то бишь, Каину). Когда письмо пришло, я так и сделал. Каин прочитал, обрадовался, а потом стал просить у меня в долг рублей сто. Ему, дескать, со

своими ребятами по важному делу далеко ехать надо, а денег маловато.

- Ну и дал ему трактирщик денег? - поинтересовался Зволянский.

- Как не дать? Каина трактирщики и лавочники побаиваются. Он ведь зимой из огольцов лет по четырнадцать-пятнадцать шайку сколотил. Все носят картузы синего плиса с лаковыми козырьками. За хозяина своего они готовы любого на куски порвать. Кстати, Митька Каланча, один из «синих картузов», недавно хвастался перед своими, что атаман его и Петьку Рябчика на большое дело берёт, даже железнодорожный билет до Киева показывал. Навели мы справки об этих огольцах и выяснили, что оба они родом из Киева. О Рябчике ничего вразумительного узнать не удалось. А вот от Каланчи потянулась весьма перспективная ниточка. Оказалось, его дядька служит буфетчиком в трактире «Париж», одном из любимейших мест сборищ киевских фартовых.

Зволянский отправил срочную телеграмму директору Департамента полиции. Получив ответ, долго матерился, а потом сказал:

- Меня срочно в Петербург затребовали. Опять какой-то доклад министру готовить надо. А вам,

Михаил Аркадьевич, приказано отправить в Киев несколько лучших сыщиков. Киевскому полицмейстеру и начальнику ГЖУ уже даны указания, оказывать им всемерное содействие. Собирайтесь, Сергей Сергеевич, старшим начальство велело вас назначить.

- Хорошо. С собой возьму Соколова.

- Почему именно его? - поинтересовался Эффенбах.

- Он уже бывал в Киеве. У него там имеются знакомые. Особенно ценно, что раньше ему уже доводилось встречаться с дядькой Каланчи.

- Толково, - одобрительно кивнул Зволянский.

- Но порекомендую ещё взять с собой сыщика еврейской национальности. В 1874 году, когда проводилась перепись, в Киеве проживало почти тридцать тысяч евреев, то есть около одиннадцати процентов всего населения. Сейчас их уже значительно больше. А по данным Департамента полиции еврейский элемент в уголовном мире Юго-Западного края весьма влиятелен.

- Тогда, Сергей, бери Рабиновича, - разрешил Эффенбах. - Он и при задержании пригодится. Второго такого силача у нас в сыскном нет... Кстати, Сергей, ты по-малороссийски говорить умеешь?

- Вполне сносно, - улыбнулся Малинин. - В 82-м году гостил я у бегового наездника Гриши Кушныра на хуторе под Полтавой. Там и освоил местную мову.

-Это не плохо, - одобрительно кивнул Зволянский. - Впрочем, в Киеве знание малороссийского наречия вам особо не потребуется.

Заметив удивлённые взгляды москвичей, он пояснил:

- Киев русский город и говорят в нём, в основном, по-русски. Согласно данным переписи, о которой я рассказывал, малороссийское наречие родным считают только тридцать процентов жителей Киева и его окрестностей. Да и эта цифра существенно завышена.

- Почему? - спросил Малинин.

- Перепись проводил Юго-Западный отдел Императорского Русского географического общества, который возглавляют скрытые русофобы и явные украинофилы Антонович, Чубинский, Житецкий... Выяснилось, что при сборе и обработке данных был допущен целый ряд махинаций. Отдел был закрыт, некоторые из его руководителей, мечтающие о самостийной Украине, отправлены в ссылку. Но не буду забивать вам голову вопросами

политическими. Вы ведь едете в Киев по делу сугубо уголовному. Задание у вас весьма сложное.

Откровенно говоря, задание Малинину понравилось - неожиданно представилась возможность побывать на открытии осеннего бегового сезона на Печерском ипподроме. Вот удивится Лёшка, подумал он, когда увидит меня там. Жаль, конечно, что вопрос о поездке не вчера решился. А то ещё сегодня утром отправились бы в Киев вместе с Лавровским.

Глава 2

Шумная компания

22 августа 1887 года скорый поезд «Курск-Киев» подходил к мосту через Днепр. У окна вагона 2-го класса стоял мужчина, лет тридцати с небольшим - крупный, светловолосый, неторопливый в движениях, с добродушной улыбкой. Впрочем, старые знакомые знали, что первое впечатление обманчиво. Им не раз доводилось видеть этого ленивого добряка совсем другим - стремительным и жёстким. Это был редактор-издатель журнала «Беговые и скаковые известия» Алексей Васильевич Лавровский. В спортивных кругах он славился не только как большой знаток лошадей, но и как частный сыщик,

раскрывший десятки преступлений в той или иной мере связанных с бегам и скачками.

Собственный журнал Лавровский издавал уже пятый год. А до этого служил репортёром в «Московском листке». Но бывших репортёров, как известно, не бывает. Не по нраву Алексею сидеть на месте. При каждом удобном случае, передав дела по журналу второму редактору Добронравову, уезжал он из Москвы. Вот и сейчас охотно откликнулся на предложение одного из богатейших сахарозаводчиков и землевладельцев Юго-Западного края Фёдора Артемьевича Терещенко посетить его рысистый завод в селе Червоное Васильковского уезда Киевской губернии. Заодно решил побывать и на открытии бегового сезона на Печерском ипподроме.

- А вы в нашем Киеве впервые? - спросила Алексея попутчица - симпатичная кареглазая и чернобровая барышня лет двадцати.

- Нет, Наташа. В юности довелось мне гостить в вашем городе. Как сейчас помню, въехали мы со стороны Боярки. Обогнул поезд Кадетскую рошу, миновал Шулявку... Взглянул я в окно и сразу очарован был: сверкающие главы церквей и купола соборов, тёмно-красное здание университета, ряды

стройных тополей и масса зелени, из которой выглядывают дома разбросанные по холмам.

- О! Да вы просто поэт, - улыбнулась барышня.

А её бабушка - немолодая, но привлекательная полная дама - сказала:

- Да, вид из вагона Юго-Западных железных дорог довольно красив. Но всё-таки любоваться Киевом нужно из-за Днепра. Там открывается действительно замечательная панорама.

Из другого конца вагона слышалось брэнчание гитары и надтреснутый тенорок:

*Пускай, тебя черня и осуждая,
Завистники твердят, что ты подлец,
Но ведь в тебе под маской негодяя
Скрывается предерзкий удалец...*

Лавровский поморщился, как от зубной боли. Севшая в вагон на узловой станции Врожба шумная компания успела ему порядком надоесть. Она-то пила, сопровождая каждый тост троекратным «ура», то, громко переругиваясь, резалась в штос. А теперь, видите ли, на песни её потянуло.

*Тот, кто умел великим быть в борделе -
Тот истинно великий джентльмен.*

*Дери сто шлюх, о друг наш, на неделе,
Да будет твоёрд твой благородный член!*

Барышня покраснела. А её бабушка осуждающе покачала головой:

- Вот, охальники! Нельзя же так - дети в вагоне, женщины... Надо кондуктора позвать. Пусть он их урезонит.

- Мы и без кондуктора разберёмся, - пообещал Лавровский.

Он неторопливо подошел к компании, окинул её изучающим взглядом.

Старший здесь, несомненно, невысокий рыжеусый мужчина лет тридцати, в малиновой венгерке и синих чикчирах. На груди офицерский «Георгий» и несколько медалей. Из отставных кавалеристов? Вряд ли. Уважающий себя офицер чужую награду не нацепит. А то, что медаль «За усмирение Венгрии и Трансильвании» он заслужить не мог вполне очевидно - в 1849 году, когда ею награждали, он ещё и не родился.

Второй, с гитарой украшенной большим розовым бантом, больше всего напоминает приказчика модного магазина - такой же напوماженный и набриолиненный.

А третий... Алексею показалось, что где-то он

этого чернобородого здоровяка, с кулаками как арбузы, уже видел. Вспомнил! На Хитровке. Ведь это Киря Моли-Бога. Он в шайке Беспалого состоял, пока того на каторгу не упекли. Похоже, увещеваниями и несколькими оплеухами тут не обойдёшься, подумал Лавровский, нащупав в кармане свой неразлучный кастет.

- Тебе чего надобно? - спросил рыжеусый. -
Ежели в картишки перекинуться желаешь -
присаживайся. А нет, так иди ты...

- Репертуар смени, - перебил его Лавровский.

- Чего? - не понял тот.

- Похабщину разную петь кончайте! - рявкнул
Алексей. - Дети ведь вокруг, женщины.

- Ишь, блюстителю нравственности на нашу
голову выискался, - захихикал «приказчик».

- Сейчас мы этого бли... ,бля... блюстителю
вежеству поучим, - не добро усмехнулся рыжеусый.
- Кирюша займись наглецом.

- Щас, - бородач продолжал обглаживать
куриную ножку. - Никуда он от нас не денется.

- И то верно, - согласился рыжеусый. -
Феденька, спой нам пока, что-нибудь душевное.

- Сей момент, Тимофей Егорович, -
«приказчик» ударил по струнам и запел:

*Насрал я в тени сикоморы,
Подтёрся лопушником я.
И слышу кругом разговоры,
Что я и подлец, и свинья.
Пришёл тут какой-то педрила,
Меня он свирепо ругнул...*

- За педрилу ответишь, - пообещал Лавровский, не спуская глаз с бородача. Рисковать не стоит, подумал он. Моли-Бога, говорят, дело не по делу, за нож хватается, за это его даже такой головорез, как Беспалый опасался.

*...Но сам поскользнулся и рыло
В мои испражненья уткнул...*

Киря не спеша обглодал ножку, вытер губы рукавом поддёвки и неторопливо поднялся:

- Ну, что? Сам напросился. Теперь моли бога.

Со скоростью, неожиданной для его комплекции, он стремительно бросился на Лавровского. Алексей выхватил из кармана стальной с шипами кастет и прямым ударом ткнул нападавшего в зубы. Тот с воем грохнулся на пол.

- Наших бьют! - завопил Феденька, прикрываясь гитарой.

Бородач вскочил, выхватил нож и снова кинулся на Алексея:

- Убью, паскуда!

Но от сокрушительного удара в челюсть опять очутился на полу.

Рыжеусый выхватил револьвер. Правда, выстрелить не успел. Его руку перехватил, вошедший в это время в вагон, молодой сероглазый блондин в чёрной железнодорожной тужурке:

- Позвольте, сударь, ваш револьвер... Вот так... Здесь вам не тир.

- Пусти руку, курва, - сморщившись от боли, прохрипел рыжеусый. - Сломаешь ведь, мать твою...

- Обязательно сломаю, если, сей же момент, не прекратите ругаться

Несколько минут спустя утихомирившаяся тройка сидела в креслах и ожидала своей участи. Моли-Бога сперва пытался угрожать:

- Вы, суки, меня ещё попомните! Обоим кишки на перо намотаю.

Но главарь его осадил:

- Ша, Кирюша! Наша карта бита... Давайте, уважаемые, миром разойдёмся. Надавали вы нам по мордасам и ладно. Зачем жандармов-то звать?

- А затем, что встречи с твоим подельником бородатым, начальник московской сыскной полиции Эффенбах очень рад будет, - объяснил

Лавровский.

- Смотри, ещё пожалеешь, что с нами связался.

- Ничего. Бог не выдаст, а свинью мы и сами съедем.

Когда поезд прибыл на вокзал в вагон вошёл, вызванный обер-кондуктором, жандармский унтер-офицер. Судя по всему, служил он без году неделю и достаточного опыта в таких делах ещё не имел:

- Сразу и не поймёшь, кто из вас прав, а кто виноват. Вот вы, господин Лавровский, утверждаете, что это громила Моли-Бога. разыскиваемый московской полицией. А по документам он строительный подрядчик Евдокимов. Второй тоже не мазурик какой-нибудь, а агент парижского торгового дома, торгующего духами и одеколонами разными. А третий и вовсе человек почтенный - поручик в отставке, георгиевский кавалер... Пусть с вами начальник отделения разбирается.

- Тогда веди нас к нему, - потребовал Алексей.

- А он сейчас на линии. Часа через три вернётся. Придётся вам его в холодной подождать.

- Да ты совсем сдурел?! - возмутился Лавровский. - Мы доброе дело сделали, а нас за это

в каталажку?!

- Попрошу мне не тыкать! - сразу посуровел жандарм.

К ним подошла бабушка Наташи.

- В чём дело, господин унтер-офицер? Почему вы до сих пор не составили протокол о непристойном поведении и буйстве в общественном месте этих трёх господ?

- А вы, сударыня, кто такая?

- Я свидетель происшествия. Могу подтвердить, что господин Лавровский и вот этот молодой человек, фамилию которого, к сожалению, не знаю...

- Павлов, - представился блондин в железнодорожной тужурке. - Инженер Павлов Василий Иванович.

- Могу подтвердить, что господа Лавровский и Павлов вели себя достойно. Они...

- Я вас не про них спрашиваю, - не дослушал её жандарм. - Вы, собственно говоря, сама-то, кто будете?

- Наталия Дмитриевна Громова, жена товарища прокурора Киевской судебной палаты действительного статского советника Громова.

Козырнув даме, унтер-офицер торопливо

принялся составлять протокол...

На выходе из вагона, Алексей, что-то вспомнив, остановился и поманил пальцем «приказчика». Тот поспешно подошел к нему:

- Что вам угодно, сударь?

Лавровский отвесил ему пару хлётких оплеух:

- Это тебе за педрилу. За слова отвечать надо.

Посмотрев вслед гневной тройки, на которой уехали жена и внучка товарища прокурора судебной палаты, Лавровский с восхищением сказал:

- Не хочешь, а залюбуешься!

- Настоящие красавицы, - согласился с ним Павлов. - Особенно младшая. И как выразительно она смотрела на вас.

- Вы о ком?

- О барышне, конечно.

- А я о тройке! - рассмеялся Алексей. - И коренник, и пристяжные английские чистокровные. Признаюсь, я не большой поклонник этого сорта лошадей. Однако, как говорится, с первого взгляда влюбился. Впрочем, оно и понятно. Наталия Ивановна рассказывала, что это дети Айсономи

завода графа Красинского.

- Айсономи? Если не ошибаюсь, в июне его сын Рулер легко выиграл Всероссийское дерби?

- Совершенно верно. А до этого, неожиданно для всех, взял призы Государственного коннозаводства для трёхлеток в Москве и Царском Селе.

- Какая же тут неожиданность? Айсономи представитель славной линии Айриш-Бердкатуера, который дал много победителей самых престижных призов в Англии - Дерби, Окса, Сент-Леджера.

- Да вы оказывается большой знаток скачек.

- Полно вам. Так на досуге иногда спортивные журналы почитываю, - неожиданно смутился Павлов и поспешил сменить тему разговора. - Удалось вам полюбоваться железнодорожным мостом через Днепр?

- Увы, в это время мне пришлось слушать похабные песни в бездарном исполнении безголосого Феде.

- Много потеряли. Ведь этот мост настоящий шедевр инженерной мысли! По величине он третий в Российской империи. Двенадцать пролётов, общая длина которых составляет целую версту. Верхняя часть сделана почти полностью из железа. Его

потребовалось более двухсот пятидесяти тысяч пудов. Строили мост два года. Сооружение его обошлось в три с лишним миллиона рублей.

- Ого! Судя по всему грандиозное сооружение. А вот вокзал мне не понравился. По величине и внешнему виду, да и по удобствам для пассажиров, ему далеко до вокзала в Одессе.

- И не только до него, - согласился Павлов. - Он и Казатинскому вокзалу уступает. Тот намного удобнее. Но семнадцать лет назад никто не предполагал, что пассажирское движение здесь приобретёт такие размеры. Впрочем, всё ещё впереди. Постройка нового вокзала в Киеве - вопрос ближайшего будущего... Рад был нашему знакомству. Позвольте откланяться.

- Спасибо, что помогли с «поручиком» управиться. С меня причитается.

- Пустое, - сказал инженер и, перекинув дорожную сумку через плечо, направился в сторону Главных мастерских Юго-Западных железных дорог.

Глава 3

Киевский лихач

Приглашая Лавровского в Киев, Терещенко предложил ему остановиться в «Гранд-Отеле». На

возражение, что это одна из самых дорогих гостиниц в городе, он сказал: «А вот это пусть тебя не волнует. У меня с управляющим Генрихом Ланчия свои расчеты. Он, наш брат, рысачник. А я ему недавно, по сходной цене, двух жеребчиков от своего Крутого уступил». Спорить Алексей не стал: как говорится «хозяин - барин».

«Гранд-Отель», «Европейская», «Бель-Вью» и другие лучшие киевские гостиницы, стараясь заполнить к себе постояльцев, присылают на вокзал, к каждому прибывающему поезду, свои omnibusы. Но пока жандармский унтер составлял протокол, все они уже разъехались. Да и обычные извозчики тоже.

- А чего им сейчас здесь делать? - лениво объяснял прогуливающийся по привокзальной площади городской. - Начало седьмого - самое затишье. Кишинёвский почтовый прибывает в половине девятого. Вот тогда все и съедутся - и omnibusы, и лихачи, и петухи.

- Кто? - удивился Алексей.

- Извозчики, что поплоче будут.

- Теперь понял. В Москве их ваньками называют... Да, долго ждать. А где ближайшие извозчицьи биржи?

- На Бибиковском бульваре. Одна возле памятника графу Бобринскому, а другая у Галицкого базара. Тут не так уж и далеко, только в гору подниматься надо.

Тащиться по жаре, да ещё с дорожной сумкой и саквояжем, не хотелось. Но и ждать часа два, радости мало. В это время на площадь влетела красивая «пара с отлётом». Алексей невольно залюбовался коренной - вороной кобылой, в которой сразу чувствовалась орловская кровь. Да и пристяжной - изящный рыжий дончак - весьма хорош собою. Из пролётки неторопливо вылез пожилой мужчина явно еврейской наружности. К нему тут же устремилась, точно из-под земли появившаяся, целая толпа разного железнодорожного начальства.

- Это кто же такой? - поинтересовался Алексей у городского.

- Блюх Иван Станиславович, председатель правления Юго-Западных железных дорог. Его собственный салон-вагон с утра дожидается. И паровоз давно под парами.

- Своевременно он пожаловал, - обрадовался Лавровский. - Не придётся мне пешком до Бибиковского бульвара тащиться.

Городовой, пряча усмешку в усах, окинул взглядом наряд Алексея - пиджак из «чёртовой кожи», высокие сапоги и картуз с лаковым козырьком.

- Это, сударь, самый дорогой из киевских лихачей Семён Гирнев. Он меньше чем за трёшницу и вожжами не шевельнёт.

- Гирнев, говоришь? Просто замечательно!

... Алексею сразу вспомнилось, как позапрошлой осенью сидела компания заядлых рысачников у «Яра». Молодой спортсмен Николай Коноплин, недавно вернувшийся из Киева, с восторгом рассказывал о бегах на Печерском ипподроме:

- Новое Киевское общество охотников конского бега к делу отнеслось со всей серьёзностью. Круг и беседка, конечно, похуже, чем в Москве, но для провинции выше всяческих похвал. Призовые приличные. Лошади бежали интересные. Происхождение у многих самое «фешенебельное». Особенно понравились мне дети Бережливого с завода Фёдора Артемьевича Терещенко.

- А как там сейчас с наездниками? - спросил известный ездок-охотник Ржевский. - Ведь после

того, как в 1878 году закрылся старый ипподром на Лукьяновке, многие из них в Курск подались, в Тулу.

- Свято место пусто не бывает, - улыбнулся Коноплин. - Новые за эти годы подросли. Да ещё какие! Представляете, «Приз открытия» выиграл простой извозчик Семён Гирнев. Он на своём Угодном, завода князя Кугушева, всех за флагом бросил. Я его манерой езды был просто очарован. Пригласил на свою конюшню, но он отказался. Жаль! У меня сейчас подобрался замечательный призовой материал, а вот достойного наездника подыскать, пока не удается.

Князь Дмитрий Оболенский, который тоже был на бегах в Киеве, поморщился:

- Пустое, Коля. Ничего путного из этой вашей затеи с Гирневым всё равно не получилось бы.

- Почему?

- Слишком уж он крупный. Тяжеловат. А на беговом круге каждый лишний фунт веса наездника это лишняя десятая доля секунды в результате бега... Помню, зимой 1871 бежали в Петербурге на приз Гринвальда, Удалой, завода Ильи Молоцкого, и Кролик, светлейшего князя Меншикова. Оба жеребца высочайшего класса. Шансы на победу у

них были равны. Но на Удалом ехал шестипудовый Петька Силкин, а на Кролике - Захар Петров, которого по комплекции от английских жокеев не отличишь. Именно это в конечном итоге всё и решило. Выиграл Кролик. Илья тогда в сердцах сказал: «Этот не Удалой проиграл, а Силкин».

Ржевский усмехнулся:

- А сколько раз и до, и после этого шестипудовый Силкин заставлял Петрова пыль глотать? Да и не только его. Не стану скрывать, до сих пор считаю Силкина одним из самых опасных соперников на беговом круге. Хотя моему весу любой жокей позавидует.

Начался спор. Все дружно напали на Оболенского и стали доказывать, что вес важен только на скачках, а на бегах всё зависит от силы ездока, чуткости и гибкости его рук, понимания лошади, глазомера, находчивости, удали... Оставшийся в одиночестве князь попытался привлечь на свою сторону Лавровского:

- А вы, как считаете, Алексей Васильевич?

- Не знаю, что и сказать, - развёл руками Алексей. - Мне Силкин и Петров одинаково нравятся. Оба таланты! А, что касается этого киевского извозчика, то время покажет, кто прав.

С тех пор просматривая беговую хронику, Лавровский всегда обращал внимание на эту фамилию - Гирнев. И пришёл к выводу, что Коноплин сумел угадать в простом извозчике талантливого наездника. Особо впечатлила его победа в призе для кобыл всех возрастов в августе прошлого года.

Серая Уза, на которой ехал Семён, богатой родословной похвастаться не могла. Да и резвостью тоже. А вот у её соперницы Зазнобы было и то, и другое. Родилась она в Шаховском заводе князя Оболенского от Залётного, давшего десятки резвачей и ипподромных бойцов. Выиграла несколько призов в Туле, Ефремове и даже в Москве. К тому же ехал на ней маститый наездник Сергей Жуков, за плечами которого были многочисленные победы в самых престижных призах. От него-то Лавровский и узнал подробности состязания:

- Облапошил нас Семён. Я хотел на бегу всех вымотать. А он не повёлся - приберег силы своей кобылы для второй перебежки. На последней версте такой пейс предложил, что не выдержала моя Зазноба - заскакала... Толковый наездник. Ему и проиграть не зазорно.

Подобные слова от скупого на похвалы Жукова стоили дорого...

Лавровский подошёл к пролётке:

- Здравствуй, Семён Иванович!

- Здорово, коли не шутишь. Только вот, мил человек, не припомню я тебя что-то.

- Ты про «Беговые и скаковые известия» слышал?

- А то! В них про меня сколько раз писали. И даже фамилию мою не переврали. Меня ведь как в газетах и журналах не называют - Гирня, Гирнин, Гирькин. А один петербургский писака даже на французский манер обозвал - Гирни.

- Так вот, я редактор «Беговых и скаковых известий» Лавровский Алексей Васильевич. В Киев приехал, чтобы написать о беговом сезоне, который завтра открывается.

Извозчик сразу стал почтителен:

- Куда прикажите отвезти вас, сударь?

- Э, друг мой, так не пойдёт! Первое слово дороже второго. Раз уж начал на «ты», то нечего и «выкать». В «Гранд-Отель» мне надо. Сколько возьмёшь?

- С вас?! Да ни гроша!

- А вот это ты брось! Ишь, миллионщик, какой

нашёлся. Сколько положено - столько и заплачу.

Глава 4

Шкворень сподручнее

По дамбе пересекающей русло реки Лыбедь пролётка выехала на оживленную Безаковскую улицу, носящую имя одного из прежних генерал-губернаторов.

Лавровский расспрашивал Гирнева о предстоящих бегах и, одновременно, любовался Киевом. Ведь в первый свой приезд сюда толком ничего не рассмотрел. Он тогда был беспаспортным. А в таком положении достопримечательности города человека интересуют мало. Его больше волнует, как бы в поле зрения городского не попасть.

- А скажи, Семён, сколько призов рассчитываешь завтра взять?

- Это уж как бег сложится. А вот «Приз для извозчиков» обязательно моим будет.

- Слабенькая компания подобралась?

- Не, сильная. Только я свою Щеголиху хоть сорву, а всё едино первым приду.

- Неужели призовые такие богатые?

- Призовые не ахти какие - пятьдесят рублей.

Тут в другом дело.

Гирнев замолчал. Алексей с расспросами лезть не стал. Не принято это у людей бывалых. Захочет - сам расскажет. Так и вышло.

- Вот ты, судя по всему, много чего в жизни повидал.

- Не без этого. А как догадался?

- Наслышан я о тебе от Остапа Пушкаренко, который коновалом на конском заводе в Малиновке служит. Вспоминал он как-то, как вы с ним сорокских конокрадов ловили, как ты жизнь ему спас.

- Было дело, - улыбнулся Алексей.

- Так скажи, правильно я сделал или погорячился. Приходят ко мне вчера вечером двое бугаев и велят на бегу Щеголиху попридержать. Я их, само собой, по матушке послал. А они меня Сашко Москалём стращать стали. Ты о нём и не слышал, а в Киеве его все знают. У фартовых он в большом почёте.

- Не угадал, друг мой. С вашим Сашко мы давние знакомые.

... Ещё несколько лет назад Александра Гордеевича Храпова знала вся Москва. Его почетные звания и должности на визитной карточке не помещались: присяжный поверенный, доктор

прав, гласный городской думы, член самых различных благотворительных, научных и спортивных обществ. Этого гладко выбритого, щуплого коротышку можно было встретить везде: в окружном суде и городской думе, на балах у генерал-губернатора и обедах в Английском клубе, в Артистическом кружке и Юридическом обществе, на бирже, скачках, бегах... Однако не все знали, что в уголовном мире второй столицы он известен под кличкой Саша Маленький.

Сам он не воровал и на «гранты» не ходил. Но следы самых крупных краж и дерзких грабежей вели к нему. Лучшим «давальщиком» признавали Сашу фартовые. Если уж наводил он на торговый амбар или какую-нибудь контору, то «слам» всегда богатым оказывался. Большую часть заработанных денег Саша вкладывал в доходные дома, бордели, «чайные», где незаконно торговали водкой. Потом заинтересовался букмекерством, попытался организовать массовые беспорядки на Ходынском ипподроме.

Вот здесь-то и пересеклись пути Храпова с Алексеем Лавровскими и его лучшим другом, помощником начальника Московского управления сыскной полиции Сергеем Малининым.

В результате, в 1884 году многие подельники Маленького отправились в Сибирь, а самому ему влиятельные покровители посоветовали сменить место проживания. Он уехал в Киев и довольно скоро местные фартовые с уважением заговорили о Сашко Москале...

- Александр Гордеевич человек опасный. С его людьми, поаккуратнее надо.

- Да они сами напросились. Ножи, понимаешь, вытащили. А у меня для таких случаев припас всегда имеется.

-Шкворень?- улыбнулся Алексей, вспомнив нескольких знакомых московских извозчиков. предпочитающих увесистый железный стержень кастету и «Каролине Ивановне» - гирьке на ремешке.

- Ага. Сколько уж раз им от разной гопоты отмахивался... Ну, вот и поучил их малость уму разуму. А сегодня утром мне письмецо подбросили. Конюшню, мол, спалим, а самому кишки выпустим, если Щеголиха первой придёт.

- В полицию заявил? - спросил Алексей, хотя ответ, откровенно говоря, знал заранее.

Там где Безаковская улица вливается в Бибиковский бульвар, внимание Лавровского

привлѣк памятник - на гранитном постаменте, опирающаяся ногой на железнодорожный рельс, статую мужчины в тоге, поверх которой наброшена шинель.

- Это кто же такой?

- Граф Бобринский.

- А тот самый, что железные дороги и сахарные заводы в Юго-Западном крае строил! Странно, что никакой надписи нет.

- Были и надпись бронзовая, и украшения разные. Так их ещё лет десять назад украли.

- До сих пор не нашли?

- Не... А ты ещё спрашиваешь, заявил ли я в полицию.

- Понятно.

Пролѣтка ехала по широкому Бибиковскому бульвару, который благодаря высоким пирамидальным тополям можно считать настоящим украшением города.

- Семён, а что там? - Лавровский указал на кирпичную ограду справа.

- Ботанический сад с оранжереями. По чистоте содержания, богатству растений и обилию цветов один из лучших киевских садов, - судя по бойкости ответа, Семёну часто приходилось рассказывать

пассажирам о достопримечательностях Киева. - Открыт для публики ежедневно с утра до девяти часов вечера... А вот и Бессарабка. Тут самый большой базар в городе, фонтан, общественной бассейн питьевой воды. По праздникам народные гулянья устраиваются. Ночью сюда не ходи - оберут до нитки.

- Знаю, - кивнул Лавровский.

В прошлый свой приезд в Киев именно здесь он прожил несколько дней. Площадь и прилегающие улочки, загромождённые деревянными и железными лавчонками и ларями, были излюбленным местом бродяг и босяков, которых называли «басарабами» или «бессарабами».

- Вначале семидесятых полиция сюда и сунуться боялась.

- Да и сейчас тоже... А вот и наша главная улица.

Пролётка выехала на Крещатик, который все путеводители называют центром Киева.

На Крещатике сосредоточена главная торговля. Огромные здания заняты магазинами, устроенными на петербургский манер - с огромными зеркальными витринами, где на всеобщее обозрение выставлено всё самое ценное,

что имеется в продаже... На этой же улице находятся городская дума, конторы крупнейших торгово-промышленных заведений, самые лучшие рестораны и гостиницы.

- «Гранд-Отель». Приехали.

- Спасибо, друг мой. Держи, - Алексей дал извозчику трёхрублёвку.

- Многовато будет. Вот рубль сдачи.

- Не надо. Я завтра за твою Щеголиху больше получу. Тотализатора, насколько я знаю, у вас нет?

- Не... Третий год, как собираются завести, да всё не получается.

- Тогда подскажи мне надёжного букмекера.

- Самуил Маркович из них самый порядочный, отродясь никого не обманывал.

- А где его найти?

- Обычно он на Печерске в аптеке Сонгайло ставки принимает. А в дни, когда бега проводятся, прямо на ипподроме - в буфете, в задней комнате.

- Замечательно. А с Александром Гордеевичем я про тебя потолкую.

- Так ты его приятель?!

- Ну, да - лучший друг после чумы и холеры. Но, полагаю, просьбу мою, оставить тебя в покое, он уважит. Обрисуй-ка мне личности тех бугаёв.

Глава 5

«Гранд-Отель»

Издали бросается в глаза красивый трёхэтажный каменный дом на углу Крещатика и Крещатицкой площади. Это «Гранд-Отель» - одна из наиболее шикарных и, разумеется, дорогих киевских гостиниц. Самый простенький номер обойдётся вам здесь не менее рубля в сутки, а за «люкс» придётся выложить тридцать рублей. Для сравнения, возле вокзала и на Подоле, у речного порта, имеются довольно приличные заведения с полтинничными номерами. Правда грязновато там, да и удобства не ахти какие.

Селятся в «Гранд-Отеле» люди состоятельные. Как правило, это преуспевающие коммерсанты, крупные помещики, известные артисты, знатные иностранцы. Поэтому швейцар был весьма озадачен появлением нового гостя. Как к нему обращаться? Степенство? Ваше благородие? Сиятельство? С одной стороны, костюм почтения не вызывает. А с другой, подъехал он на лучшем киевском лихаче. Правда, почему-то на прощание ему руку пожал. Впрочем, раздумывать некогда было. Распахнув дверь, поприветствовал громогласным басом:

- Здравия желаю, барин! Всемерно рады

видеть вас в нашем отеле.

Портье, который тоже сперва смотрел на Алексея с некоторым изумлением, преобразился, услышав его фамилию:

- Давно вас ждём-с. «Люкс» на втором этаже для вас заказан.

- «Люкс»? Это сколько дней за пять будет?

- Не извольте беспокоиться. Господин Терещенко оплатил счёт за две недели вперёд. Базиль! Примите вещи у его... э ...у его... у Алексея Васильевича.

Расторопный малый в ливрее ловко подхватил саквояж и дорожную сумку:

- Позвольте, барин, до номера вас сопроводить. Нет, не сюда, - остановил он Лавровского, направившегося к широкой мраморной лестнице. - У нас подъемная машина-с.

Алексей отметил про себя, что подъемная машина, или как принято говорить на английский манер, лифт, имеется далеко не в каждой из первоклассных московских и питерских гостиниц.

Просторный двухкомнатный номер был, действительно, замечательный - с удобной мебелью, ванной, горячей водой. На столе ваза с цветами, на

секретере бумага, письменные принадлежности, свежие киевские газеты. В папке бордовой кожи с золотым тиснением ресторанное меню. Посмотрев его, Алексей убедился, что французская кухня здесь не хуже, чем у Оливье в «Эрмитаже», а русская, если и уступает Тестову, то незначительно. Завтрак, обед, ужин, а так же кофе и чай, всегда можно заказать в номер.

Умывшись с дороги и переодевшись в модную пиджачную пару, Лавровский взял в руки сегодняшний выпуск «Киевлянина».

Но в это время в дверь постучали.

- Да!

Вошел молодой изящный блондин с холёными пушистыми усами и небольшой аккуратной бородкой.

- Позвольте представиться - управляющий гостиницей Генрих Евгеньевич Ланчия. У моего батюшки, владельца сего заведения, твёрдое правило - лично посещать новых гостей, дабы убедиться, что их разместили со всеми удобствами. Так, как он сейчас в отъезде, сия приятная миссия выпала мне. Понравился вам этот номер, Алексей Васильевич? Нет ли нареканий на прислугу?

- Всё выше всяческих похвал.

- Рад слышать! Если вам потребуется экипаж для поездок по городу, рады будем предоставить его вам, хоть днём, хоть ночью. На первом этаже находятся несколько магазинов, где можно купить для родных и друзей подарки, без которых возвращаться из Киева, право, неприлично: несравненные малороссийские колбасы, сливянку и спотыкач, а самое главное - сухое киевское варенье.

Алексей невольно облизнулся. Любимым шоколадам и мармеладам предпочитал он в детстве это лакомство - разные ягоды и кусочки фруктов, многократно уваренные в сахарном сиропе до янтарной прозрачности.

- У всех приезжих, особенно у иностранцев, оно пользуется огромным спросом,- продолжал Ланчия. - Несколько лет назад гостил у нас герцог Антуан де Монпансье, младший сын свергнутого французского короля Луи-Филиппа. Так ему наше варенье настолько понравилось, что перед возвращением в Европу, он купил у Николая Балабухи целых пятнадцать пудов.

- Вот это размах!

- По достоинству оценил сухое варенье, да и многие блюда малороссийской кухни, бразильский император Педру II.

- Он тоже в «Гран-Отеле» останавливался?

- Да, в 1876 году, когда инкогнито, под именем графа д'Алькантара, посетил Россию. Очень любознательный и обходительный человек. А сейчас у нас гостят бразильский граф Рио-Бранко с супругой. Они в соседнем номере остановились... Ох, увлёкся я и, чуть было, о главном не забыл. Фёдор Артемьевич оставил для вас пакет.

Алексей вскрыл плотный конверт, в котором оказались пять новеньких сторублёвок, визитная карточка и письмо.

Алексей Васильевич!

Прости бога ради, что так вышло. Позвал в гости, а сам уехал. Да только делать нечего было - врачи велели незамедлительно везти супругу мою Надежду Владимировну на воды в Карлсбад.

Думаю, что ты и без меня справишься. Смотрителя завода я предупредил. Он всё расскажет, ничего не утаит.

Статья, как и договаривались, должна большой быть - в трёх, а лучше в четырёх номерах и начинаться, обязательно, на первой странице. Побольше расскажи о Крутом и Бережливом.

Обязательно опиши такую историю. Одному московскому купцу, фамилию его называть не

стану, чтобы не позорить почтенного человека, предлагали купить шестилетнего Бережливого за такую смешную цену, как тысяча рублей. А он отказался. Другие охотники его одобрили. Нечего, мол, деньги на ветер кидать. Один только Фёдор Терещенко прозорливость проявил, оценил породу и породность жеребца.

Думаю, двух недель тебе на всё хватит. Гостиницу я оплатил. Прими малость деньжат на расходы. Окончательный расчёт произведём, когда вернусь.

Да, вот, что ещё. Если ты, по своему обыкновению, в какую историю встрянешь, обратись к начальнику жандармского управления Новицкому. В Киеве его не любят, а зря. Порядочный мужик, душевный.

С уважением Фёдор Терещенко

Алексей взял в руки визитную карточку Терещенко. На обороте было написано: «Василий Демьянович! Посодействуй подателю сего. Как за себя прошу».

Ланчия, дождавшись когда Лавровский закончит читать, предложил:

- Не откажите в любезности отужинать сегодня в нашей компании. Будут только свои,

беговые - исправляющий должность вице-президента общества Паншин, старший член Кобец, может быть секретарь Дорстер.

- Сочту за честь. Где и во сколько?

- В отдельном кабинете нашего ресторана. В десять часов.

- Непременно буду. А до этого вполне успею встретиться с одним старым знакомым. Не поможете разыскать адрес присяжного поверенного Храпова?

- Может вначале вам лучше телефонировать ему?

- Конечно.

- Тогда прошу в мой кабинет.

- Генрих Евгеньевич, заранее прошу извинить, если мой вопрос вас неуместным покажется. Почему Аркадия Ивановича до сих пор вице-президентом не избрали? Два года быть исправляющим должность это, право, неприлично. Тем более, что он столько для общества сделал.

- Как бы вам, поделикатнее ответить, - Ланчия задумался. - Служит у нас повар, который всю Европу и Америку объехал, прежде чем в Киеве поселился. Так у него любимое присловье имеется: « Встретились три француза - жди

революцию, три еврея - новое акционерное общество появится. А где три хохла собрались - не миновать свары».

- Понятно. Характер у наших малороссов не ангельский, а у уроженцев Волыни и Подолии тем более. У вас же и тех и других предостаточно - Балабуха, Севрук, Подгорский...

- Это, Алексей Васильевич, люди порядочные. А вот типографщик Корчак-Новицкий с парой своих приятелей постоянно воду мутит.

- И чего ему надо?

- Вице-президентом, как вы наверное слышали, в первом заседании общего собрания членов-учредителей Фёдора Артемьевича Терещенко избрали. Но он отказался. Не смогу, дескать, должного внимания делам общества уделять, а свадебным генералом быть не хочу. Тогда Корчак-Новицкий баллотироваться решил.

- На вороных прокатали?

- Совершенно верно. Из семидесяти шаров только пять белых. Вот он и обозлился. При этом проявляет крайнюю мелочность и непорядочность. Когда-то обещал печатать в своей типографии наши афиши, программы и билеты. А теперь дерёт за них с общества втридорога...

Центральная телефонная станция была открыта в Киеве в апреле 1886 года на втором этаже старинного здания губернской почтовой конторы на Крещатике. В отличии от других городов Российской империи принадлежит она не иностранному капиталу, а государству. Однако, дешевле от этого новый вид связи не стал. В Москве частному лицу телефон обходится в двести пятьдесят рублей в год. В Киеве на сотню меньше. Но это только в том случае, когда ваша квартира или контора находятся не дальше чем в трёх верстах от станции. А за каждую дополнительную версту придётся платить ещё по пятьдесят рублей.

- Дорогое удовольствие, но престиж дороже, - рассказывал Ланчия. - Разве могли мы в стороне остаться, когда в «Европейской», в нашей главной сопернице, аппарат уже установили? До сих пор жалею, что не удалось нам номер ноль-ноль один получить. Владелец кофейни Семадени перехватил. Ходят слухи, богатый бакшиш он кому-то из начальства почтово-телеграфного округа дал.

Полистав список абонентов, Ланчия подошел к висящему на стене аппарату «Белла-Блека». Несколько раз крутанул ручку.

- Станция, - раздался приятный женский голос.

- Барышня, дайте мне номер один - тринадцать.

- Соединяю.

- Алексей Васильевич, возьмите слуховую трубку. А я пойду насчёт ужина распорядюсь.

Храпов был сильно удивлён:

- Кто?! Лавровский?!

- Он самый, Александр Гордеевич. Забыли, поди, меня.

- Вас забудешь... Чем обязан?

Алексей знал, что в последнее время жандармы и полиция стали практиковать прослушивание телефонных разговоров, интересующих их людей. Если киевские сыщики нас сейчас слушают, подумал он, тем лучше:

- Просьба у меня к вам имеется, касательно Семёна Гирнева.

- А это кто такой?

- Лихач. Он завтра на «Приз для извозчиков» едет, а ваши ребята требуют, чтобы он свою Щеголиху попридержал. Конюшню спалить грозятся, кишки выпустить. Приструните своих

башибузуков, Александр Гордеевич. Вы ведь помните, я друзей в обиду не даю.

- Да уж, не забыл. Только тут явно какое-то недоразумение. Разберусь и через четверть часа перезвоню вам. Вы откуда телефонируете?

- Из «Гранд-Отеля».

Храпов позвонил минут через пять.

- Алексей Васильевич, всё значительно хуже, чем я предполагал. И для вашего протекции, и, не стану скрывать, для меня. Надо бы срочно встретиться. Но я, как назло, приглашен на чашку чая к супруге генерал-губернатора. Она хочет обсудить со мной какие-то дела дамского попечительства о бедных. Не откажетесь побеседовать с моим доверенным лицом?

- Почему бы и нет?

- Тогда через полчаса он будет ждать вас у кондитерской Семадени. Это совсем рядом с «Гранд-Отелем» - на углу Крещатика и Институтской.

Глава 6

У Семадени

Они сидели на летней веранде кондитерской Семадени за трёхногим столиком белого мрамора.

- Уютно здесь, - сказал Лавровский. - Совсем,

как у Трамбле на Кузнецком мосту. Только поспокойнее.

- Не всегда, - улыбнулся Николай Винокур, представившийся секретарём присяжного поверенного Храпова. - Обратите внимание, что заведение это находится напротив Киевской товарной биржи. Поэтому днём, с одиннадцати до трёх, тут обычно многолюдно. Собираются крупные торговцы лесом, сахаром и хлебом, сделки на сотни тысяч рублей заранее обговаривают. Но ещё больше «биржевых зайцев» - людей пронырливых, ловких, но не настолько состоятельных, что бы оплатить взнос, дающий право официально работать на бирже. Крик, шум, гам! Но это и не удивительно - при дележе куртажных частенько возникают недоразумения, порой и драки случаются.

- А как половые к такой беспокойной публике относятся?

- Снисходительно, но при условии, что «зайцы» заказывают кофе и сдобные булочки. Да ещё жутко ругаются, когда какой-нибудь делец, достав карандаш, начинает подсчитывать свои прибыли и убытки прямо на мраморной столешнице... А после закрытия биржи картина совсем иная! Чиновники, артисты, адвокаты и

прочие состоятельные люди, часто с семьями, приходят сюда выпить чашечку лучшего в Киеве кофе, полакомиться швейцарским шоколадом, замешенном на свежайшем молоке, заморских ананасов откусать. Ну, и, разумеется, огромным спросом пользуются фирменные пирожные «от Семадени» и торт-мороженое с фруктами... А вот, кстати, и он! Оцените!

- По виду восхитительно. А по вкусу... Просто превосходно!

- Может быть, велеть подать вина? Александр Гордеевич говорил, что вы большой знаток и ценитель сухой мадеры.

- Было дело. Но вот уже четвёртый год пошёл, как от горячительных напитков решительно отказался. А вы, гляжу, тоже оранжад предпочитаете?

- Да. Вообще-то я шампанское люблю.

- Моэт?

- Клико и редерер ему сильно уступают. Но после пары бокалов меня на коньяк тянет. Потом я их начинаю пополам мешать, а, потом...

- К цыганам! - расхохотался Алексей. - В этом, Николай Михайлович, мы с вами похожи.

... Николай Винокур, в отличии от прежнего

храповского секретаря Камбалы, произвёл на Лавровского благоприятное впечатление с первых же минут. Тот был холёным, нагловатым франтом со скверной привычкой бесцеремонно разглядывать окружающих в лорнет. А доброжелательно улыбающийся, скромно одетый Винокур больше всего напоминал земского врача или учителя. К тому же он сразу показал свою деловитость.

Встретив Алексея возле кондитерской, он твёрдо заявил:

- К угрозам вашему протезе мы не имеем никакого отношения.

- Вы хотите убедить меня, что Храпов букмекерством не занимается? Не поверю.

- И правильно сделаете. Сегодня почти половина всех киевских букмекеров работают от Александра Гордеевича.

- Неожиданная откровенность.

- А чего скрывать? Недозволенная игра, конечно, занятие, преследующееся по закону. Но ввиду того, что на Печерском ипподроме вот уже третий год не удаётся открыть тотализатор, администрация бегового общества относится к ней снисходительно. А по её негласной просьбе и полиция делает вид, что ничего не видит. Да, что это

мы с вами на тротуаре толчёмся, внимание прохожих привлекаем? Пойдёмте в кофейню, там для нас уже пару столиков приготовили.

- Зачем пару-то? - удивился Лавровский.

- А, что же ребятам нас на улице дожидаться?

Оказалось, на встречу Винокур пришёл не один, а в сопровождении двух крепких молодых людей в вышиванках под расстегнутыми пиджаками и модных ботинках с длинными тупыми квадратными носками.

- Кофе? - предложил Винокуров.

- Жарковато для кофе.

- Тогда большой графин оранжада со льдом, ваших фирменных пирожных и торт-мороженое, - распорядился Винокур. А когда половой отошёл, протянул Лавровскому программу завтрашних бегов. - Посмотрите четвёртый заезд. Вы, говорят, в рысаках разбираетесь. Имеются у Щеголихи шансы на победу в такой компании? Да, её отец дал в заводе Чеховского несколько недурных лошадей. Но больно уж сильные соперники подобрались.

- Так... *Приз для извозчиков. Дистанция 3 версты с такой же перебежкой. Норма бега 3 минуты на версту. Экипаж - извозчицы пролётки. Вес произвольный...* Норму могли бы и порезвее

назначить. Записано шесть лошадей.... *Ермак, сер. жер. от Эль-Хамина и Вкрадчивой - К.Н.Мейнеровича. Род. в 1876г. в Государственном Хреновском заводе. Едет владелец...* Ну, на него я бы и рубля не поставил.

- Почему? Мейнерович считается у нас неплохим ездоком.

- Не знаю, какой он ездок, но только здесь ему ничего не светит. Потому что Эль-Хамина своей строптивостью известно. Думаю, со старта Ермак закинется или заскачет... Нарядный от Воронв и Лебёдки...

- Настоящий красавец.

- Как и все дети калабинского Ворона. А вот резвачей среди них не встречается... Ого! Быстрая. Эту кобылку я на беговом кругу видел, когда гостил на заводе Богданова в Курской губернии. Представляете, трёхлеткой она версту без пятнадцати проходила...

- За 3 минуты 45 секунд?

- Нет, Николай Михайлович! Не за три, а за две... Боец, от Боевого-Молодца завода Павлова. Достойный соперник Быстрой! Да и от челищевской Коровки сюрпризов ожидать следует.

- Сомневаюсь.

- И напрасно! В прошлом году в Туле её родная сестра Тёлочка всех игроков без штанов оставила... Да, в такой компании Щеголиха совсем не смотрится. Вряд ли её сильно играют.

- Совершенно верно. Все играют Бойца и Быструю, хотя ставки на них принимаются из расчёта четыре к пяти. Те, кто любит рискнуть, ставят на Коровку - один к трём. А вот на Щеголиху, она идёт один к семи, ставок почти нет, - Винокур достал толстую записную книжку. - Это сведения поступившие от наших букмекеров по состоянию на шесть часов вечера. Извольте взглянуть. Первый столбец - кличка лошади, второй - сколько денег за неё собрано. А третий - сумма, которую нам предстоит выплатить, в случае её победы.

- Интересно... Весьма интересно... Получается, что победа Щеголихи Александру Гордеевичу выгодна?

- Вот именно. В этом случае наша прибыль составят около двух тысяч. А если первыми у призового столба будут Боец или Быстрая - всего рублей пятьсот. Как видите, с финансовой точки зрения, наезжать на вашего Гирнева нам смысла нет. А с политической, тем более. Администрация бегового общества, как я уже говорил, относится к

букмекерству снисходительно.

- Конечно, игра ведь привлекает на ипподром публику.

- Но президент общества князь Репнин жёсткое условие поставил - никаких попыток влиять на ход состязаний. Иначе, мол, в один момент вашу лавочку прихлопну. А перечить ему - себе дороже.

- Это точно. Все Репнины, испокон веков, крутым нравом отличаются.

- А у этого, к тому же, большая власть - губернский предводитель дворянства. И полицмейстер, и городской голова ему в рот смотрят. Сам генерал-губернатор, говорят, с ним спорить не любит... За два года каких-либо неприятных происшествий не случилось. И вдруг такое! Александр Гордеевич возмущён и велел мне найти наглецов, которые от его имени Гирнева стращали. Правда, с какого бока к розыску подступиться я пока не знаю.

- Готов оказать вам всяческое содействие. Я подробно расспросил Семёна о личностях негодяев. Думаю, вам это пригодится.

- Конечно! - обрадовался Винокур. - Левко, Афанасий, подсаживайтесь к нам! Рассказывайте, Алексей Васильевич.

- На вид обоим лет за тридцать. Один, что с чёрными усами подковкой, ростом с меня. У него над левой бровью шрам небольшой имеется. Другой, с рыжеватой бородой лопатой, вершка на два пониже напарника, зато в плечах пошире будет. У него, как Семён заметил, на правой руке большого пальца нет. Усатый сильно шепелявит.

- А одягнени вони як були? - поинтересовался Левко.

- Довольно прилично одеты. Бородатый в короткой синей поддёвке и смушковой шапке. А другой в пиджаке чёртовой кожи и военной фуражке без кокарды.

- Околишек якого кольору? - стал допытываться Левко. - На ногах що було? Чоботи або штиблети?

Лавровский сокрушённо развел руками:

- Не выяснил.

К расспросу подключился Афанасий:

- Где они Семёна подловили?

- На Бессарабке у фонтана.

- Ножи, какие у них были, он часом не приметил? Финские? Засапожники?

- Вроде финки.

- На босякив вони не схожи, - задумчиво

сказал Левко.- Швидше з блатних.

- Очень на то похоже, - согласился Винокур. - Афанасий, сбегай в сыскную часть. Поинтересуйся, нет ли среди их клиентов похожих орёликов.

- Слушаюсь, Николай Михайлович. А потом может в Печерский участок слетать? Там сейчас Заакусилов дежурит. Попрошу, чтобы за конюшной присмотрел.

- Нет, сразу сюда возвращайся. Хозяин с приставом уже обо всём договорился. Он попросил, чтобы ночью возле конюшни Гирнева городской дежурил и парочку наших ребят ему в помощь послать обещал... А ты, Левко, загляни в «Париж», на Бессарабку.

- Добре, зроблю.

- Револьвер у тебя при себе? - спросил Винокур. - На Бессарабку вечером без оружия лучше не соваться.

- Мы со своими маузерами, Николай Михайлович, никогда не расстаемся, - ответил за напарника Афанасий...

- Толковые ребята, - оценил Лавровский настырность и деловитость помощников Винокура. - В полиции служили?

- Левко сыщиком был. А Афанасий

репортёрствует, в «Киевлянине» его ценят...
Здравствуйте Самуил Маркович!

Приветствие относилось к вошедшему в кондитерскую старому высокому еврею. Глядя на его крепкую, не по годам стройную фигуру, Алексей сразу догадался, что старик из кантонистов. Так в давние времена называли еврейских детей, которых по указу Николая I с двенадцатилетнего возраста брали в рекруты и после обучения в гарнизонных школах отправляли на двадцать пять лет в армию.

Старик приподнял фуражку:

- Вечер добрый, молодые люди. А я к вам, Коля, по делу. Посекретничать надо.

- Я оставлю вас на минуту, Алексей Васильевич.

Отойдя в сторону, они начали шептаться. Бас у старика был такой, что любой певчий из церковного хора позавидует. Да и сидели они совсем рядом - за соседним столиком. Поневоле подслушаешь. Алексей слышал большую часть их разговора.

- Один плюгавый, в пенсне...

- Не знаю такого...

- Второй шепелявит... Усы подковкой...

- Самуил Маркович, потише...

- Стараюсь, да не получается... Пятьсот рубликов на Щеголиху поставили...

- Немыслимо...

- Вы мне только скажите, едет Семен или нет?

- Сами не поймём.

- Ой, дурите вы голову старому солдату...

Вернувшись, Винокур принялся барабанить пальцами по столешнице.

- Что-то случилось? - прервал Лавровский затянувшееся молчание.

- Что? Извините, отвлекся. О чём вы?

- Неприятные новости?

- Странная история... Это Самуил Маркович Лифшиц. В букмекерском деле человек не последний. Его люди в «Бель-Вю» сидят, на Подоле, Трухановом острове...

- А сам он обычно на Печерске в аптеке Сонгайло ставки принимает. В беговые дни, говорят, его всегда можно найти в буфете ипподрома, в комнате за стойкой, - добавил Лавровский.

Винокур не смог скрыть удивления:

- Однако... Вы, гляжу, время зря не теряете.

- А то! Самуил Маркович, очевидно, имеет какое-то отношение к делу, который мы сейчас

занимаемся?

- Да. Он на несколько дней в Броды уезжал. В аптеке вместо себя одного из своих поддужных оставил. Вернулся сегодня, а тот ему с радостью докладывает, что вчера утром какие-то лохи поставили у него пятьсот рублей на Щеголиху. Один к семи. Старик заволновался, конечно, и примчался посоветоваться. У нас ведь всегда самые достоверные сведения с конюшен имеются.

- Интересный сюжет получается, как один мой приятель говорит.

- Значительно интереснее, чем вы думаете. Помощник Лифшица запомнил внешность этих господ. Одному из них лет сорок, плюгавый, в позолоченном пенсне. Второй лет на десять моложе, чёрные усы подковкой, над левой бровью небольшой шрам, немного шепелявит.

- Да уж... Утром поставить на лошадь пятьсот рублей, а вечером требовать от наездника попридержать её? Ничего не понимаю.

- Я тоже. Ладно, остаётся надеяться, что Афанасий и Левко, что-нибудь разведают. А пока давайте будем оранжад пить и ждать, когда нам торт подадут. Кстати, вы курите?

- Да, сигары.

- Угощайтесь. «Ромео и Джульетта». Очень хороший сорт. Мне недавно из Одессы целый ящик привезли.

- Контрабандные?

- Само собой...

Афанасий вернулся часа через полтора. Коротко доложил:

- Интересующий нас усатый среди киевских фартовых или находящихся сейчас в городе гастролёров не числится. А вот беспалым бородачом сыщики сами интересуются. Он объявлен в розыске губернским жандармским управлением.

- Что натворил? - спросил Алексей.

- О причине розыска жандармы не сообщили. У них вечно всё государственная тайна за семью печатями. Только ребята полагают, что это какой-то социалист. А судя по изуродованной руке,, из бомбистов.

Ещё через полчаса появился Левко.

- Ничего не впизнав, - доложил он.

Взглянув на часы, Алексей понял - пора возвращаться в «Гранд-Отель».

Глава 7

Ужин по-малороссийски

Возле «Гранд-Отеля» Лавровский увидел ту

самую пару с отлётом, на которой ехал с вокзала. Гирнев помогал выйти из пролётки молодой черноволосой, богато и со вкусом одетой даме. До него донёсся её приятный голос:

- Семён, завтра в двенадцать жду тебя.

- Никак не получится, Анна Михайловна. На бегах я завтра весь день буду, на призы еду.

- Ох, совсем забыла, что завтра открытие бегового сезона. Жаль не удастся побывать на нём. В России почему-то не принято дамам без кавалеров посещать ипподромы.

- Так уж у нас испокон веку заведено: на бега или в трактир одной ба... женщине нельзя. Вот в храм божий или магазин какой иди себе на здоровье.

- Какие предрассудки! Но делать нечего - в чужой монастырь со своим уставом не полезешь... А муж вернётся только дня через три. Какая досада! Семён, может, найдёшь мне на завтра кавалера?

- Анна Михайловна, да у меня таких знакомых, что достойны с вами под ручку пройти, отродясь не водилось. Вы уж меня извините.

- Значит, не придётся мне завтра орловцами полюбоваться. А когда следующий беговой день?

- Через неделю.

- К этому времени мы с Луисом наверное уже

уедем в Одессу... До свидания, Семён. Послезавтра ты мне понадобишься.

Швейцар, распахнув дверь перед дамой, рывкнул басом:

- Здравия желаю, ваше сиятельство!

- Благодарю, любезный.

Какой голос, мысленно восхитился Лавровский, словно бархатный. А глаза! Это о таких глазах Саша Давыдов поёт:

*Очи чёрные, очи страстные,
Очи жгучие и прекрасные...*

И фигура просто восхитительная - всё при ней. Лавровский всегда был поклонник блондинок. Но в этот раз, с первого взгляда, брюнеткой увлёкся.

- Добрый вечер, Семён, - поздоровался он, подойдя к Гирневу.

- А с чего он добрый? - проворчал тот. - Вот еду и всё жду, когда на меня злодеи набросятся. От них-то я отмашусь, а вот за лошадей, боязно, разные мысли нехорошие в голову лезут.

- За конюшню можешь не волноваться. Пристав Печерского участка распорядился, чтобы всю ночь возле неё городской дежурил. А Александр Гордеевич обещал ему в помощь двух своих ребят направить.

- Как это? А разве не Сашко Москаль...

- Нет, Семён, ему, оказывается, победа Щеголихи даже выгодна. А вот любые твои неприятности могут большие хлопоты доставить.

- Тогда ничего я не понимаю.

- Признаюсь честно - я тоже. Но ничего, завтра-послезавтра во всём разберёмся... А скажи, друг мой, что это за дама?

- Понравилась?

- А то!

- Графиня Рио-Бранко. Из Америки к нам приехала.

- Надо же! А по-русски чешет не хуже нас с тобой.

- Так она и есть чистокровная русская. Батька её с Полтавщины, мать из Киева. Только они, когда Анна Михайловна ещё титьку сосала, за море-окиян подались счастье искать.

- И, похоже, нашли.

- Не. Бедствовали, с хлеба на квас перебивались. Это уж ей повезло - вышла замуж за богатейшего графа бразильского. У него, говорят, сорок тысяч десятин земли, где какой-то тростник выращивают, из которого сахар делают и ром гонят.

- Старый муж-то?

- Да как мы с тобой. Только больно на бабу похож. Я уж было подумал, не из «тёток» ли он? А с другой стороны, зачем тогда ему жена понадобилась?

- Ну вот, ещё одна загадка! - рассмеялся Алексей. - Что же это за день такой выдался?

У входа в ресторан его поджидал Ланчия:

- Все собрались, а вас всё нет и нет. Мы уже беспокоиться начали - не случилось ли чего? Вы ведь на встречу с Храповым пошли, а о нём разное говорят.

- Полно, Генрих Евгеньевич. Ну, что может такого случиться в центре города с человеком, которому по самым бандитским трущобам ходить сколько раз доводилось? Много народа на ужине будет?

- Нет, всего семеро: мы с вами, Паншин с тестем, Кобец, Чеховский из своей Германовки приехал. Все рысачники. Кроме Сергея Григорьевича Ярона из «Киевлянина».

- Серёжка?! - обрадовался Лавровский. - Мы с его братом Маркушей, который либретто для опереток пишет, друзья. Да и с ним не раз встречались. Однажды я его на Хитровку водил, так

сказать в познавательных целях.

Лавровский окинул взглядом ресторанный зал:

- Уютно здесь.

- А мне совсем не нравится, - вздохнул Ланчия. - Тесновато и чересчур старомодно. Давно уговариваю батюшку начать перестройку. Но он всё не решается - опасается значительных затрат. А я уже и проект составил! Вместо одного зала сделаем два: большой, оформленный в стиле Луи XIV, и поменьше в стиле ренессанс. Художник Светлославский обещал потолок расписать. Показал он мне недавно эскиз плафона «Богиня весны». Я в восхищение пришёл.

- Сергей Иванович Светлославский? Это ведь любимый ученик Саврасова и Перова. Настоящий талант! Павел Михайлович Третьяков, а у него глаз намётанный, не торгуясь, купил его первую ещё ученическую работу для своей коллекции... Так он сейчас в Киеве проживает?

- Да, на Куренёвке у отца.

- Непременно загляну к нему в гости.

- А ещё мечтаю я устроить зимний сад. Представляете: агавы, кусты лавра, камелии, орхидеи! Свои финики, бананы и лимоны круглый

год будут.

- А ананасы? - улыбнулся Лавровский.

- Разумеется. Это сейчас один из самых модных фруктов. Редко какая компания ананасы не заказывает... Но мы сегодня откажемся от всей этой экзотики. Хочу попотчевать вас малороссийской кухней.

- И борщ будет?

- Для ужина это блюдо не очень подходит. Но сейчас прикажу, чтобы приготовили настоящий полтавский борщ с галушками.

- Не надо, на ночь действительно тяжеловато. Велите лучше, чтобы вареников подали - я до них большой охотник.

- Уже распорядился, - улыбнулся Ланчия. - Наши вареники славятся на весь Киев. Повару от прадеда достался рецепт теста. Оно всегда необыкновенно воздушное и мягкое. А начинки на любой вкус: с капустой, картошкой, печёнкой, грибами, маком, творогом и даже с горохом, растертым с калиной... С чем предпочитаете вареники - со сметаной, луковой зажаркой или шкварками?

-- А со всем!

Под горилку с красным перцем хорошо пошло белоснежное сало с розовыми прожилками, кровяная колбаса, ну и, само-собой, различные соленья - капуста, рыжики, нежинские огурчики, кабачки, помидоры. Алексей подналёг на солёные арбузы, ведь в московских трактирах они встречаются редко.

- А, что это, господа, вы почти не пьёте? - удивлённо спросил Ланчия. - Егор Константинович?

- Эскулапы запретили, - вздохнул старший член бегового общества Кобец. - Печень пошаливать стала.

- А вы, Алексей Васильевич?

- Увы, - привычно, как и всегда в подобных случаях, развёл руками Лавровский. - На меня мой духовник епитимью наложил - десять лет в рот хмельного не брать. Но когда на столе такой изумительный грушёвый квас, наказание это мне особенно тяжким не кажется.

Алексею показалось, что он не в первый уже раз поймал на себе внимательный, какой-то изучающий взгляд пожилого, но по-юношески подтянутого, мужчины - Алексея Логиновича Шпиллера, тестя Паншина.

Промокнув белоснежным платком пышные

усы, в разговор вступил заведующий отделом новостей «Киевлянина» Сергей Ярон:

- Квасок, слов нет, хорош. Вот о таком Николай Васильевич Гоголь и сказал: «Играет, как шампанское... Нектар!» Однако с превеликим удовольствием принял бы и горилки, и варенухи, тем паче, что Генрих Евгеньевич нас такими славными напитками потчует, каких не только в Киеве, а и во всём свете, не сыскать. Но приходится воздерживаться.

- А что так, Серёжа? - лукаво улыбнувшись, поинтересовался Паншин. - На свидание идёте? Вы ведь ловелас известный.

-Всё намного прозаичнее, Аркадий Иванович. Сегодня ночью полиция облаву проводит. Надо это событие осветить. В отличие от своих обленившихся сотрудников, я репортажи по отчётам и справкам писать не люблю. Самолично всё увидеть должен. А заведующий сыскной частью очень не любит, когда на дело идут под хмельком. Один раз он меня из-за амбре на облаву не взял. Да ещё и стыдил прилюдно. Вам, дескать, человеку интеллигентному, не пристало дурной пример чинам полиции подавать... Кстати, Алексей, не хочешь, со мною вместе на Бессарабку сходить? Я ведь за Хитровку с

Грачёвкой до сих пор твой должник. Славно тогда развлеклись! Нас, господа, вначале чуть «малинкой» не опоили, а потом зарезать хотели. Если бы у Алексея кастета не было, а у меня револьвера...

- Не преувеличивай, друг мой.

- Так пойдём?

- Не охота, что-то.

- Да, брат, вижу, как стал ты свой собственный журнал издавать, то обленился, жирком заплыл. Впрочем, это кредо любого редактора-издателя - загребать жар чужими руками.

И вроде шутливо говорил, с улыбочкой, но Лавровскому не понравилось:

- Насчёт всех это ты, хватил лишнего. Николай Иванович Пастухов восьмой год «Московский листок» издаёт, чуть ли не миллионщиком стал, но до сих пор на все серьёзные происшествия лично выезжает. А я, будет тебе известно, его ученик. Во сколько выходим?

- Ближе к часу ночи.

- Тогда в половине первого, пойду, переоденусь.

Расторопные половые, здесь их, как и в московских ресторанах называли официантами, внесли новые блюда. Ланчия пояснял Алексею:

- Индюк со сливами и изюмом... Душенина - свинина тушеная в сметане с лучком, морковью и специями... Сиченики - рубленные котлетки из отборной днепровской рыбы... А вот и наши знаменитые пирожки с гречневой кашей, квашеной капустой и белыми грибами. Рекомендую, они во рту просто тают.

Лавровский попробовал:

- Действительно, божественный вкус.

Под горячее разговор зашёл о лошадях.

- Отрадно, что в этом сезоне в бегах участвуют спортсмены из других городов, - сказал Кобец. - Каких резвачей Щёкин из Курска привёл!

Паншин не согласился с ним:

- Вы о Верном и Озорном? Неплохие рысачки, только до Пильщика, приведённого Дмитрием Дмитриевичем Сонцовым из Москвы, им далеко. Увидел я его сегодня на круге и понял - все главные призы его будут.

- А киевским охотникам опять достанутся одни утешительные, - грустно вздохнул Ланчия.

- Не могу с вами согласиться, панове. Беспаловский Тенистый достойный соперник гастролёрам, - вступил в разговор поляк Чеховский.
- Да и мой Хладнокровный не хуже Верного и

Озорного. Думаю, он и Пильщика пыль глотать заставит.

Большинство польского дворянства всё русское, мягко говоря, не любит. Поэтому шляхтичи бегами не интересуются. Алексей Николаевич Чеховский редкое исключение. Несколько лет назад основал он свой рысистый завод в селе Германовка Бердичевского уезда. Вначале дела шли не очень, но в этом году жеребец Хладнокровный, от Щёголя и Кокетки, в неплохие секунды выиграл несколько призов в Полтаве и Кременчуге.

- А как вам Щеголиха? - спросил Лавровский, ухватившись за подходящую возможность перевести разговор на интересующую тему. - Посмотрел я программу завтрашних бегов и решил на неё поставить.

Чеховский сразу оживился:

- Вот видите, не один я уверен в победе Щеголихи. Мнение такого авторитетного знатока лошадей, как пан Лавровский, значит много.

- Не в обиду вам и многоуважаемому Алексею Васильевичу будет сказано, что в данном случае правы не вы, а букмекеры, - возразил Паншин. - У этой публики чутьё просто немислимое. А все они принимают ставки на Щеголиху один к семи, а

некоторые даже один к десяти.

- Много букмекеров в Киеве, Аркадий Иванович? - спросил Лавровский.

- Очень. К сожалению, пока Главное управление государственного коннозаводства не дало разрешение на открытие тотализатора нам приходится с этим мириться.

- А были попытки с их стороны влиять на ход состязаний? Я имею в виду подкуп наездников или запугивание их.

- Ну, что вы такое говорите! Мы сразу поставили жёсткое условие еврею Лифшицу, бывшему наезднику Сиромaxe и адвокату Храпову, от которых почти все букмекеры работают. Они знают, попробуют мудрить и конец всей их весьма доходной лавочке.

Похоже, Храпов и Винокур не врут, подумал Алексей.

Паншин стал рассказывать о своей недавней поездке в Вену:

- Большой Венский приз и дерби в этом сезоне американцам достались. Сильно они потеснили наших орловцев на австрийских ипподромах.

Лавровский не согласился:

- Превосходство стандартbredных рысаков в резвости год от года, действительно, становится всё заметнее. Однако, интерес к орловцам у австрийских коннозаводчиков и спортсменов по-прежнему велик. Когда в прошлом году эрцгерцог Рудольф решил завести свою призовую конюшню, то попросил Стефана Буриана купить для неё несколько двухлеток заводов графа Воронцова-Дашкова, Малютина и Добрынина. Помог я Стефану подобрать классный материал. Думаю в следующем сезоне, орловцы на дорожках Пратера достойными соперниками американцев себя покажут.

- А кто такой Буриан? - поинтересовался Кобец. - Я барышника с такой фамилией, что-то не припомню.

- Да он не конеторговец, а австро-венгерский консул в Москве.

Алексею показалось, что снова поймал на себе пристальный взгляд Шпиллера. Интересно, подумал он, чего это он ко мне присматривается?

- Эх, а когда-то наши лошади в Вене замечательно бежали! - продолжал Паншин. - Краса, будучи жеребой, Интернациональный приз взяла! А вот Грозному тогда не повезло - сняли его с бега из-за того, что Семён Герасев напился.

- Герасев частенько злоупотребляет, - добродушно улыбнулся Кобец. - Но, согласитесь, руки-то у него золотые...

За такими разговорами время текло незаметно. Но вот часы пробили половину первого.

- Пора, - сказал Ярон поднимаясь.

- Сейчас, друг мой, пойду переоденусь и отправимся.

- Ты свой кастет захватить не забудь. В прошлый раз он нам здорово пригодился.

Глава 8

Облава на Бессарабке

С Бессарабской площади доносилась пьяная песня:

Ой пив же я у пятницу сам,

Против же всю пшеницу сам...

- Тиха украинская ночь, - тихо засмеялся Сергей Ярон. - Только вечно её какой-нибудь гультай испоганить норовит.

Пристав Дворцового полицейского участка, то и дело нервно поглядывающий на часы, сказал:

- Пора начинать, Павел Павлович. Мои люди вместе с нарядами Старокиевского и Лыбедского участков уже перекрыли все подходы к Бессарабке.

Начальник сыскной части киевской городской

полиции надворный советник Гуковский коротко ответил:

- Рано.

- А чего ждать-то? - проворчал пристав.

Из-за угла появился пошатывающийся мужчина, напевая, направился прямо к ним:

Сам пью, сам гуляю,

Сам стелюся, сам лягаю

Подойдя к полицейским, он сказал слегка заплетающимся языком:

- Заблукав я чо-гось. Мало не запизнився.

- Гопенко! Забратъ эту сволочь! - распорядился пристав. - Проследи, чтобы в участке составили протокол о нарушении спокойствия.

- Слухаю, ваше благородие!

- Отставить, - скомандовал Гуковский. - Его-то мы и ждали. Узнал, где они, Гоша?

- Так точно, - на чистом русском языке ответил подошедший красивый, чернобровый и черноусый, чубатый парень лет двадцати с небольшим. - Горбатый и Твердохлиб в лавке у Янкеля Козинского. Фальшивые паспорта я им передал. Подпоил, как вы велели. Правда и самому пить пришлось, а горилка у Янкеля такая, что гаже и не бывает.

- Кныш! Потапов! Возьмите трёх городских и живо к Янкелю. Приказываю, при малейшей попытке сопротивления стрелять. Горбатову терять нечего - за убийство чигиринского исправника его всё равно петля ждёт. А у него, как мне известно, два револьвера.

- Один, - уточнил Гоша, доставая из кармана самовзводный наган. - Украл. Больно уж он мне приглянулся.

Гуковский осуждающе покачал головой:

- Не надо было так рисковать... Господин пристав! Через три минуты начинаем. Сергей! Убедительно прошу тебя и твоего московского приятеля, к чёрту на рога не лезть. Чтобы ни на шаг от меня не отходили! А ты, Гоша, бери мой экипаж и езжай в гостиницу, отдыхай.

- Нет, Пал Палыч, я вам могу при допросе злодеев пригодиться. Да и в обыске лавки Янкеля хочу поучаствовать - подскажу ребятам, где и, что искать следует.

- Хорошо.

Пристав повернулся к Гопенко:

- Давай, Петрович - четыре длинных.

Ночную тишину разорвали залиvistые трели полицейского свистка.

Полицейское начальство расположилось возле «Моряка» - небольшого фонтана почти в самом центре Бессарабской площади. Гуковский и приставы быстро решали, что делать с задержанными, которых то и дело подводили сыщики и городовые. Одних гнали в шею, предварительно наcostыляв по оной. Других отправляли в участки для составления протоколов или размещения в арестантских камерах. А кое-кого сразу отвозили в следственное отделение Лукьяновского тюремного замка.

Гуковский был доволен. Облава удалась.

Горбатый, давно разыскиваемый за убийство чигиринского исправника и ряд разбойных нападений на имения и хутора в Киевской, Подольской и Волынской губерниях, оказал сопротивление и получил три пули в живот и грудь. Полицейский врач, осмотрев его, заявил, что медицина в данном случае бессильна - к утру преставится. Твердохлиб, боявшийся атамана больше каторги, сразу стал разговорчивым и пообещал сдать всех подельников.

При обыске лавки Янкеля нашли большую партию контрабанды, доставленную позавчера из Одессы - гаванские сигары, бразильский кофе,

ямайский ром. Можно было рассчитывать на приличное вознаграждение по линии министерства финансов.

В будке сапожника Моисея Сигалова, давно заподозренного в дружбе со скокерами, обнаружили дорогой малахитовый с золотом письменный прибор и несколько старинных книг из квартиры присяжного поверенного Куперника.

Задержали трёх дезертиров и два десятка беспаспортных. Да и самому Гуковскому в очередной раз крепко повезло.

... В портерной Михалёнка, не смотря на ночное время, оказалось много посетителей, а в каморке за прилавком шла игра в карты. Двое игроков кинулись на Гуковского с засапожниками. Не сдобровать бы ему, не окажись рядом этого москвича. Лавровский подставил одному из нападавших ногу и тот грохнулся на пол, а другого попотчевал кастетом...

Воспользовавшись минутой затишья Ярон и Гуковский стали обсуждать, о чём следует рассказать в «Киевлянине», а о чём лучше промолчать.

- О нападении на меня, Сергей Григорьевич, не пиши.

- Почему?

- У меня в отношении этих башибузуков имеются кое-какие задумки. Упор сделай на Горбатого, которого долго и безуспешно ловила полиция трёх губерний.

- А начну я статью, пожалуй, так: *«В последнее время в адрес киевской полиции звучит много нареканий со стороны обывателей. Далеко не все они справедливы. В этом мы убедились во время ночной облавы на Бессарабке. Любая полицейская операция, по словам главного киевского сыщика, даёт положительные результаты, только при условии тщательной предварительной подготовки. Одному из агентов сыскной части, удалось...*

- Прошу тебя, о Гоше ни слова.

- Ладно, хоть и жаль такую красочную сценку.

Городовые подвели очередную партию задержанных. Внимание Лавровского сразу привлёк высокий мужчина лет тридцати в пиджаке чёртовой кожи и военной фуражке без кокарды. Чёрные усы подковкой, над левой бровью небольшой шрам. У одного из угрожавших Гирневу, помнится, были такие же приметы.

Сейчас проверим, не шепелявит ли он, решил Алексей. Подойдя к задержанным, спросил

начальственным тоном:

- А вас, шантрапа, за что взяли?

Те, приняв его за важного полицейского чина, начали наперебой отвечать:

- Да пивка зашёл попить к Тарасычу. Ну и припозднился малость.

- А я у кумы ночевал. А тут фараоны налетели. Где, спрашивают, твой вид на жительство?

- Шам не пойму. Шёл по площади и вдруг швиштят, штой, кричат. А я человек законопошлушный, оштановилша.

Одного нашёл, подумал Алексей. Тихо попросил Гуковского:

- Пал Палыч, меня очень вон тот черноусый молодец интересует.

- По какой причине?

- Потом расскажу.

- Задержать?

- Лучше выяснить, что за гусь и где проживает.

Документы у шепелявого были в полном порядке. Оказалось, что это бердичевский мещанин Скуратов Родион Родионович. Проживает на Кадетском шоссе в доме Пастуховой. Служит экспедитором в транспортной конторе

Альтшиллера, которая занимается перевозкой товаров из Киева в другие города.

В «Гранд-Отель» Алексей вернулся только под утро.

Глава 9

Из жизни олигархов

Выспаться Лавровскому толком не удалось. В четверть десятого коридорный принёс записку:

Уважаемый Алексей Васильевич!

Не взыщите за столь ранний визит. Знаю, ночь у вас выдалась хлопотная. Но обстоятельства требуют незамедлительной встречи. Дело значительно хуже, чем мы с вами вчера предполагали. Жду вас внизу в зале ресторана.

Александр Храпов

А они, оказывается, за мной следят, подумал Алексей, впрочем, ничего удивительного в этом нет. Обстоятельства требуют незамедлительной встречи... Ничего страшного, подождёт. Он неторопливо побрился, подровнял усы. Немного подумав, надел короткий светлый сюртук и модные лакированные штиблеты и, как сейчас же выяснилось, правильно сделал.

Возле соседнего «люкса» стояла брюнетка, которую он видел вчера с Гирневым.

Алексей всегда завидовал Сергею Малинину, умеющему легко и непринуждённо знакомиться с женщинами. У него же это не получалось: всегда долго раздумывал как подойти, да с чего начать... Но в этот раз его словно подменили.

Была, не была, решил Алексей, что мне впервой, что ли отлуп получать!

- Доброе утро, сударыня.

- Здравствуйте.

- Прошу простить мою дерзость, что, не будучи представленным, вам осмеливаюсь...

Она его не дослушала:

- Прощаю. Но только при условии, что вы не станете сейчас разливаться соловьём в уверениях, что очарованы мною с первого взгляда. Не люблю банальных комплиментов.

- Не стану.

- Ну, так, что вы хотите мне сказать?

- Вчера вечером я совершенно случайно слышал, как вы сетовали по поводу того, что не сможете побывать на открытии бегового сезона по причине отсутствия сопровождающего. Позвольте предложить на эту роль себя.

- Говорят, места на трибуне нужно было заказывать ещё неделю назад.

- Не извольте беспокоиться - мы с вами приглашены в ложу президента бегового общества.

Женщина рассмеялась:

- А вам в решительности и ловкости не откажешь! Давайте познакомимся. Анна де Кастро, графиня Рио-Бранко, приехала в Киев из Америки.

- Алексей Лавровский, издаю в Москве спортивный журнал.

Какая восхитительная улыбка, подумал он, какие глаза, именно о таких в старом романсе поётся:

*А в глазах её карих,
Сумасшедшинки пляшут!*

- Я принимаю ваше предложение. Но взамен, прошу составить мне компанию за завтраком. Не люблю есть в одиночестве, а муж в отъезде.

- С удовольствием.

- Тогда пойду, отправлю письма и через полчаса жду вас в ресторане.

За три года, что они не виделись, Храпов совсем не изменился. Такой же щуплый и безукоризненно гладко выбритый. Остались прежними и вкусы. Смокинг, несомненно, пошит у лучшего киевского, а то и парижского портного. Из

украшений только булавка в галстук с огромным сапфиром и изящная цепочка часов с двумя брелоками. На столе, как и тогда в «Эрмитаже», бутылка сухой мадеры «Серсиаль».

- Какого года? - поинтересовался Лавровский.

- Конечно не урожая неповторимого 1850 года, но не дурна. Вас соблазнять не стану. Винокур рассказал мне, что вы теперь трезвенник. А я вот, от пагубной привычке винопития отказаться не могу, хотя доктора настоятельно рекомендуют.

И голос, как и прежде - густой бас, какого не ожидаешь встретить у человека столь сублильного телосложения.

- Что случилось, Александр Гордеевич?

- Плохие новости.

- А поподробнее?

- Случай с Гирневым далеко не единственный, когда пытаются воздействовать на результаты бегов. А стоят за этим такие тузы, по сравнению с которыми я, можно сказать, шестёрка.

- В Москве вы не без успеха противостояли всесильному прокурору судебной палаты Муравьёву. Очень уж ему хотелось вас на скамью подсудимых отправить, да не удалось.

- И, тем не менее, это именно так.

- Кто они?

- Бродские.

- Похоже, знакомая фамилия... А это не те киевские сахарозаводчики, которые Борисовских облапошили?

- Они.

... В начале 80-х годов цена на сахар дошла до кульминационной точки. Наиболее дальновидные предприниматели почувствовали, что выше она уже не поднимется, а скорее всего начнёт падать.

В это время к московскому купцу Никанору Борисовскому, владевшему на паях с братьями и племянниками одним из крупнейших сахарорафинадных заводов в России, явился известный биржевой маклер Фрейтаг:

- У меня к вам очень выгодное предложение от киевского негодянта Пикштейна. Он готов заключить договор на покупку всей вашей выработки рафинада на пять лет вперёд.

- По какой цене?

- По цене на сегодняшний день.

- Заманчиво. А какие условия оплаты?

- Ежемесячный расчёт за высылаемые партии. Задаток в двести тысяч рублей согласен перечислить вам хоть сегодня.

- Очень заманчиво. Одна беда, с сырьём у меня сейчас плоховато.

- Ну, этот вопрос мы с вами решим легко. Киевский «песочный сахарный король» Бродский испытывает сейчас большую нехватку наличных средств. Полагаю, он охотно согласиться продать вам всю свою продукцию на пять лет вперёд. Отбить ему телеграмму?

- Да.

К вечеру был получен ответ:

- Бродский согласен. Задатка не требует. Расчёт ежемесячный, по факту отгрузки партий. Мне даже удалось немного сбить цену - примерно, на пять процентов по сравнению с сегодняшним днём.

На следующий день оба договора были подписаны. А недели через две цены на сахар начали стремительно падать. Никанора это совсем не волновало - весь его рафинад, считай, уже продан с выгодой.

Но вскоре пришло письмо от Пикштейна. С глубоким прискорбием, он извещал, что совершенно разорён, рафинад просит ему не отгружать, а задаток, в соответствии с условиями контракта, пусть останется у многоуважаемого Никанора

Мартемьяновича.

А вагоны с сахарным песком из Юго-Западного края исправно приходили в Москву каждый месяц. И платить за них приходилось по немыслимо дорогой цене.

Доверенные люди Борисовского помчались в Киев, выяснять, нельзя ли привлечь Пикштейна за мошенничество к суду.

Вернувшись, доложили хозяину:

- Основания для привлечения к суду найти можно. Да какой смысл? Пикштейн всегда был нищим, как церковная крыса.

Борисовские влезли в долги, несколько раз просили об отсрочке платежей. В конце-концов они обанкротились...

- Теперь понял о ком речь. Богатых еврейских дельцов, склонных к подобным проделкам, в России полным-полно - бароны Гинзбурги, братья Поляковы, Варшавский с сыновьями... Не понимаю, с чего вы так переполошились?

- Нет, вы не представляете, кто такие Бродские! Эти олигархи некоронованные короли Киева. Да и во всём Юго-Западном крае они могут творить почти всё, что угодно.

- Да, ну? - усомнился Алексей.

- Вот именно. Семейство Бродских контролирует четверть всего производства сахара в империи. Ему принадлежат предприятия мукомольной, пивоваренной, винокуренной и лесобумажной промышленности. Старый Израиль Бродский держит в своих руках поставку муки в киевские пекарни и водоснабжение города. В правлениях большинства киевских банков он рассадил своих сыновей, племянников и прочих родственников. Да, что там Киев! Вы о Петербургском международном коммерческом банке слышали?

- Краем уха.

- Это один из крупнейших российских банков. По величине основного капитала он занимает третье, а по объёму баланса второе место в стране. Израиль Маркович имеет возможность влиять на кредитную политику этого заведения через своего старшего сына Лазаря, которого сделал членом совета директоров.

- Большие деньги, конечно, дело великое. Но при отсутствии связей, с сильными мира сего в Петербурге, и они, в случае чего, не помогут. Судьба многих миллионщиков об этом говорит.

- Имеется у них поддержка на самом верху.

Когда в апреле 81-го года киевские власти проявили нераспорядительность во время еврейского погрома, старый Бродский во всеуслышание сказал: «Нам такое начальство без надобности». И недели через две полицмейстера Гюббенета турнули со службы. А потом и губернатора Гессе в отставку отправили. Один генерал-губернатор Дрентельн на месте усидел. Но он, как известно, пользуется личным расположением императора... А недавно у Бродских ещё один влиятельный покровитель объявился - новый министр финансов Вышнеградский. Они с ним дружбу водят ещё с тех пор, когда он в правлении Юго-Западных железных дорог служил.

- Да, весьма интересно.

- У Бродских поддержка не только сверху, но и снизу. Все киевские евреи за Израиля Марковича готовы в огонь и воду. Надо признать, для них он много полезного сделал. Построил и содержит еврейскую больницу на сто коек в Лукьяновке, где лечение и лекарства бесплатные. Учредил ремесленное училище для детей из бедных семей. Не только бедноте от щедрот его перепадает. Любой купец-еврей знает, что когда кредит банковский потребуется, можно обратиться к Бродскому и он всегда посодействует. Киевское купечество сила

большая, а состоит оно больше чем на треть из евреев.

Лавровский задумался. Вспомнился ему московский купец Козьма Терентьевич Солдатёнков.

... Многие годы этот человек мог делать всё, что заблагорассудится. Вплоть до открытого финансирования противоположительственного журнала «Колокол», издававшегося в Лондоне Герценом. У Солдатенкова были две опоры: огромное состояние, точные размеры которого не знал даже он сам, и поддержка влиятельной общины староверов Рогожского кладбища.

Староверов власти, конечно, всячески притесняли, но в случае необходимости и сами к ним за содействием обращались. Например, во время коронации Александра III, попросили подобрать для участия в Добровольной народной охране несколько тысяч рогожцев - людей трезвых и примерного поведения...

- Да, переходить дорогу таким фигурам себе дороже. Но, что Бродским, при их миллионах, на бегах потребовалось?

- Александру Осиповичу, владельцу пивоваренного завода на Жилинской улице, славы

захотелось. Он в прошлом году свою призовую конюшню завёл. Материал на ней не плохой, но и не самого высокого класса. А хозяин в своих рысках души не чает, особенно в Бархатном. Он, говорит, в этом сезоне все главные призы возьмёт, - Храпов протянул Алексею программу сегодняшних бегов. - Кто во втором заезде первым у выигрышного столбы будет?

Во втором заезде, для жеребцов и кобыл всех возрастов разыгрывался «Эспланадный приз», получивший своё название от улицы, на которой находится ипподром.

- Пильщик. Бархатный в этой компании может рассчитывать на второй приз. Первый ему светит только в том случае, если Пильщик заскачет - его очень трудно на рысь поставить.

- И я так считаю, - кивнул Храпов. - Поэтому и распорядился - принимать ставки на Пильщика десять к одиннадцати, а на Бархатного пять к шести. Как видите разница небольшая - гривенник на рубль. И мудрить здесь мне смысла нет.

- Согласен.

- А вчера вечером, в чайной на Рыбальской, подходит к Кремневу, который на Пильщике едет, некий еврейчик Либсон и говорит: «Вот тебе две

сотни, чтобы Пильщик на бегу проскачку сделал».

- Это он к Мишке Кремневу с таким предложением полез?! Рисковый мужик! Запросто мог от него по морде получить.

- Получил и неоднократно. Забрали их в участок. Кремнев причину драки скрывать не стал.

- Ну а вы то в этой истории, с какого бока?

- Так все знают, что Мойша Либсон от меня работает.

- Вот это фокус!

- Мы с приставом Печерского участка приятели. Он меня о случившемся сразу известил. Но протокол порвать не решается, опасается скандала.

- И правильно делает. Дойдёт эта история до владельца Пильщика Сонцева - большой шум будет.

- Не сомневаюсь, - вздохнул Храпов. - Скандальный нрав Дмитрия Дмитриевича я ещё по Москве помню. Не могли бы вы с ним поговорить?

- Попробую. Но что-то мне кажется, это не самая главная из ваших новостей.

- Угадали. Мои ребта Мойшу потрясли, как следует. Сознался он, что выполнял поручение Венедиктова.

- А это ещё кто такой?

- При Александре Бродском он ту же роль играет, как Коля Винокур при мне.

- Понятно.

- Однако и это не всё. Предполагаю, что к угрозам вашему Гирневу ещё один Бродский причастен - Лев, средний сын Израиля Марковича.

- И какого чёрта ему от извозчика потребовалось?

- Он игрок.

- По крупному играет?

- Меньше тысячи он и деньгами не считает.

Так вот, донесли мне, что несколько дней назад в Дворянском клубе Лев заспорил с присяжным поверенным Багровым, что четвёртый заезд, тот самый в котором Щеголиха едет, выиграет Коровка,

- Храпов выдержал паузу. - На тридцать тысяч они поспорили.

- Вот это да! При таком куше просто напрашивается любыми способами устранить всех соперников, - сказал Лавровский, доставая сигару.

Глава 10

Полицмейстер и его помощники

- Скоро приедем? - спросил Малинин кондуктора.

- Через четверть часа на вокзале будем.

Малинин тут же принялся будить своих спутников:

- Сашка! Алексей! Да просыпайтесь вы, дьяволы!

Щуплый, вихрастый, вечно улыбающийся полицейский надзиратель Соколов сладко потянулся:

- Что уже Киев? Не заметил, как доехали... Эх, какой сон вы, Сергей Сергеевич, мне досмотреть не дали.

- Небось, снилось, как мы дело сделали, и начальство нам богатые наградные выписало? - засмеялся гладко выбритый здоровяк, полицейский надзиратель Рабинович.

- Не. Снилось, что сижу я в пивной Кранца на Крещатике. Сам хозяин ко мне вышел и говорит: «Помнится вы, Александр Иванович, тёмное баварское предпочитаете. А к нему, как всегда, раков подать и полубутылки коньячку хорошего?»

- А ты разве в Киеве бывал? - удивился Рабинович.

- А то! Осенью 82-го года мы тут, вместе с ребятами из охранного, экспроприатора Седого брали, который с подельниками отделение Волжско-Камского банка в Нижнем Новгороде ограбил.

Жаркое дело выдалось! Два барабана тогда расстрелял... А, как вы думаете, Сергей Сергеевич, в этот раз дойдет до пальбы?

- Не знаю, Саня, - ответил Малинин. - Но не исключено. Больно уж много крови льётся постоянно из-за той безделушки, которую нам отыскать надо.

Когда прибыли в Киев, Малинин распорядился:

- Снимите себе номер в какой-нибудь гостинице поближе к вокзалу.

- Знаю я одно приличное место, - сказал Соколов. - Чисто и не дорого - всего полтинник в день. А вы где остановитесь?

- Пока не решил. Но видимо придётся поселиться ближе к центру. Сейчас я к полицмейстеру.

Соколов посоветовал:

- Вам, Сергей Сергеевич, поселиться надо в «Гранд-Оттеле» или в «Европейской». Все богатые иностранцы там останавливаются. А покупатель, нас интересующий, как понимаю, из них будет... А мы в «Париж» заглянем. Попробую я с Митричем, дядькой Каланчи, потолковать. Он мужик умный и совестливый. Помню, когда мы Седого брали,

Митрич сам помочь вызвался, чтобы случайные люди под пули не попали. А тут не о посторонних речь идёт, а о племяннике.

- Хорошо. Ждите меня в «Париже». Как освобожусь, сразу подойду.

Киевский полицмейстер коллежский советник Живоглядов был из тех, кого называют «красавец-мужчина»: высок и широкоплеч, в меру румян, с лихо закрученными небольшими усами. В голубых глазах, обычно светящихся показной доброжелательностью, нет-нет, да и мелькала тревога.

- Считайте, что все силы киевской полиции, как сыскной, так и наружной, в вашем распоряжении, - заверил он Малинина. - Не осведомлён о причине вашего приезда, но понимаю, товарищ министра внутренних дел по пустякам срочную телеграмму посылать не станет. Насколько мне известно, губернское жандармское управление тоже получило указание оказывать вам содействие. Дело, стало быть, политическое?

- Хуже, - ответил Малинин. - Связано с розыском драгоценностей, похищенных у великого князя Владимира Александровича и его жены.

Живоглядов не знал, как отнестись к услышённому. С одной стороны, он почувствовал облегчение. Слава богу, это не проверка, не подтвердилось опасение, что дошла до Петербурга одна из жалоб на секретаря управления, через которого поступают деньги от обывателей. А с другой, как тут не забеспокоиться? Не угодишь члену императорского дома и на карьере сразу крест ставить можно. Тем более, этот московский хлыщ в случае неудачи, наверняка, всё на местную полицию сваливать начнёт. Надо его к себе расположить.

- Вы, поди, с дороги устали. Может в баньку? А потом на Турханов остров прокатимся. Там таких раков и цыплят подают, каких вы в Москве и не пробовали. Пиво у нас отменное. Особенно пивоваренного завода, что на Подоле. Пётр Николаевич, когда его попробовал, сказал, наше «Баварское» и «Пильзенское» не хуже калинкинского.

- Какой Пётр Николаевич?

- Директор Департамента полиции Дурново. Он в прошлом году, возвращаясь из Бессарабии в столицу, неделю у нас гостил.

Да, ты далеко не прост, как хочешь казаться, мысленно усмехнулся Малинин, где лисий хвост, а

где и волчий зуб.

- С великим удовольствием, Антон Иванович. Только позже, когда с делами хоть немного разберусь. Для начала хотелось бы ввести вас в суть вопроса, наметить план наших совместных действий.

- Тогда я приглашу своих помощников: Павла Павловича Гуковского, заведующего сыскной частью, и Дионисия Фортунатовича Бучинского, командующего наружной полицией. Кофе или чай?

- От чая не откажусь.

Помощники Живоглядова Малинину понравились. Сразу чувствовалось, оба полицейские опытные и, что ещё важнее, азартные.

Он коротко стал излагать суть дела:

- Осенью 1882 года была похищена драгоценная диадема, стоимостью не меньше ста двадцати тысяч рублей, принадлежащая брату императора Владимиру Александровичу. После череды убийств она оказалась в руках тверского дворянина Филинова Владимира Ивановича, известного в уголовном мире под кличками Вовка Гимназист и Каин.

- Вторую кличку по какой причине получил? -

спросил Гуковский.

- Чтобы завладеть диадемой он застрелил своего учителя Федьку Матроса.

- Это хорошо, - улыбнулся заведующий сыскной частью. - Значит, можем рассчитывать на содействие нескольких киевских деловых, уважающих воровской закон. А какой он масти?

- И швец, и жнец, и на дуде игрец. Немного мастер карманной выгрузки. Правда не удачливый - пару раз его ловили и били смертным боем. Время от времени гоп-стопом промышлял. Минувшей зимой сколотил шайку из огольцов лет по четырнадцать-пятнадцать и стал вымогательством заниматься - обложил податью лавочников и трактирщиков в Проточном переулке.

- Прибыльное дело, - сказал Гуковский.

- Конечно. Но Каин игрок, деньги у него в кармане не залёживаются. Последние несколько месяцев он жил на средства проститутки родом из Киева.

- Фамилию и имя её подскажите, - Бучинский достал записную книжку.

- Купеческая дочь Соловьёва Ольга Ивановна. До того как спилась, пела в оперетке у Лентовского.

- Знакомая дамочка, - Бучинский сделал какие-

то пометки в книжке. - Прежде чем в Москву податься, она в театре Савина служила. Голос был божественный. Но уже тогда имела к запоям склонность. У неё младшая сестра и несколько близких подруг в городе остались. Полагаю, они нам не безынтересны будут?

- Совершенно верно, - улыбнулся Малинин. - Получили мы сведения, что Филинов должен приехать в Киев для встречи с покупателями диадемы. Не исключено, что он уже в городе.

- Сомневаюсь, что кому-нибудь из наших блатакарей по карману такая покупка, - усомнился Бучинский.

- Почему? - не согласился Гуковский. - Никита Кац вполне потянет.

- Господь с вами! - всплеснул руками полицмейстер. - Никита Наумович давно от скупки краденого отошёл. После арестантских рот он стал законопослушным обывателем. Да и зачем ему, при его-то состоянии, это нужно?

Гуковский усмехнулся:

- Не встречались мне, что-то воровки ставшие прачками. Я налажу за ним наружное наблюдение.

- Как можно оскорблять подозрением почтенного, хоть и оступившегося в молодости,

человека? - возмутился Живоглядов.

- Ага, юнцом неразумным он был, когда посадили, - хохотнул Гуковский. - Это в сорок-то лет?

- И всё-таки, - не унимался полицмейстер. - Думаю, что не следует...

- Интересен нам ваш Кац или нет, потом решим, - прервал их перепалку Малинин. - А по имеющимся на сегодня агентурным сведениям, покупатели приедут из Америки.

- Откуда? - изумился Живоглядов.

- Из какой Америки? - по-деловому спросил Гуковский. - Из Северной или Южной?

- Не знаю, - честно признался Малинин.

- Тогда, для начала, надо составить список всех, кто в последний месяц приехал в Киев из-за океана, - начал деловито распоряжаться Гуковский. - Список этот ежедневно будем дополнять вновь прибывшими. Это по твоей части, Фортунатыч.

- Разумеется, - кивнул Бучинский. - Я дам соответствующие указания участковым приставам. Словесный портрет злодея в письменном виде у вас имеется, господин Малинин?

- Да. И его, и двух огольцов, которые вместе с ним в Киев приехали, и посредника - некоего Льва

Абрамовича, проживающего в Одессе. Вот три экземпляра.

- Маловато, конечно. Сейчас озадачу канцеляристов, чтобы размножили.

- Оба жандармские полицейские управления железных дорог оповестить надо, - включился в разговор Живоглядов. - Я сам телефонирую туда.

Малинин понял, пора брать инициативу в свои руки. Да и киевлянам надо показать, что не лыком шит:

- Мой хороший приятель, комиссар берлинской криминальной полиции Генрих Вейен в таких случаях говорит, что розыск надо начинать с составления плана оперативно-розыскных мероприятий. Это позволит избежать лишней траты времени, максимально использовать все доступные силы и средства и, в конечном счёте, не только задержать, но и изобличить преступника. Давайте, не откладывая дела в долгий ящик, такой план сейчас и составим. У кого, господа, почерк поприличнее?

- У меня, - вызвался полицмейстер, подвигая к себе стопку писчей бумаги. Он резонно решил, что собственноручно написанный им план розыска в случае чего поможет оправдываться перед

начальством...

Вскоре план был готов. Полицмейстер внимательно перечитал его:

- Да, у московской полиции есть чему поучиться. Утверждаю. Сергей Сергеевич, распишитесь, что сей документ, с вами согласован. Превосходно... Каждому из нас много чего сделать предстоит. За работу, господа.

- Исходя из этого, Антон Иванович, прошу освободить сегодня меня от дежурства на ипподроме, - сказал Бучинский. - Пристав Печерского участка и один справится.

- Неудобно, Дионисий Фортунатович. Всё-таки открытие бегового сезона, начальство съедется.

- Езус Мария! Какое начальство? Генерал-губернатор на бегах никогда не бывает. Губернатор только завтра из отпуска возвращается. Губернский предводитель дворянства в Ницце отдыхает..

- Как это, какое? Вице-губернатор будет, генерал Косич из штаба военного округа, товарищ прокурора судебной палаты Громов, начальник ГЖУ Новицкий... Ну, ладно, пойду вам на встречу - сам на бегах за порядком присмотрю. Кстати, Сергей Сергеевич, рекомендую и вам на бегах побывать - сможете представиться генералу

Новицкому, так сказать, в неофициальной обстановке.

- Я ему завтра собирался представиться.

- Лучше сегодня. А то Василий Дементьевич, не дай бог, обидится.

Когда они вышли из кабинета полицеймейстера, Бучинский спросил:

- Паша, с чего ты сегодня на Антона набросился? Да ещё при постороннем. Согласись, далеко не худший начальник нам достался. При прежнем полицеймейстере Гюббенете во фронт тянуться приходилось, а другого обращения, кроме «ваше превосходительство», он и не признавал.

- Того бурбона без мата и не вспомнишь. С Антоном нашим жить ещё можно, - добродушно проворчал Гуковский. - Просто разозлил он меня с утра. Попросил зачислить в сыскную часть Гошу Рудого, а Антон отказал.

- Рудый? Это тот волостной писарь из Ямпольского уезда, который тебя на Горбатого вывел?

- Он его не только выследил, а ещё и револьвер утащил. А попутно нашел богатую партию контрабанды. У парнишки талант к

сыскному делу. А Антон упёрся. Не имею, дескать, права, принять, так как ваш протеже по освидетельствованию признан совершенно неспособным к воинской службе и освобождён от неё навсегда.

- Но ведь на вольнонаёмных это требование не распространяется, - вступил в разговор Малинин.

- Я ему так и сказал. Отвечает, что вакансий в управлении и участках нет. Врёт, зараза.

- Выберу удачный момент и похлопочу за нашего будущего Лекока перед страшим советником губернского правления, - пообещал Бучинский. - Сергей Сергеевич, как вы относитесь к тому, чтобы вечерком у Паши собраться, обсудить результаты первого дня нашей совместной работы?

- Положительно. А где сыскная часть находится?

- Да здесь же, в здании присутственных мест. В том подъезде, который Старокиевский участок занимает, на третьем этаже.

- Во сколько?

- Часов в семь.

- Договорились. А у меня, господа, к вам личная просьба. Вчера в Киев приехал мой приятель Лавровский Алексей Васильевич. Как бы выяснить в

какой гостинице он остановился?

- А чего тут выяснять, - улыбнулся Гуковский.

- В «Гранд-Отеле».

- Неужели он успел уже чем-нибудь отличиться? Неспроста же, главный киевский сыщик его адрес знает.

- Успел, Сергей Сергеевич! Ночью на Бессарабке мне жизнь спас.

- Узнаю Лёшку! Он дня прожить спокойно не может. Так и норовит в какую-нибудь историю встрять.

- Вы уж попросите Лавровского быть поосторожнее. Из его слов понял я, что заинтересовался он какой-то афёрой, связанной с игрой на бегах. Букмекерским делом в Киеве заправляют такие люди, от которых желательно держаться подальше. Один Сашко Москаль чего стоит.

- Александр Гордеевич? Старый знакомый. В 84-м году мы с Алексеем его крепко прижали. После этого Храпов к вам в Киев и перебрался.

Помощники полицмейстера переглянулись.

Глава 11

Беговые байки

В зал вошла графиня Рио-Бранко. Метрдотель

почтительно сопровождал её к столику у окна. Её постоянное место, понял Алексей, на всех столах скромные букеты георгинов, а на том ваза с роскошными чайными розами.

- Извините, Александр Гордеевич, - поднялся Лавровский. - Меня дама к завтраку ждёт.

Храпов окинул зал взглядом:

- Ну, вы и хват. Меньше суток в Киеве, а уже с такой красивой женщиной познакомились. Не секрет, кто вас ей представил?

- Сам представился. Да, чуть было не забыл, - Алексей достал записную книжку. - Отыскал я одного из злодеев, которые Гирневу угрожали. Черноусого со шрамом. Запишите или так запомните?

- Запомню.

- Бердичевский мещанин Скуратов Родион Родионович. Квартирует в доме Пастуховой на Кадетском шоссе. Служит экспедитором в транспортной конторе Альтшиллера.

Храпов громко выругался, да так, что любой бурлак или извозчик в изумление бы пришёл.

- Александр Гордеевич, - осуждающе покачал головой Лавровский. - На нас с вами весь зал уставился. Спокойнее надо.

- Какое уж тут спокойствие! Сашке Альтшиллеру сам Израиль Маркович покровительствует.

- По какой причине?

- Альтшиллер из города Броды, что в Галиции. А основателя династии Бродских, будь он трижды не ладен, Меера Шора к нам оттуда же принесло.

Сразу чувствовалось, прислуга в «Гранд-Отеле» прекрасно осведомлена о всех постояльцах.

- Чай какого сорта подать прикажите-с? - спросил официант Лавровского.

- Не угадал, любезный. Я хоть и из Москвы, а по утрам кофе предпочитаю. Только покрепче вели сварить.

- К нему круасан изволите? Или калачи-с? Они у нас не хуже московских филипповских. Только что с Подола от Кузьмы Полонника доставили. Ещё горяченькие-с.

- Давай калачи. А покормишь чем?

- Рекомендую-с, нашу новинку - яйца Бенедикт.

- А это, что такое?

- Варёное яйцо на булочке с тонким ломтиком вестфальской ветчины, голландским соусом и

трюфелями. Некоторые предпочитают не с голландским, а с соусом Перигёр, на мадере приготовленном.

- Понятно... Распорядись-ка, чтобы яичницу пожарили на сале, с ветчиной и лучком зелёным.

Алексей заметил, что графиня прячет улыбку. Конечно, куда мне в лаптях, да в калашный ряд, с раздражением подумал он. А всё равно притворяться не собираюсь.

Когда официант отошёл, графиня сказала:

- Надо же, у нас одинаковые вкусы. Я тоже по утрам разным разносолom яичницу предпочитаю.

И Алексей сразу почувствовал себя совсем легко и непринуждённо, словно они с ней много лет знакомы.

- Анна Михайловна, до бегов ещё много времени в запасе. Куда бы вы хотели съездить? Наверное, в Киево-Печерскую Лавру?

- Нет, как-нибудь в другой раз. Давайте лучше погуляем по Царскому саду, - грустная улыбка промелькнула на её лице. - Мама рассказывала, что в юности очень любила там гулять. Она ведь была родом из Киева.

- С удовольствием.

- А если время останется, хочется побывать в

университете. Там отец учился... И, давайте, Алексей, без отчеств. Когда меня Михайловной называют, невольно чувствую, что мне уже не восемнадцать лет.

- А по виду больше и не дашь.

- Лъстец! - рассмеялась она.

- Кто?! Я?! У меня, что на уме, то и на языке.

- Тогда скажите, что это за роскошно одетый коротышка, с которым вы задушевно беседовали?

Рассказывать правду о Храпове ему не хотелось. Но и представлять только, как преуспевающего адвоката, тоже.

- Право, Аня, он вашего внимания не достоин. Мой учитель в репортёрском деле, редактор «Московского листка» Пастухов, таких людей характеризует только двумя словами - просто сволочь.

- Звучит интригующе, - задумчиво сказала она, а потом спросила совсем о другом. - А сегодня бегут какие-нибудь знаменитости?

- Нет, Аня. Самые престижные призы, такие как Большой Императорский, разыгрываются в Москве. Вот там летом и собиралась вся элита - Витязь, Грозный-Любимец, Бычок, Накат, Вьюн... Оттуда повели их на осенний и зимний сезоны на

Семёновский ипподром в Петербурге. Впрочем, и в Киеве, в этом году подобралось очень интересная компания. Вот посмотрите, - Лавровский подал ей программу.

Она полистала её:

- Какие красивые имена! Озорной, Хладнокровный, Бархатный... А вот очень забавное - Пильщик от Полотёра и Пули.

- С Полотёром когда-то очень занятная история приключилась.

- Расскажите.

- Жеребец этот принадлежал моему хорошему давнему приятелю князю Оболенскому. Бежал Полотёр беспрюигрышно. Во время розыгрыша какого-то крупного приза, если память не изменяет Цесаревича, он показал лучшую резвость. Но был лишен приза. Судьи объявили, что Пильщик сделал проскачку - сбился, дескать, и наездник сумел поставить его на рысь только после одиннадцатого скачка. Все видели, что скачков только девять было. Но, согласно устава бегового общества, решение судей обжалованию не подлежит.

- Это скорее грустно, чем забавно.

- Так я ещё не всё рассказал. Через неделю князь записал Полотёра на приз под новой кличкой -

Ограбленный.

Графиня рассмеялась:

- Какой находчивый этот князь!

- Публика хохочет. Судьи от ярости зубами скрежещут. Вице-президент к Оболенскому подходит. Как вы, спрашивает, посмели? А тот устав раскрывает. Извольте, говорит, прочитайте: менять клички лошадей - законное право их владельцев.

- Ой, молодец!

- А на следующий год с Полотёром ещё одна история приключилась. Везли его по железной дороге из Тулы в Москву. Жарко в вагоне. Вот конюх и открыл боковую дверь. Проём на всякий случай доской перегородил. А потом, косушку принял и заснул. А жеребец доску откинул, да и сиганул из вагона на полном ходу.

- Сильно разбился? - участливо спросила Анна.

- Малейших повреждений не получил. Правда, нашли его только на третий день. К этому времени Оболенский уже отчаялся отыскать пропажу и снял Полотёра с Большого Московского приза...

Такие байки о бегах Лавровский мог рассказывать часами. Но к их столику подошёл Ланчия:

- Анна Михайловна, экипаж, как вы просили, у подъезда. А вам Алексей Васильевич, будет подан через четверть часа.

- Не надо, Генрих Евгеньевич, - сказала графиня. - Нам с Алексеем вполне и одного хватит.

Возле стойки портье Лавровский увидел коннозаводчика Сонцева:

- Как кстати! Аня, позвольте покинуть вас на пару минут. Очень надо с одним знакомым о делах переговорить.

- Конечно. Мне всё равно в номер подняться надо.

Алексей подошёл к Сонцеву:

- Рад вас видеть, Дмитрий Дмитриевич. А Паншин вчера уже опасаться начал, что вы не приедете. Для нашего общества, говорит, это большая обида будет.

- Ну, как можно, открытие сезона в Киеве пропустить? Я Паншина, да и всех местных спортсменов, уважаю. Дела в Москве задержали. Какие здесь новости? Кого в последние дни на призы ещё записали? Имеются ли у моего Пильщика шансы сегодня первым быть?

- Шансы большие. Если со старта не собьётся.

- Да и собьётся, не велика беда - Мишка

Кремнев его быстро на ход ставит. Согласитесь, повезло мне с наездником. Из молодых, да ранний.

- Вы его сегодня видели? - понизил голос Лавровский.

- Откуда? Я ведь сюда прямо с вокзала. А, что случилось?

- Вчера Кремнева хотели подкупить. Две сотни давали, чтобы Пильщик проскачку сделал.

- А он?

- Как и следовало ожидать, занялся мордобоем. Забрали в участок. Но уже отпустили.

- Молодец Мишка! А Паншину я сегодня всё выскажу, что по этому поводу думаю. А то расхвастался, у нас в Киевском обществе случаев подкупа наездников отродясь не случалось.

- Преждевременно, Дмитрий Дмитриевич. Ничего и никому пока не говорите.

- С какой это стати?

- Хочу вывести на чистую воду проходимцев, которые жульничать вздумали.

- Тогда молчок. А вам, Алексей Васильевич, как всегда, спокойно не живётся.

- Такая уж у меня, видать, планида.

Вернулась Анна:

- Переговорили?

- Да. И теперь ничто не мешает мне быть вашим чичероне.

У подъезда Алексей неожиданно увидел Малинина.

- Сергей! А ты, друг мой, каким образом в Киеве оказался? Вроде у тебя в Москве дел полно было.

- Как говорится, человек предполагает, а бог располагает. Приехал на несколько дней.

- Понятно. Аня... э... Анна Михайловна, позвольте представить вам моего друга Сергей Сергеевича Малинина.

Малинин понимающе улыбнулся:

- Вижу, вы куда-то собрались. Не буду отвлекать. Ещё увидимся.

Когда они сели в пролётку, графиня сказала:

- Какой интересный молодой человек. Он литератор или художник?

- Не угадали. Сергей служит помощником начальника Московского управления сыскной полиции.

- Надо же! Никогда бы не догадалась.

Глава 12

Жаба и банкир

Они долго гуляли по откосам и крутинам

Царского сада.

- Как красиво! - восхищалась Анна.

... Сад этот живописно раскинулся на обширном северо-восточном выступе Печерской возвышенности, занимая пространство более двадцати шести десятин. Восточная его часть крутым скатом спускается к Днепру и представляет, при взгляде с реки, очаровательную картину, дикой, изрезанной оврагами, покрытой богатой растительностью местности. С некоторых пунктов сада, обращенных в ту же сторону, открывается один из самых восхитительных в Киеве видов на Подол, широкую ленту Днепра, окаймляющие его с востока низменности губернии и стройные очертания двух грандиозных мостов - Николаевского цепного и железнодорожного.

Киевские днепровские кручи начали облагораживать ещё в прошлом веке. Пётр I повелел заложить здесь образцовый «Регулярный сад из шелковиц и винограда», Елизавета Петровна - построить дворец и разбить парк «во французском вкусе», а Екатерина II - посадить тридцать тысяч деревьев, в том числе яблони, груши, абрикосы, грецкий орех, вишни, сливы... Южная часть сада, примыкающая к дворцу, обнесена изящной

железной решёткой и не доступна для публики. А остальной сад отдан в распоряжение киевлян. Городская управа прилагает заботы и средства для содержания сада в порядке. Он стал одним из излюбленных мест отдыха обывателей. Однако, прогулки здесь, особенно по вечерам, далеко не безопасны. Царский сад облюбовали босяки, которые ранней весной перебираются сюда «на дачу» и живут до наступления холодов...

- Далековато мы забрались, - сказал Лавровский. - Здесь иногда пошаливают. Давайте возвращаться.

- Испугались? - лукаво улыбнувшись, спросила графиня.

- Господь с вами, Аня! Если хотите, ещё погуляем. Тем более узнаю места знакомые... Да, всё правильно! Вот и та самая липа.

Огромное, толщиной, по крайней мере, в два обхвата, дерево роскошно разрослось и слегка наклонилось к горе. Оно точно поддерживала её тяжесть, упираясь в землю огромными полуобнаженными корнями, расходившимися наподобие двух могучих ног.

- Видите, где корни расходятся? Там должно быть нечто вроде неглубокой пещеры.

- Ой, действительно пещерка! Там даже скамейка. Если подобрать под себя ноги, то на ней и лежать можно. Наверное, здесь бездомные ночуют.

- Само собой. Кто же такое удобное место упустит? - улыбнулся Алексей. - И мне как-то довелось ночевать тут.

- Почему?

- Да на Бессарабке, добрые люди намекнули, облава намечалась. А я вида на жительство не имел.

- Вы беспаспортным были? В это невозможно поверить. Человек с таким положением в обществе, с такими друзьями - князь Оболенский, начальник сыскной полиции...

- Помощник начальника, - поправил её Алексей.

- Не важно! Наверное, это очень романтическая история. Расскажите.

Он молчал, мысленно ругая себя, что опять забыл наставления людей бывалых, учивших жить по правилу: «Нашел - молчи, украл - молчи, потерял - молчи».

- Ну, пожалуйста, Лёша.

Он, честно говоря, очень любил вспоминать о своей бурной юности. А вот рассказывать воздерживался даже самым близким друзьям, за

исключением одного Аристарха Карасёва. Но сейчас его словно прорвало:

- Шестнадцать мне не исполнилось, когда гимназию не окончив, из дома сбежал.

- Почему? Родители тиранили?

- Нет, они у меня замечательные. Приключенческих романов начитался. Да и кровь сказала. Ведь предки у меня лихие были! Один с Ермаком Тимофеевичем в Сибирь хаживал. Другой со Стенькой Разиным побратался, за что его на дыбу подняли и кнутом вразумляли. Благо хоть ноздри рвать не стали. Дед, его как и меня Алексеем Васильевичем звали, в 1812 году из дома бежал и к отряду Дениса Давыдова прибился.

- А сколько лет ему тогда было?

- Четырнадцать не исполнилось. Вот я, видать, в них уродился... Ну и поносило меня по стране!

Он рассказывал, как тянул лямку с бурлаками на Волге, был крючником в Нижнем Новгороде, конюхом в конных заводах, побывал в Ростове-на-Дону, Одессе, Киеве.

- На Волге свела меня судьба с ребятами из шайки знаменитейшего разбойничьего атамана Ивана Ивановича... А это, что ещё за явление Христа народу?

Из-за кустов на тропинку вышли четверо. Трое, судя по всему, самые обыкновенные босяки. Зато четвертый, одетый в полурасстегнутую кумачовую рубаху и потрёпанный пиджак щегольского покроя, сразу привлёк внимание Лавровского. На вид лет сорока, невысокого роста, с небольшой аккуратной бородой песчаного цвета и огромным, до ушей, злым тонкогубым ртом. Особо не понравились Алексею его совершенно круглые какого-то металлического цвета глаза, прячущиеся в морщинистых веках.

- Уважаемые, очень уж нам хочется выпить за ваше здоровье, - пробасил здоровенный лохматый оборванец. - Ты уж барин не пожалей карбованца, угости людей почтенных. Да и от дамочки не убудет, ежели нам кумпанию составит.

- Отчего не угостить? - усмехнулся Алексей. - Сейчас налью, как богатому. Да и дружков твоих попотчую.

«Налить, как богатому» на «картавом» означает избить до полусмерти.

- Слышь, батька, он блатную музыку знает, - немного растерялся лохматый. - Свой, кажись.

- Свои коней крадут, - зло бросил тонкогубый. - Квась его хлопцы!

Хорошо, что кроме кастета, догадался захватить с собой «Марлин», подаренный ночью в знак благодарности, Гуковским, мелькнуло в голове Лавровского. Стрелок-то, правда, из меня никакой.

Выхватив из кармана небольшой, удобный для скрытого ношения, пистолет, он выстрелил навскидку. Промаялся! Выстрелил ещё раз и тонкогубый, охнув, схватился за плечо.

За спиной грохнули ещё два выстрела. А потом из-за деревьев послышались трели полицейских свистков. Грабители кинулись в рассыпную.

-Ещё свидимся! - крикнул тонкогубый.

Обернувшись, Лавровский понял, что стреляла Анна. В руках у неё был такой же, как у него «Марлин».

- Надо же, у нас оказывается и в этом одинаковые вкусы, - улыбнулась она.- Хорошо, что услышала треск сухого сучка. Двое сзади подкрадывались.

- Попала... Попали в кого?

- Одного подранила. А у другого только картуз с головы сшибла. Ох, сейчас полиция прибежит, а у меня разрешения на револьвер нет.

- Ничего, это мелочь.

Появились запыхавшийся, толстый околоточный надзиратель и двое городских.

- Что здесь происходит? - грозно спросил околоточный.

- Гоп-стоп обыкновенный. Правда, не удавшийся, - объяснил Лавровский.

- А кто стрелял?

- Я.

- Разрешение на ношение огнестрельного оружия имеется?

- Разумеется.

- Извольте предъявить.

- Оно в гостинице осталось.

- Тогда мне придётся доставить вас...

Алексей разозлился. Конечно, с обывателями куда приятнее разбираться, чем грабителей преследовать.

- Тогда вам придётся у Пал Палыча выяснить, имеется ли у меня разрешение, - резко перебил он околоточного.

- У какого Палыча?

- У надворного советника Гуковского. Или вы о начальнике сыскной части не слышали? И, кстати, господин околоточный надзиратель, почему это вы до сих пор не удосужились расспросить нас о

личностях нападавших?

- Виноват. Как они выглядели? - околоточный достал записную книжку.

Лавровский подробно описал одежду и внешность тонкогубого.

- Рот до ушей этой образине нечто лягушачье придаёт, - дополнила графиня.

- Кажись, Жаба, - сказал пожилой городской. - И рот его, и глаза...

- Быть того не может! - возразил околоточный.
- Жаба на каторге.

- Значить, опять сбежал. Ему не привыкать.

- И щайку новую сколачивает, - сказал Лавровский. - Не случайно же, лохматый его батькой называет.

- Вот мерзавец! И не нашёл ведь ничего лучше, чем в моём околотке объявиться. Позвольте, господа, я ваши адреса запишу. Прошу извинить, но так уж положено...

Лавровский взглянул на часы:

- Много время мы из-за Жабы потеряли. В университет не успеваем. Пора на бега.

- Ничего страшного, Алексей. В университете завтра побываем. Конечно, если вы не заняты.

- Полностью свободен, - обрадовался он, что Анна сама предлагает новую встречу.

- Тогда поехали на ипподром. Только по пути мне в банк надо заглянуть. Это совсем рядом...

Экипаж остановился на углу Крещатика и Николаевской улицы возле роскошного дома, в котором находится Киевский промышленный банк. Однако графиня направилась не к главному подъезду, а к боковому входу, возле которого висела небольшая вывеска «Банкирская контора Я.Б.Эпштейна». Обратно появилась минут через десять, громко хлопнув дверью. Вслед за ней выскочил маленький толстый господинчик в чёрном сюртуке, обильно усыпанном перхотью.

- Ваше сиятельство! Прошу не гневаться. Яков Борисович нижайше просил вас подождать ещё неделю.

- И слышать не желаю! Сегодня же отобью телеграмму председателю совета директоров Монреальского банка. Предупрежу его, что иметь дела с вашей поганой конторой нельзя!

- Умоляю!

- А председатель мой родной дядя! Он меня послушается!

- Но войдите в наше положение, ваше сиятельство. Кто таки, знать мог, что акции Панамской и Трансатлантической железных дорог на Бостонской и Тихоокеанской фондовых биржах в цене резко упадут?

- Да при чём тут Америка! - возмутилась Анна.

- Как это при чём? У Якова Борисовича большая часть средств была вложена в акции этих компаний.

- Он разорился, получается?

- Да, что вы такое говорите, ваше сиятельство! Сам Вандербильд, первейший американский богач, Якова Борисовича заранее известил! Мы все акции сбросить успели по наивыгоднейшему курсу. Большую прибыль, таки, получили. Только вот деньги из-за океана на наш счёт пока не поступили.

- Меня это не касается!

- Умоляю, потерпите до субботы. А Яков Борисович уже распорядился, чтобы всю сумму приготовили вам не в каких-нибудь замызганных трёшницах и пятёрках, а в новеньких сторублёвочках-с.

- Ты говорил, что твой Эпштейн сейчас на бегах?

- Да, ваше сиятельство. В одной коляске со

Львом Израилевичем Бродским поехал.

- Ладно, там я с ним и разберусь.

Тяжело дыша, она села в экипаж.

- Чем вас этот поц огорчил? - участливо спросил Лавровский.

- Просто беда... Мне со дня на день могут потребоваться деньги. У меня аккредитив на контору Эпштейна. А у него вторую неделю наличных нет, - с каждым словом она возбуждалась всё больше. - Ведь говорила же мамаше, открой мне счёт в Киевском отделении Санкт-Петербургского международного коммерческого банка. А она упёрлась! Там, видите ли, чересчур большие проценты берут. Старая дура! Совсем из ума выжила!

А она вроде говорила, что мать умерла, подумал Лавровский, и не удержался от вопроса:

- Разве ваша матушка жива?

Ему показалось, что на глаза у неё навернулись слёзы:

- Мама умерла, когда мне пять лет было... Это я о старой графине Рио-Бранко, матери мужа. Когда-то она умом и предприимчивостью на весь Новый Свет славилась. Но возраст своё берёт.

- Извините, бога ради... Я недавно хороший

гонорар получил. В случае необходимости...

- Хороший это сколько?

- Пятьсот рублей.

- Спасибо, милый Лёша. Только мне нужно значительно больше... Ладно, довольно о грустном. У нас с вами сегодня чудесный день! Как бандитов отшили! До сих пор вспоминать приятно.

- Не ожидал, что вы умеете так хорошо стрелять.

- О! Я много чего умею... А сегодня вечером, по этому поводу, мы должны выпить шампанского. Я смотрела винную карту «Гранд-Отеля». У них имеется моэт урожая 1882 года.

- Мой любимый сорт, - улыбнулся Алексей и задумался. Не так просто придумать грехи, за которые на тебя десятилетнюю епитимью наложили.

Глава 13

Мельник Макар

Молодец Лёшка, улыбнулся Малинин, глядя вслед другу. Второй день в Киеве, а уже успел с такой красавицей познакомиться. Интересно, это увлечение или связано с расследованием какой-то аферы на бегах, в которое он умудрился влезть? Ему, помнится, всегда блондинки нравились, а эта брюнетка. Нет, скорее всего, дела тут не причём -

больно уж он засмутился... Но, что гадать? Вечером увидимся, сам расскажет. А, собственно говоря, почему вечером? Алексей днём, непременно, на Печерском ипподроме будет. И мне туда обязательно поехать надо, чтобы генералу Новицкому представиться.

Рассуждая так, Сергей лукавил. Причина, по которой он хотел сегодня попасть на бега, была совсем другой. Он слышал, что Сонцов собирается привести в Киев своего Пильщика, внука того самого Потешного, который первым среди орловцев пробежал три версты за пять минут ровно. По мнению знатоков, внук обещал быть порезвее деда. Ну, разве можно отказать себе в удовольствии полюбоваться бегом такого рысака?!

Через несколько минут Малинин понял, что у него имеется и ещё одна веская причина для посещения ипподрома - необходимость поправить своё финансовое положение.

- Где господин Лавровский остановился? - спросил он у портье.- Я хотел бы снять соседний номер.

- К глубочайшему моему сожалению это невозможно. Все «люксы» заняты. В одном проживает бразильский граф с женой, в другом

миллионщик из Нью-Йорка. Могу предложить «полулюкс».

Однако удачно я сюда зашёл, обрадовался Сергей, не исключено, что бразильский аристократ или американский толстосум пожаловали к нам за диадемой. Надо к ним приглядеться. Ну, и слава богу, что свободных люксов нет. Из путеводителя по Киеву, который изучал в дороге, он знал, что подобный номер в «Гранд-Отеле» обходится по двадцать пять - тридцать рублей в сутки.

- Нет, любезный. Я человек казённый, мне такая роскошь по чину и должности не полагается. Нет чего-нибудь попроще?

- Все дешёвые номера, увы, заняты. Правда, через три часа освободится двухрублёвый...

- Не хотелось бы ждать.

- Тогда осмелюсь порекомендовать пятирублёвый. Очень хороший номер с видом на Крещатик, с ванной комнатой-с.

Последнее и решило дело - очень уж хотелось помыться с дороги.

- Давайте пятирублёвый.

После оплаты номера за неделю вперёд в бумажнике у Малинина осталось всего две красненьких. Но он особо не расстроился, так как не

сомневался - Алексей уже успел разузнать о какой-нибудь «тёмной лошадке». Что делать дальше сомнений не вызывало - вначале ванна, потом «Париж» и на бега.

Заведений, в которых любит собираться разная тёмная публика в Киеве много. И на окраинах, и в центре города. Самое известное из них, пожалуй, трактир «Париж», что на углу Крещатицкой площади и Малой Житомирской улицы.

Каждый день пьянствует и безобразничает в «Париже» прислуга состоятельных киевлян - лакеи и горничные, кучера и конюхи, повара и кухарки. К их пьяным откровениям всегда прислушиваются фартовые, подыскивающие адреса для новых грабежей, квартирных краж и прочих преступлений. Зыркают глазами по сторонам проститутки, всегда готовые обслужить по сходной цене всех желающих. Идти далеко не надо, вход в номера находится совсем рядом - за буфетом.

Малинин окинул взглядом полупустой, по причине дневного времени, зал.

Сдвинув два стола, большая компания, судя по всему, отмечала именины могучего старика с

роскошными бакенбардами и генеральской осанкой.

- Позвольте, Ириной Фёдорович, выпить за ваше здоровье чарку горилки, - сильно пошатываясь, поднялся один из гостей. - Напиток сей так же крепок, как и наши к вам любовь и...

- Не гони лошадей, Василь, - перебил его густым басом старик. - Горилка от нас не убежит. А сейчас душа песни просит.

- Сей момент будет, - заверил Василь и крикнул буфетчику. - Митрич! Уважь гостей дорогих - заведи машинку.

Тот неторопливо подошёл к большому шкафу красного дерева - оркестриону, механическому музыкальному инструменту, не иметь который для солидного трактира считалось верхом неприличия. Покрутил ручку, и по залу разнеслась мелодия из «Аскольдовой могилы». А сидящий по левую руку от именинника, тщательно, по актёрски выбритый человек лет сорока, запел хорошо поставленным басом:

*В старину живали деды,
Веселей своих внучат,
Как простую пили воду
Мёд и сладкое вино.*

- А вот и врѣшь, Глеб Иванович, - шутливо

погрозил пальцем певцу именинник. - Я эту песню сколько раз слышал у нас в городском театре, и в Москве. Все поют про крепкое вино.

- Да они просто не знали, что ты малагу предпочитаешь, - на миг, прервавшись, засмеялся Глеб и снова запел:

*Веселились, потешались.
Пировали круглый год,
Вот как жили при Аскольде
Наши деды и отцы!*

За столом у окна три девицы, судя по броским платьям проститутки, пили сельтерскую. Они с интересом посмотрели на Малинина. Одна, обольстительно улыбнувшись, попросила:

- Кавалер, угостите даму папироской.

- В другой раз, - сказал он, направляясь в дальний конец зала, где за парой чая, поджидал его Соколов.

- Ну, как местная полиция вас встретила? - спросил Соколов.- Будет от неё польза или только палки в колёса?

- Полицмейстер, конечно, барин и лодырь. Зато его помощники ребята толковые. А у тебя как? Удалось буфетчика разговорить?

- Да. Митька Каланча, в самом деле, его

племянник. Только Митрич его терпеть не может. Это, говорит, позор для всего их семейства.

- Что так?

- Родила Митьку, неизвестно от кого, вдовая сестра Митрича. Лет с девяти-десяти сдружился он с Рябчиком - Петькой Рябчиковым с Шулявки, таким же байстрюком, как сам. Любимым развлечением у них было поймать двух собак, связать хвостами и травить другими собаками. Били их за это сколько раз, да не помогло. Потом начали промышлять на толкучке, что на Подоле у фонтана Льва - подворовывали, пьяных обирали. Однажды к гимназисту пристали. Давай, дескать, деньги. Тот воспротивился, так они его ножом пырнули. А мальчишка этот оказался сыном чиновника особых поручений при губернаторе. Вот и пришлось им в бега податься. Каланча перед этим Митрича обокрал.

- Значит, у дяди он не появится?

- Само собой. Митрич, как услышал о своём непутёвом племяше, так сразу зубами скрипеть стал. Попадись, дескать, мне этот поганец, так я его вначале до полусмерти измордую, а только потом самолично в полицию предоставлю.

Малинин вздохнул. Перспективная ниточка,

похоже, оборвалась. Но Соколов тут же его порадовал:

- На днях знакомые сообщили Митричу, что видели они пару раз Каланчу вместе с Рябчиком в Киеве.

- Где?

- В одном и том же месте - на Куренёвке, возле мельницы Макара. Очевидно, они там своего атамана поджидают, пока он играет.

- Логично. Каин, рассказывают, дня без карт прожить не может... Замечательно всё складывается! Попрошу Гуковского установить за мельницей плотное наружное наблюдение, а когда появятся Каланча и Рябчик, оцепим этот притон...

- Не получится, Сергей Сергеевич. По вечерам на Куренёвке малоллюдно - любой посторонний внимание привлечёт. Да и не захочет киевская полиция Макара беспокоить. Он человек влиятельный.

- Не преувеличивай, Саня. Подумаешь, какая важная персона - содержатель незаконного игорного дома.

- Правду говорю. Все знают, что Иринею Фёдоровичу Макаренко сам генерал-губернатор Александр Романович Дрентельн

покровительствует. В молодости они оба в лейб-гвардии Финляндском полку служили. Один ротным командиром был, а второй у него фельдфебелем.

- Вот так значит? С насюка, следовательно, не получится... Подожди, подожди... Как, ты сказал, его зовут?

- Ириной Фёдорович. Редкое имя.

- Везучие мы с тобой, Саня, - улыбнулся Малинин и подозвал полового.- Подскажи-ка, братец, это господин Макаренко день ангела отмечает?

- Они самые-с.

- Так я и думал. Хорошая малага у вас найдётся?

- Сладкая белая имеется - в высшей степени тонкий и приятный напиток.

- Надеюсь, не ярославского разлива?

- Обижаете, ваша милость. Настоящая испанская. Дорогая - по восемь с полтиной за бутылку-с.

- Тогда поставь на поднос две бутылки, фруктов разных положи...

- Орехов грецких добавить можно-с, - посоветовал половой. - Они к малаге лучшая закуска-с.

- Правильно мыслишь, братец. Отнесёшь всё это Иринею Фёдоровичу, скажешь, что приезжие москвичи поздравляют его с днём ангела и просят разрешение заглянуть как-нибудь вечером к нему на Куренёвку в гости.

Через несколько минут к их столу подошёл слегка покачивающийся Василь с расписным штофом в руках:

- Иринею Фёдорович послал вам эту маляванную пляшку наилучшей горилки. Давайте за его здоровье примем по чарке.

Половой сноровисто расставил тарелки с салом, солёными нежинскими огурчиками и хлебом. Выпили, закусили.

- А от кого, вы о нашей мельнице слышали? - спросил Василь. - Даже не верится, что о ней в самой Москве знают.

- Расплюев говорил. В Киеве, мол, много где играют, но настоящие игроки собираются только у Макара, - ответил Малинин.

В шулерском мире России пьеса Сухово-Кобылина «Свадьба Кречинского» пользуется огромной популярностью. Имена многих её персонажей стали кличками известных игроков - Кречинский, Расплюев, Щербнев.

- Расплюев? - Василь заулыбался. - Знаю такого! Тёзка мой - Василий Васильевич.

Малинин посмотрел на него с недоумением:

- Что-то вы путаете.

- Ничего не путаю. Бородатый он, ходит всегда в старомодном долгополом сюртуке и смазных сапогах. Он никогда метать не начинает, пока денег не увидит. А ещё...

Сергей резко перебил его:

- Извините, сударь, но вы о Василии Морозовиче Тёмном говорите, о Щёбневе. А Расплюева - Николаем Назаровичем зовут. Он всегда по моде одет, в золотом пенсне.

- И на настоящего барина похож, - улыбнулся Василь. - Проверить вас решил. У нас ведь заведение серьёзное. Стараемся всякую шпану не пускать... У нас по понедельникам, средам и пятницам играют. Рады будем вас видеть.

- Пропуск подскажи, - попросил Сергей.

- Пугу, пугу, козак з лугу, - на ухо прошептал ему Василь.

Когда они вышли на улицу. Соколов не смог сдержать восхищения:

- Ловко у вас получилось!

- Просто повезло. Случайно разговор услышал... Ты куда сейчас?

- На Шулявку слетаю. Может, что о Рябчике разузнаю.

- А Рабинович где?

- На Подол пошёл, где наши «синие картузы» когда-то промышляли.

- Завтра часов в девять утра встречаемся здесь.

Глава 14

Открытие сезона

Забот и хлопот у администрации бегового общества было много. Вначале оказалось, что заболели двое судей - наблюдающий за часами и записывающий сбои. Потом рассматривали протест одного из спортсменов по поводу нарушений, которые, по его мнению, были допущены при жеребьёвке. А тут ещё выяснилось, что в первом заезде едет наездник лишённый права езды на призы правительственные, а следовательно и общественные. Но владелец лошади уверял, что срок наказания истёк две недели назад. Срочно пришлось искать соответствующее письмо Главного управления государственного коннозаводства... Поэтому занимать почётных гостей, собравшихся в ложе президента, Паншин попросил Ланча. Тот

охотно согласился:

- Хорошо. Мне заняться сегодня всё равно не чем. Ведь мои лошади сегодня не бегут.

- А Туз? - поинтересовался Лавровский.

- Продал я и его, и Подарка. Разочаровали они меня в прошлом сезоне - ни одного, даже второго, приза не привезли. Но ничего, я уже присмотрел для своей конюшни несколько очень перспективных трехлеток. В следующем году все призы мои будут.

К поручению Ланчия отнесся со всей серьёзностью. Зорко следил, чтобы лакеи своевременно предлагали шампанское и прохладительные напитки гостям, бокалы которых опустели. Распорядился подать мороженое трёх сортов, доставленное от Семадени. Потом, вспомнив, что среди гостей не только киевляне, стал рассказывать об истории конного спорта в Киеве:

- Не секрет, что любое предприятие только тогда бывает успешным, когда появляется компания единомышленников, не жалеющих сил и энергии, души вкладывающих в общее дело. А если потребуется и свои деньги. История бегов в Киеве тому наглядное подтверждение.

... «Киевское общество испытания лошадей» возникло в 60-е годы. Ставило оно перед собой

самые широкие цели: проведение бегов, гладких и барьерных скачек, состязаний тяжеловозов, выставок. Городская дума, без обычных для неё проволочек, пошла ему навстречу: отдала в аренду под ипподром шесть с половиной десятин земли на Лукьяновке, притом плату назначила, можно сказать, чисто символическую - тридцать три рубля в год.

И вскоре начались на Киевском ипподроме бега и скачки. Управление государственного коннозаводства дало новому обществу пять традиционных призов. Свой именной приз учредил городской голова Демидов, представитель знаменитого рода уральских горнозаводчиков. Его примеру последовал владелец лучшего рысистого завода в Киевской губернии Гудим-Левкович, а вслед за ним и польские магнаты граф Браницкий и князь Сангушко.

Каждый август съезжались в Киев спортсмены со всего Юго-Западного края, из Малороссии и Новороссии. даже из Москвы лошадей приводили... Но время шло и обстоятельства менялись.

Отказался от должности городского головы и уехал во Флоренцию Демидов. Охладел к рысистому спорту и продал свой завод Гудим-

Левкович. А польские магнаты переключили своё внимание с Киевского ипподрома на Варшавский. Да к тому же начались постоянные свары между рысачниками и скаковыми. И общество постепенно захирело...

- До того дошло, что в 1878 году приз Государственного коннозаводства для четырёхлетних рысаков остался не разыгранным, - продолжал рассказ Ланчия. - Позорище! А вскоре исправляющий должность вице-президента уведомил городскую управу, что общество закрыто и, в связи с этим, земля, которую занимал ипподром, возвращается городу. Конечно, не всем рысачникам, такое решение пришлось по душе. Нашёлся человек, который не жалел денег и нервов, чтобы не дать бегам заглохнуть.

... Владелец кожевенного завода на Куренёвке Егор Кобец выкупил беседку, которую уже хотели было пустить на дрова. Он просил городскую думу отдать ему ипподром в аренду на двенадцать лет, предлагал условия более выгодные для Киева, чем раньше. Но ему отказали, заявив, что «в отношении земельного участка за Лукьяновским тюремным замком у городского управления уже имеются конкретные планы». На самом деле планов-то

никаких не было - земля пустовала пять лет, пока ее, наконец, не сдали в аренду купцу Кучерову «под посев хлебных растений».

Но бега в Киеве продолжались! Зимой на льду Днепра, а летом на заброшенном Лукьяновском ипподроме. Правда, это были не соревнования, организованные по всем правилам, а любительские споры о том, чья лошадь резвее.

А вокруг Кобеца, тем временем, сложилась новая компания настоящих рысачников - коннозаводчики Паншин и Черепов, издатель Корчак-Новицкий, владелец экипажного заведения Таматин... Они смогли привлечь на свою сторону таких влиятельных людей, как губернский предводитель дворянства князь Репнин и начальник штаба Киевского военного округа Косич. Первый уломал генерал-губернатора, бега не любившего, отправить в Петербург устав нового Киевского общества охотников конского бега с самым благожелательным отзывом, а второй получил от военного министра разрешение предоставить под разбивку ипподрома плац на Эспланадной улице возле Новой Печерской крепости. Строительство заняло чуть больше четырёх месяцев. Пригодилась и разобранный, и бережно хранившаяся Кобецом,

старая беседка. 25 августа 1885 года на Печерском ипподроме открылся первый беговой сезон...

- А сегодня мы открываем уже третий сезон, - продолжал Ланчия. - Много чего сделано за прошедшие два года. Смело берусь утверждать, что наш ипподром стал лучшим в Юго-Западном крае, Малороссии и Новороссии. Думаю, господин Лавровский, которому довелось побывать на бегах во многих городах, поддерживает моё мнение.

- Полностью, Генрих Евгеньевич, - улыбнулся Алексей. - Круг замечательный, трибуны тоже. И, что особо притягательно для охотников, призовые богатые. Большой Киевский приз - тысяча рублей. Далеко не каждое беговое общество такими суммами располагает.

- Да, финансовое положение общества позволяет нам назначать достойные призовые. В этом году на призы выделено почти пять тысяч рублей. Не остались в стороне и наши меценаты - презентовали семь ценных высокохудожественных вещей... Уверен, дела общества пойдут ещё более успешно, когда Главное управление государственного коннозаводства даст нам разрешение на открытие тотализатора.

- А когда это будет? - поинтересовался кто-то

из гостей.

- Не знаю, но полагаю, что скоро - сведения из Петербурга поступают обнадеживающие. А пока приходится почтенной публике прибегать к услугам букмекеров. Довольно распространены и заклады между беговыми спортсменами.

Лавровский тут же постарался развить эту тему:

- Слышал, несколько дней назад в Дворянском клубе какой-то миллионщик поспорил на тридцать тысяч, что, такая посредственная кобылка, как Коровка вне конкуренции приз выиграет.

Вошедший в это время в ложу пожилой мужчина с роскошными усами и бакенбардами, добродушно рассмеялся:

- Вот так и появляются легенды о Киеве, как о городе сумасшедших миллионеров! А, помнится, Алексей, в Болгарии один корреспондент любил повторять, что слухи можно считать заслуживающими внимания сведениями только после троекратной проверки.

Лавровский узнал генерала Косича, с которым во время русско-турецкой войны доводилось ему часто встречаться в Рушукском отряде:

-Андрей Иванович! Как же я рад вас видеть!

- И я тоже. Давно в Киеве?

- Вчера приехал.

- Заходи в гости: посидим, былое вспомним, рома выпьем...

- С радостью.

- А слухи о пари этом сильно преувеличены. При мне Лев Бродский и адвокат Гриша Багров поспорили. Толька не на тридцать тысяч, а на три. И предмет спора значительно интереснее был. Багров стал утверждать, что приз возьмёт Коровка. А Лёва на это возразил: «Не важно, кто победит. В любом случае заезд сереньким будет - не резвее, чем без пятнадцати». На том они и по рукам ударили.

- Лев Израилевич, как всегда прав, - сказал Ланча.

- А я считаю, что наши извозчики приедут быстрее, чем за 6 мину 45 секунд, - возразил генерал. - Много ваш Бродский в орловских рысаках смыслит. Хотите пари?

- Охотно. На сто рублей.

- Принимаю. Кто разобьёт, господа?

- Давайте я, - вызвалась Анна.

Получается, Бродскому без разницы, кто выиграт приз, подумал Лавровский, значит это не он подослал шепелявого и беспалого. А мне, дураку,

урок хороший - поосторожнее надо относиться к сведениям от Храпова. Однако, дела делами, но пора и об игре подумать.

Он ещё раз просмотрел программу. В общем-то, всё довольно ясно. В первом заезде, где разыгрывается «Подписной приз для никогда не бежавших жеребцов и кобыл четырёх лет», выиграет, скорее всего, Манерная, родившаяся в заводе Фёдора Терещенко от Бережливого и Людмилы. При таком происхождении она просто обязана бежать резво! Да и едет на ней один из лучших киевских наездников Семиохин. Пожалуй, надо поставить рублей пятьдесят... Второй заезд - «Эспланадный приз для лошадей всех лет, бежавших и не бежавших». Записано пять лошадей. Сильная компания подобралась. Но всё равно, сомневаться не приходится, что первым у выигрышного столба будет сонцовский Пильщик. Только какой смысл играть его? По словам Храпова, у букмекеров Пильщик идёт десять к одиннадцати. Велика радость рисковать десяткой из-за рубля прибыли... Что у нас дальше? «Скачка гладкая для лошадей кровных и полукровных». Совершенно незнакомые лошади и жокеи. Лучше тоже пропустить... А вот в четвертом заезде, где бежит

Щеголиха, надо сыграть по-крупному.

- С вашего позволения, покину вас на несколько минут, - сказал Алексей Анне. - Пойду, ставки сделаю. А вам поставить на кого-нибудь?

- Да. Пятьдесят рублей в четвёртом заезде на Семёна.

- Самуил Маркович у себя?- спросил Лавровский у буфетчика, указав взглядом на дверь за стойкой.

- Нет, ещё не пришёл. Запаздывает, что-то. С ним такое впервой. Все уж беспокоиться начали. Человек ведь он пожилой. Не захворал ли?

- Экая, досада! А ты любезный не подскажешь мне ещё какого-нибудь надёжного букмекера?

- Почему не подсказать? Надёжнее свояка моего Григория Ивановича Сирوماхи на бегах и не сыскать. У него сам полицмейстер иной раз ставки делает.

- А где его найти? - спросил Лавровский, сопроводив свою просьбу полтинником.

- Да здесь он сейчас, чайком балуется. Гриня!

К стойке, прихрамывая, подошёл коренастый длинноусый мужчина лет сорока, в вышиванке под расстёгнутым казакином из дорогого сукна.

- Вот, Гриня, почтенный человек в твоих услугах надобность имеет.

- Всегда рад служить. Принимаю ставки от десяти до ста рублей. Какую лошадку сыграть желаете?

- В первом заезде Манерную.

- Два к трём.

- Хорошо. Две четвертных. А в четвёртом заезде хочу поставить на Щеголиху.

- Один к семи.

- Жалко, что ты больше сотни не принимаешь. Хотел я на неё две сотни поставить.

Краем глаза Лавровский заметил, как буфетчик, подмигнув букмекеру, покрутил пальцем у виска.

- Придётся, значит, другого искать.

- Ну, хоть это и супротив моих правил, пойду, сударь, вам на встречу.

- Тогда держи деньги.

- Сейчас в книжечку, как полагается, запишем.

Посмотрев вслед Лавровскому, буфетчик сказал:

- С тебя, Гриня, за такого карася жирного магарыч.

- Не сомневайся, Карпо, за мной не пропадёт.

В буфет вошёл коннозаводчик Чеховский:

- Рюмку старки.

Увидев Сирوماху, приветливо улыбнулся:

- Здравствуй, Григорий! Ну, не надумал ещё ко мне на завод вернуться?

- Нет, Александр Николаевич. Какой из меня наездник, когда одна рука как чужая?

- А я готов взять тебя не в наездники, а помощником зрителя. Бросай, Григорий, своё малопочётное занятие.

- Благодарствую. Только со зрителем вашим Вакулой не уживусь я. Мы ведь с ним, ещё двадцать лет назад, когда на призовой конюшне Гудим-Левковича, помощниками у Горчавкина были, дружили, как кошка с собакой... А нынешнее занятие моё, Александр Николаевич, слов нет, малопочтенное, но прибыльное. Вот пришёл сейчас лох и, можно сказать, подарил мне двести рубликов. Вы ведь мне такое месячное жалование не положите?

- Разумеется. У меня управляющий и зритель столько не получают... А лох, это случаем, не тот высокий господин, которого я возле буфета встретил?

- Он самый.

- Тогда вынужден тебя огорчить, Григорий. Господин сей деньги на ветер бросать не станет. Это редактор московского спортивного журнала. Он известен, как большой знаток рысаков и очень удачливый игрок.

Выпив ещё рюмку, Чеховский ушёл. А вслед за ним и Сиромеха:

- Пойду распоряджусь, чтобы мои ребята ставок на Щеголиху больше не принимали. Чем чёрт не шутит, а вдруг она и в самом деле первой придёт?

Глава 15

Кто шпион?! Лёшка?!

Возле беговой беседки Малинин увидел полицмейстера Живоглядова, разговаривающего с мужчиной лет пятидесяти весьма примечательной внешности: высокий и представительный, седая голова, а усы и брови чёрные, скорее всего нафабранные. Беседа, похоже, была для полицмейстера не из приятных. Поэтому появлению Малинина он обрадовался:

- Ваше превосходительство, позвольте представить вам коллежского асессора Малинина, о котором уже докладывал.

Малинин догадался, что это начальник Киевского губернского жандармского управления

генерал-майор Новицкий.

- Из Москвы, значит? - Новицкий окинул Сергея умным, живым взглядом. - Получил я телеграмму от товарища министра. Конечно, дело ваше уголовное и, следовательно, в сферу деятельности моего управления не входит. Но, тем не менее, можете рассчитывать на моё всемерное содействие. Однако, хочется надеяться, что оно вам не понадобится. Своих забот и хлопот много.

- Думаю, понадобится, ваше превосходительство. От бывшего начальника Московского охранного отделения Скандракова я слышал, что в Киевском ГЖУ превосходно налажена служба наружного наблюдения. Он говорил, что некоторые ваши филлёры могут дать фору московским.

- Вот как? Вы с Александром Спиридоновичем знакомы?

- Неоднократно совместно с ним участвовал в розыске и задержании опасных государственных преступников. Имел возможность убедиться, что у Александра Спиридоновича есть чему поучиться.

- Саша мой ученик, - улыбнулся Новицкий. - Очень жаль, что по состоянию здоровья пришлось ему выйти в отставку... Можете рассчитывать на

любую помощь... И, кстати, давайте без чинов, называйте меня по имени-отчеству. А сейчас у меня к вам приватный разговор... Вам же, господин полицмейстер, настоятельно рекомендую заняться выяснением, куда запропастился Свмуил Лифшиц. Чую случилось с ним, что-то скверное.

- Мне кажется, вы сгущаете краски, ваше превосходительство, - возразил Живоглядов.

- Дай бог, чтобы так и вышло. Только надежда на это не велика. Человек преклонных лет уходит из дома ранним вечером, обратно не возвращается. Через полчаса бега начнутся, а его на ипподроме нет. Хотя обычно он часа за три до начала приходит... Вы представляете, какой скандал поднимется, если он так и не найдётся? Многие уважаемые люди у него крупные ставки сделали.

- И напрасно, - проворчал полицмейстер. - Я всегда считал его личностью тёмной. Из букмекеров у меня доверие вызывает один Сиромаха.

- Разделяю ваше мнение. Но, тем не менее, незамедлительно займитесь розыском этого еврея.

Когда они остались одни, генерал спросил Сергея:

- Вы случайно не знакомы с неким Алексеем Лавровским? Он издаёт в Москве журнал «Беговые

и скаковые известия».

- Знаком, Василий Дементьевич. А в чём, если это не государственная тайна, он провинился?

- В принципе, дело секретное. Но, так как вы человек далеко не посторонний, скажу. Он замечен в сношениях с австрийской разведкой - вчера вечером общался с её резидентом.

Малинин изумился:

- Кто шпион?! Лёшка?! Да быть того не может! Василий Дементьевич, тут какое-то недоразумение.

- Поверьте моему опыту, молодой человек, в этой жизни может быть всё, что угодно.

- Согласен! Всё, в том числе и самые нелепые подозрения. Меня, к примеру, в 1883 году обвинили в сбыте фальшивых кредитных билетов. Даже арестовали. А потом мы с Алексеем нашли немцев, которые этим занимались.

- В 83-м, говорите? Вы о «Деле Дюнкеля, Ляйхенфауста и братьев Краузе»?

- Да.

- Наслышан о нём. Но не знал, что господин Лавровский к нему причастен.

- Причастен?! Да это исключительно он «Дядю Фрица» разоблачил и помог Скандракову

взять его с поличным. А три года назад Алексей способствовал выявлению английского шпиона.

-Любопытно, всё это весьма любопытно...
Понимаю, что просить вас не сообщать о нашем разговоре вашему приятелю бесполезно.

- Виноват, ваше превосходительство, но это действительно так.

- Мы же договорились, что без чинов... В таком случае вы должны сегодня же познакомить меня с Лавровским.

- А вот это легко! Алексей сейчас, как раз, на ипподроме... Такое событие, как открытие бегового сезона, он пропустить не может.

Покладистость жандармского генерала объяснялась просто - каких-либо серьёзных оснований подозревать Лавровского у него не было. А вот планы, в отношении этого человека, правда пока не очень конкретные, имелись.

Недавно Новицкий получил шифровку из канцелярии Военно-учёного совета Главного штаба, ведавшей вопросами разведки и контрразведки. В ней сообщалось о прибытии в Киев резидента австро-венгерской разведки. Прочитав её, генерал довольно потёр руки. Ну, наконец-то, появилась

хотя бы одна перспективная ниточка.

... Новицкого давно беспокоила австрийская шпионская сеть. Вернее полное отсутствие сведений о её существовании. А она должна быть! Не могли австрияки обойти вниманием такой город, как Киев. Ведь именно здесь находится штаб военного округа, а, следовательно, и планы мобилизации, которая начнётся в Юго-Западном крае в случае угрозы возникновения военных действий. Тут же расположены огромнейшие склады, где хранится годовой запас провианта, амуниции, снарядов и патронов для четырёх пехотных и двух кавалерийских дивизий, осадного и полевого инженерных парков, сапёрной бригады и других частей, которым предстоит стать костяком армии, предназначенной для войны с Австро-Венгерской монархией. Большой интерес для шпионов представляет и станция голубиной почты, обслуживающая российских военных атташе в Вене, Стамбуле, Бухаресте, Софии и Белграде.

Весной в Киевском военно-окружном суде слушалось дело о взрыве литейной мастерской огнестрельного отдела артиллерийского склада в Новой Печерской крепости. Начальник склада генерал-майор Бориславский, несколько офицеров и

военных чиновников обвинялись в ненадлежащем исполнении своих служебных обязанностей. Но Новицкий не сомневался, что это не преступная халатность, а диверсия. Удайся она и на воздух взлетело бы полгорода. Только вот доказать ничего не удалось: один из подозреваемых в связях с австрийской разведкой застрелился, второй сошёл с ума, а третьему удалось скрыться.

Очень интересовали Новицкого и связи австрийцев с так называемой «украинофильской партией», сложившейся в Киеве ещё в 60-е годы.

Политические взгляды либеральной интеллигенции, воспитанной на сочинениях Тараса Шевченко и «преданиях старины глубокой», довольно расплывчаты и неопределённы. Одни мечтают о свободной Малороссии с гетманом во главе, под покровительством Российской империи. Другие, подстрекаемые поляками, заявляют, что главные враги это проклятые москали и видят счастливое будущее «многострадальной матери Украины» в составе Речи Посполитой, которая вот-вот должна возродиться при поддержке просвещённой Европы. Собираются они на сходки, «Ще не вмерла Украина» распевают. А песню эту, между прочим, даже не малоросс написал, а

польский шляхтич Чубинский. И в ней он своей ненависти к русским не скрывал:

*Ой, Богдане, Богдане,
Славный наш гетьмане!
Нащо отдав Украину
Москалям поганим?
Щоб вернути иё честь
Ляжем головами!*

А в последнее время всё активнее стала проводиться пропаганда необходимости сплочения Волыни, Подолии, Малороссии и Новороссии вокруг Галиции, входящей в состав Австро-Венгерской монархии. Венский двор, дескать, нашим единокровным братьям галичанам уже автономию дал. Следовательно, и нас не обидит.

В такой среде только ленивый агентов вербовать не станет. А ленивым полковника Гуго фон Биллимека, возглавляющего «Эвиденцбюро» - разведывательный отдел австро-венгерского генерального штаба, даже враги назвать не могут...

За резидентом тут же было налажено плотное наружное наблюдение. Поздним вечером, просматривая список лиц, с которыми он встречался, Новицкий обратил внимание, что в нём не только киевляне, но и трое приезжих из Варшавы,

Москвы и Николаева. Приказал немедленно, не смотря на ночное время, отправить в эти города соответствующие запросы.

Сегодня, буквально перед самым отъездом Новицкого на бега, пришёл ответ начальника Московского охранного отделения ротмистра Бердяева:

Лавровский Алексей Васильевич, 1855 года рождения, дворянин, уроженец города Ельца Орловской губернии, в настоящее время проживает в Москве, является редактором-издателем спортивного журнала «Беговые и скаковые известия». В предосудительном образе мыслей и каких-либо противоправных деяниях не замечен. В 1883-1884 годах им был оказан Московскому охранному отделению и Московскому ГЖУ ряд услуг при ликвидации террористической организации народовольцев (так называемой «Пятёрки Адвоката») и изобличении великобританского шпиона, у которого были изъяты план российского военно-морского строительства и другие документы особой важности. Имеет определённые способности к оперативно-разыскной работе. Но привлекать к сотрудничеству не желательно, так как, склонен к самоуправству и авантюрам. Более

подробные сведения о нём вы можете получить у помощника Московского управления сыскной полиции, коллежского асессора Малинина, который сегодня утром, должен прибыть в Киев по служебной надобности.

Весьма интересный господин, подумал Новицкий, может оказаться очень полезным, непременно надо с ним встретиться.

Быстро найти кого-нибудь на ипподроме, где собрались тысячи людей, крайне сложно. Но Малинину повезло - возле буфета он встретил Лавровского.

- А я, друг мой, так и знал, что ты на бега приедешь, - улыбнулся Алексей. - Кого играть надо, знаешь?

- Откуда? Я ещё и программу не видел.

- Тогда запоминай: в первом заезде Манерная, во втором Пильщик. Только за него букмекеры много не дают - десять к одиннадцати. Лучше воздержись. В четвертом заезде смело ставь на Щеголиху. Как у тебя с деньгами?

- Бывало и хуже, но редко.

- Понятно. Сотни тебе хватит?

- Вполне.

- Держи. А я побегу - неудобно даму заставлять ждать. Вечером, если удастся, встретимся, расскажу, в какую историю я тут встрял.

- И, похоже, не в одну.

- Ты о чём?

- Начальник Киевского ГЖУ тобой очень интересуется. Говорит, ты с австрийским шпионом встречался.

- Да, ну?! Ну, и везёт мне на эту публику! На турецкую войну корреспондентом поехал, так меня в действующую армию пускать не хотели. Оказалось, я в Бухаресте с английскими шпионами цуйку распивал. А теперь вот австрияк какой-то выискался... Впрочем, нет, худа без добра. Я, как раз, собирался завтра наведаться в жандармское управление.

- Тогда считай, я тебе жизнь облегчил. Генерал Новицкий нас на той вон скамеечке поджидает. Только ты, Алексей, с ним поосторожнее. Чувствуется, что между этим господином и нашими московскими жандармами, такая же разница, как между призовыми рысаками и водовозными клячами. Поэтому за языком следи.

- Это ты прав. Язык мой - враг мой. Но ничего,

бог не выдаст, а свинью мы и сами съедим.

А его в городе побаиваются, отметил Лавровский. Скамейку нашу все шагов за десять обойти норовят. Начало разговора Алексею понравилось - не любил он, когда юлят и тянут кота за хвост.

- Вы не какой-нибудь прекраснодушный либерал, которому долго и нудно надо объяснять, кто такие внутренние и внешние враги России, - сказал Новицкий.

- Мне не надо.

- Тогда сразу к делу. Вчера на привокзальной площади вас видели в обществе инженера-путейца Павлова. У нас имеются основания подозревать его в шпионаже в пользу Австро-Венгрии.

- Даже не верится!

- Однако это так. Вы давно знакомы с Павловым?

- В поезде познакомились. Он мне здорово помог.

Лавровский рассказал, как они шумную компанию к порядку призывали.

- Вы не заметили в нём чего-нибудь подозрительного, необычного?

Алексей задумался, а потом рассмеялся:

- Теперь всё подозрительным кажется! По сложению совсем не богатырь, а сила завидная - рыжеусому руку так сжал, что тот взвыл... О мосте через Днепр рассказывал, словно железнодорожный справочник наизусть выучил... Чувствуется, в скаковых лошадях отлично разбирается, а когда я ему об этом сказал, стал, словно, оправдываться - читаю, мол, иногда спортивные журналы... Вот, пожалуй, и всё.

- Понятно, - добродушно улыбнулся жандарм. И вдруг совсем другим тоном, жёстким и резким, спросил:

- А со Стефаном Бурианом вы тоже чисто случайно встретились?

Малинин понял, что пора ему вмешаться в разговор:

- Их я свёл. А сам познакомился с австро-венгерским генеральным консулом в Москве при выполнении служебных обязанностей - возвращал ему портсигар, украденный карманниками. Кстати, наши почти приятельские отношения со Стефаном объясняются общими интересами - увлечением рысаками. Так, что подозревать нас...

- Бог с вами, господа, какие ещё подозрения...

Не сочтите за труд, Алексей Васильевич, если когда-нибудь увидите с Павловым, сообщите об этом мне.

- Договорились. А у меня к вам, Василий Дементьевич, тоже вопрос имеется. Интересует меня некий господин довольно примечательной внешности: на вид лет тридцать с небольшим, вершка на два пониже меня, широкоплечий, рыжеватая борода лопатой, на правой руке большого пальца нет. Слышал, Киевское ГЖУ его тоже ищет.

- Тоже? А кто ещё?

- Я. Этот мерзавец вздумал в ход бегов вмешиваться!

- Советую держаться от этого типа подальше. Он очень опасен. Минувшей зимой четверо чинов пограничной стражи пытались его задержать за незаконный переход границы. Так он одного убил, остальных раскидал и ушёл.

- Да, ну? А вот Семён Гирнев его вместе с подельником отходил шкворнем и ничего.

- Когда это случилось?

- В пятницу.

- Интересно... Не ожидал, что Омелюта рискнёт появиться в Киеве... А скажите, Алексей

Васильевич...

Но продолжить разговор им не удалось. Подошёл дюжий жандармский вахмистр:

- Ваше превосходительство, при входе на бега мною, при содействии городских, задержан мещанин Крайзман, проживающий в Киевском уезде под гласным надзором полиции. Имел при себе заряженный револьвер.

- Ох уж мне эти террористы и социалисты! Не дают спокойно жить, - Новицкий поспешно встал. - Пойду разбираться. А вы, Алексей Васильевич, загляните ко мне завтра утречком. Я вам об Омелюте много чего интересного порасскажу.

Лавровский неторопливо направился к ложе президента. Крайзман, вертелось в голове, Крайзман... Теперь ведь, как заноза сидеть будет, пока не вспомню, подумал он.

Глава 16

Не посчастливилось счастливым

Быстро добраться до ложи президента оказалось не просто. Вначале Лавровский увидел торопящегося куда-то Сергея Ярона.

- На пожар? - понимающе улыбнулся Алексей.

- Не угадал. На убийство. В овраге у Собачки мёртвое тело нашли.

... Собачкой или Собачей тропой называют тропинку, которая пролегает между оврагами вдоль речушки Клов, по Печерскому спуску, Рыбальской улице и выводит к Киево-Печерской лавре. Название своё она получила из-за того, что некоторые подъёмы настолько крутые, что после дождя воспользоваться ими по силам одним собакам.

Дурной славой пользуется Собачка. Издавна промышляют здесь шайки босяков с Бессарабки и других тёмных личностей. Днём-то ещё ничего, а с наступлением сумерек у припозднившегося прохожего велики шансы быть обобранным до нитки, избитым, а то и убитым.

Однако, не смотря на все трудности и опасности, Собачк пользуется у киевлян большой популярностью. Ведь это кратчайшая дорога из старого города на Печерск...

- А у тебя, что репортёров нет? - удивился Лавровский. - Не солидно, друг мой, заведующему отделом новостей большой газеты из-за заметки строчек на двадцать сломя голову мчаться.

- Ну, ты, брат, и ляпнул! На двадцать! Да мне этот жмур десяток интересных тем даст.

- Это каких же?

- О городской думе, которая слишком мало внимания уделяет вопросам благоустройства... О безопасности горожан, забывающих, что бережёного бог бережет... О том, что преступники в очередной раз начинают делить сферы влияния... А хочешь, напишу статью для твоего журнала?

- Сомневаюсь, Сергей, что москвичей заинтересуют киевские проблемы - у нас и своих выше крыши.

- И напрасно! Я даже начало уже придумал. Желаеть послушать?

- Давай.

- История эта, многоуважаемые читатели, должна послужить хорошим уроком для тех из вас, кто время от времени прибегает к услугам букмекеров. Даже выиграв, вы, как говорится, можете остаться с носом.

- А букмекеры тут причём?

- Притом! В овраге у Собачки нашли мёртвого Самуила Лифшица и его охранника, в недавнем прошлом известного циркового борца. Лифшиц один из трёх заправил киевских букмекеров. Да, ты, наверное, о нём и не слышал.

- Ошибаешься, друг мой. Кто такой Самуил Марковч мне известно.

- Тогда слушай дальше... По имеющимся у нас сведениям, погибший и его помощники приняли великое множество ставок на рысистые бега, проходившие 23 августа сего года на Печерском ипподроме в Киеве. Как всегда, сотни проигравших и только десятки выигравших. Но в этот раз не посчастливилось и счастливым. С кого теперь деньги требовать? С наследников старого еврея? Держите карман шире. Они заявят, что их папенька был человеком благочестивым, законопослушным и не мог заниматься незаконным промыслом. С помощников букмекера? Но всё имущество оных это потрёпанные лапсердаки, да старые широкополые шляпы. Обращаться в поисках справедливости в суд? Обращайтесь. Только там вам напомнят, что согласно 46-й статьи «Уложения о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» ждёт вас, как участника запрещенных игр, денежное взыскание до ста рублей или арест сроком до одного месяца.

- Передёргиваешь, друг мой. 46-я статья относится к устроителям незаконных азартных игр.

- Ловкий адвокат, Алексей, легко убедит мирового, что при заключении пари устроителями являются обе стороны. И, можешь мне поверить, у

наследников Лифшица найдутся деньги на такого адвоката... Итак, заинтересовала тебя моя статья?

- Да, пиши.

- Имей в виду, за строчку я беру не меньше чем по...

- Не бойся - не обижу.

Хороший гонорар он заслужил, помог разрабататься в странной истории с Щеголихой. Теперь-то всё по местам встало.

Во-первых, Лев Бродский здесь не причём. Для него три тысячи рублей это мелочишка, он сотнями тысяч привык ворочать. А во-вторых, поведение Скуратова стало, наконец, понятно.

Утром в пятницу в аптеку Сонгаило к букмекеру пришли плюгавый господин в позолоченном пенсне и шепелявый Скуратов. Они поставили на Щеголиху такой богатый куш, как пятьсот рублей. А вечером, тот же самый Скуратов и явный головорез Омелюта, подстерегли Семёна Гирнева в глухом переулке и потребовали, чтобы на бегу он Щеголиху попридержал. Когда угрозы не подействовали, схватились за ножи... Причина такого странного поведения Скуратова может быть только одна - кому-то очень надо, чтобы плюгавый остался без денег. И совсем не исключено, что после

того, как не удалось договориться с Гирневым, этот «кто-то» пошёл на убийство букмекера.

Вполне очевидно, что при таком раскладе, Гирневу больше опасаться нечего. Правда, слишком много вопросов остаётся без ответа. Кто такой плюгавый? Кому потребовалось его без денег оставить? Зачем? Кто букмекера убил? Только пусть всем этим теперь Храпов занимается, решил Алексей, в конце концов, он заинтересован выяснить, кто его именем прикрывается. А уж отвести от себя подозрение в убийстве конкурента, тем более...

Храпова на ипподроме найти не удалось. Но возле левой галереи Алексей увидел Николая Винокура, которого, как и вчера, сопровождали двое крепких ребят в вышиванках под расстегнутыми пиджаками.

- Какие новости, Николай Михайлович?

- Ничего интересного.

- За шепелявым приглядываете?

- Да. Он с утра дома сидит. Как только выползет, возьмём под белы ручки, отвезём на хуторок - там он всё сам выложит.

- Мне удалось выяснить фамилию второго

злодея.

- Беспалого с бородой лопатой?

- Да. Это некий Омелюта. Жандармы говорят, очень опасный тип.

- Зенон Омелюта? Контрабандист?

- Имени не знаю. Завтра один очень знающий человек обещал порассказать мне о нём много чего интересного. Что выясню - поделюсь... Вот на этом, пожалуй, наше сотрудничество и закончится. Я своё дело сделал - Гирневу больше бояться нечего. Оказалось, совсем не он злодеев интересовал.

- А кто же тогда?

- Какой-то плюгавый господин в позолоченном пенсне. Вот какая картина складывается...

Выслушав рассказ Лавровского, Винокур тут же начал действовать:

- Левко, присмотри за буфетом. Плюгавый, наверное, ещё не знает, про Самуила. Если Щеголиха придёт первой, тут же побежит за выигрышем.

- А якщо вона не приде? - спросил Левко.

- Тогда тебе придётся взять под присмотр всех, кто по этому поводу сильно убиваться станет.

- Людей у меня замало.

- Найми десяток мальчишек-газетчиков, - посоветовал ему Афанасий.

- Так вони грошей попросят.

- Дашь им по гривеннику.

- Дуже дорого.

- Вот куркуль! - возмутился Афанасий. - За копейку готов удавиться!

- Гроши рахунок люблять... Гаразд, пишов я працювати...

Винокуров улыбнулся:

- По-русски он, шельмец, говорит не хуже нас с вами. Селюком и галушником его служба в сыскной части прикидываться научила.

- Да я так и понял, - кивнул Лавровский. - Под просточка работает.

- Зачастую это бывает полезно... А вы, значит, от дела совсем отойти надумали?

- Да. Неинтересно оно мне больше.

- Жаль. В нынешней ситуации вы, с вашими знакомствами и хваткой, нам бы оченьгодились. И хорошее вознаграждение с Александра Гордеевича запросить бы могли. Но ничего тут не поделаешь: хозяин - барин... Ладно, как Левко говорит, пишов я працювати. Вот-вот патрон подъехать должен. Надо ему новости доложить.

Глава 17

Полканы - наше всё

Пока Лавровский отсутствовал, гостей в президентской ложе прибавилось. Среди них он увидел и немолодую красивую даму, с которой познакомился в поезде - Наталию Дмитриевну Громову.

Женщина искренне ему обрадовалась и поспешила представить своему спутнику - высокому мужчине с бакенбардами, как у покойного императора Александра II, и генеральской осанкой.

- Анатоль, это тот самый молодой человек, о котором я тебе рассказывала.

- Рад знакомству, - пробасил тот, крепко пожимаю руку Алексея.- Анатолий Фёдорович Громов, товарищ прокурора Киевской судебной палаты. Наслышан от жены и внучки о вашем поведении. К сожалению, в наше время далеко не каждый способен на такой поступок. Кругом трусы и хлюпики! А вы рискованный человек. И везучий вдобавок. Знаете, кого задержали?

- Только одного - Кирию Моли-Бога - известного головореза с Хитровки.

- Тимофей Дзюба, по кличке Кавалер, не менее опасен.

- Налётчик?

- Хуже. Занимается убийствами по заказам.

- Редкая масть для наших блатных. А третий?

- На подхвате у Кавалера.

- А мне было показалось, что жидковат он для серьёзных дел.

- Правильно показалось. Ротмистр Доброхотов из Киевского отделения Орловского жандармского полицейского управления железных дорг, как взял его в оборот, так тот сразу раскололся, признался, что в Киев ехали на убийство.

Редактору спортивного журнала также сведения были без надобности, но репортёр, тем более в компании с автором уголовных романов-фельетонов, взял в Алексее верх:

- А кого заказали?

- Даму какую-то. Повезло ей, что вы их в поезде перехватили. Ведь Дзюба не просто убивает, он любит свои жертвы помучить. Вот в позапрошлом году...

Поймав осуждающий взгляд жены, товарищ прокурора замолчал, достал белоснежный платок и принялся вытирать вспотевший лоб и шею. А потом заговорил уже совсем о другом:

- Жарковато для конца августа. Остался вчера

в городе ночевать, так до утра с бока на бок vorочался. Сегодня непременно на дачу в Боярку поеду. Там хорошо! Сидишь вечером в беседке, самовар на столе, бутылочка спотыкача, Наталией Дмитриевной собственноручно приготовленного, иной раз соседи на огонёк заглянут...

-Только они больше четверти часа твоих вечных разговоров о грабежах и убийствах выдержать, не могут! Послушают и по домам, пока не стемнело, - засмеялась Наталия Дмитриевна. А потом предложила. - Алексей Васильевич, приезжайте в среду вечером к нам в Боярку. Композитор Николай Лысенко обещался зайти, Маша Заньковецкая, которая Наталку Полтавку пела, художник Пимоненко.

Алексей немного смутился:

- Боюсь, что скучным покажусь вашим гостям. Ведь у меня, как и у Анатолия Фёдоровича, все разговоры на уголовные темы. Да ещё о рысаках.

- В таком случае я знаю, по крайней мере, двух человек, которые скучным вас не сочтут, - хохотнул товарищ прокурора, - Жена и внучка давно подбивают меня завести собственную призовую конюшню. Они у нас заядлые рысачницы... Действительно, приезжайте.

- А я уже начала думать, не сбежали ли вы от меня? - пошутила графиня Рио-Бранко. - Наблюдала за вами в бинокль. Даже не верится, что у человека, который первый день в Киеве, здесь столько знакомых.

Ответить Алексей не успел. Ударил колокол и на беговой круг выехали четыре лошади. Внимание Анны сразу привлекла светло-серая, почти белая кобыла.

- Кто это?

- Манерная, - пояснил Ланчия. - Рождена в заводе Фёдора Артемьевича Терещенко от Бережливого и Людмилы, дочери знаменитого Крутого. Красавица! Вся в отца - полна элегантности, блеска и высокой красоты.

- Притом среди четырёхлеток от Бережливого она далеко не самая лучшая, - заметил брат исправляющего должность вице-президента Иван Паншин. - Лебёдка и Дунай поинтереснее будут. Просил я Фёдора Артемьевича их мне уступить, да Евгений Борисович перехватил.

При этих словах, владелец одной из самых успешных киевских призовых конюшен, хозяин экипажного заведения Таматин расплылся в улыбке:

- В нашем деле, Иван Иванович, кто смел, тот два съел. Хотел было я и Манерную прикупить, но не стал - не глянулась на поездке. А теперь вот локти кусаю. Кобылка-то резвой оказалась. Думаю, в этой компании ей и делать нечего.

Судья на старте выровнял лошадей. Снова ударил колокол, извещая, что заезд начался.

Таматин оказался прав. Манерная со старта вырвалась вперёд. К концу первой версты она опережала соперников запряжек на десять.

- Смотрите, Вспыльчивый поехал! - воскликнул Ланчия, когда изящный серый жеребец, сделав бросок, стал доставать Манерную. - Эх, заскакал! Ничего, сейчас Величкин его на рысь поставит.

Но сделать это до двенадцатого скачка наезднику не удалось. А согласно «Устава Киевского общества охотников конского бега» для лошадей четырёх лет двенадцатый скачѣк означает проскачку. Величкин съехал с круга. Оставив остальных соперников за флагом, Манерная пришла к призовому столбу первой.

- Шесть тринадцать, - остановов секундомер, сказал Ланчия. - Для первой езды замечательно. - А вы как полагаете, Алексей Васильевич?

- Полностью с вами согласен, - кивнул головой Лавровский, которому Манерная «привезла» четвертную.

Следующий заезд вызвал у всех ещё больший интерес. Ведь бежали лошади, которым через неделю предстояло участвовать в главном событии сезона - розыгрыше «Большого Киевского приза».

Когда на беговом круге появился вороной Бархатный, галереи, где разместились публика попроще, заплодировали. Нравился ей его высокий красивый ход.

- Как идёт! - пришёл в восторг пожилой железнодорожный служащий в чёрной тужурке. - Передние ноги на бегу чуть до морды не достают!

- А как он их при этом в стороны выбрасывает! Залюбуешься - поддержал его бородач в короткой поддёвке, похожий на купчика средней руки.

В ложах, где сидели коннозаводчики и владельцы призовых конюшен, отношение к Бархатному было более прохладным.

- Не понимаю, зачем его Бродский записал? - покачал головой Кобец. - В этой компании у него шансов почти нет.

- Почему? - не согласился с ним Ланчия. - В прошлом году Бархатный блестяще выиграл «Орловский приз», всех за флагом оставил.

- А в какие секунды? - усмехнулся Кобец.

- Кажется без пятнадцати.

- Вот именно - в пять минут сорок пять секунд. А сегодня должны приехать секунд на пятнадцать резвее.

- А то и на двадцать, - вступил в разговор коннозаводчик Черепов. - Всё зависит от того какой пейс Пильщик предложит.

Вороного красавца Туза ложи встретили равнодушным молчанием, а галереи свистом и бранью. Слишком уж часто в прошлом году он обманывал их ожидания: три раза считался фаворитом и приходил последним.

Смачно матернувшись, купчик сказал:

- А принимает-то, зараза, всегда как! Версту первый держится. А потом скачет.

- На Большом Киевском у него на каждой версте по сбою было, - припомнил железнодорожник. - А я, по глупости, на него тогда две красненьких зарядил.

Караковый Быстрый, приведённый из Курской губернии, привлёк внимание знатоков своим низким

скользящим ходом.

Ланчия подозвал служителя общества:

- Сбегай, любезный, к Самуилу Марковичу, поставь на Быстрого пятьдесят рублей.

- А его, Генрих Евгеньевич, чего-то нету сегодня.

- Тогда у Сирوماхи поставь.

Алексей сперва тоже решил поставить на Быстрого. Но вспомнил беговые отчёты с провинциальных ипподромов и передумал. Весной и летом Быстрый бежал в Тамбове, Орле, Курске, Щиграх, Полтаве. Скорее всего, к концу августа он «привял».

- Ах, как идёт! - восхищалась графиня. - А может он приз взять?

- Вряд ли, Аня... Куда ему с Пильщиком тягаться?! У того в родословной сплошь вороные и серые Полканы.

- А кто такие эти Полканы? - спросила Анна.

- Основатели лучших линий орловских рысаков. Полканы - наше всё.

- Наше всё... Где-то я эту фразу уже слышала... Ах да! Покойный отец часто говорил, что Пушкин - наше всё.

- Это слова поэта Аполлона Григорьева,

который «Две гитары» сочинил.

- Я знаю. Папа, когда выпьет, всегда этот романс пел, - грустно улыбнулась женщина и тихо пропела:

Доля ж, доля ты моя

Ты лихая доля.

Уж тебя сломил бы я

Кабы только воля!

- Какой у вас голос чудный! - воскрился Алексей. - Очень хотелось бы услышать ваше пение.

- Я редко когда пою. Но может быть сегодня вечером... Смотрите, какой красавец! Наверное, это и есть Пильщик?

Слова её относились к появившемуся на круге, крупному, почти белому жеребцу.

- Да! Хорош! Весь в своего знаменитого деда Потешного. Только крупнее, гуще и капитальнее.

Через несколько минут Пильщик заставил публику изрядно поволноваться. За две-три сажени до столба, к которому полагалось подходить шагом, он переходил на рысь. Старт удалось дать только с третьей попытки. Пильщик сразу вырвался вперёд.

- Отменный посыл, - одобрил Ланчия.

- Чересчур резво, - взглянув на секундомер,

сказал Черепов. - Понятно, Мишка Кремнев, в своей обычной манере, хочет всех за флагом оставить, чтобы перебежки не было. Но такого пейса жеребец может не выдержать.

Действительно, пройдя первую версту без девятнадцати, то есть за одну минуту сорок одну секунду, Пильщик сбился. Наездник быстро сумел поставить его на рысь. Но, не пробежав и сотни саженой, он снова заскакал. Бархатный и Туз ушли запряжек на десять вперёд.

Зрители, многие из которых поставили на Пильщика, шумно выражали свои чувства:

- Чёрт безрукий!
- Давай, Миша, поднажми!
- Злодий! Шарай!

Один только Сонцов, владелец Пильщика, оставался спокоен:

- Ничего страшного. Его отец Полотёр и после трёх сбоев заставлял всех пыль глотать.

Когда лошади, после последнего поворота, вышли на финишную прямую, Пильщик снова был впереди. Просвет между ним и соперниками продолжал увеличиваться.

Галереи неистовствовали:

- Швидший, Миша, швидший!

- Что взяли?! Держи карман шире!

- Один Кремнев!

Отдых отдыхом, подумал Алексей, а отчёт за меня писать никто не станет. Достал неразлучную записную книжку и «стилографическое перо», которое подарил ему Фёдор Измайлов, вернувшийся недавно из Северо-Американских Соединённых Штатов. Стал торопливо писать:

При розыгрыше «Эспланадного приза» бег с резвостью 5 минут 26 3/4 сек. выиграл серый красавец Пильщик (ехал М.Кремнев). Второй, на 10 секунд тише, подошла вороная Пушистая (ехал владелец И.И.Иванюк). Остальные лошади остались за флагом и к перебежке допущены не были. Следует отметить, что это новый рекорд Печерского ипподрома в беге на три версты. Предидущий, установленный год назад, побит сразу на восемь секунд. На перебежке Пильщик...

- О! У вас вечное перо, - удивилась графиня Рио-Бранко. - Не думала, что это американское изобретение дошло и до России.

- Как видите, дошло. Очень удобная штукавина.

- Только слишком капризная: чернила часто засыхают, а при влажной погоде их вытекает

больше, чем надо.

- Аня, не желаете прогуляться по ипподрому?

- Нет. Генрих Евгеньевич обещал, что с минуты на минуту подадут какой-то особенный торт-мороженое от Семадени. А у вас, понимаю, ещё одна деловая встреча?

- Не без этого.

-Идите.

- Не скучайте, я быстро.

Глава 18

Справжний пан

Вход на смотровой круг, где ожидали вызова на призовую дорожку участники следующих заездов и скачек, загораживали внушительные фигуры двух служителей общества. Сразу чувствовалось, что каждый из этих крепких усатых хлопцев, с бронзовыми бляхами на голубых венгерках, ощущает себя сейчас царём, богом и воинским начальником в одном лице.

- Куда преш? Сторонним сюди не можна, - решительно остановил один из них юркого молодого брюнета в шляпе-канотье.

- Я корреспондент газеты «Волынь» Всеволод Житомирский. Имею редакционное поручение.

- Ну и що? - вступил в разговор второй. - Всё

одно не можна.

- Мне старший член общества Егор Константинович Кобец разрешил. Вот его записка.

- А вин нам не начальник. Накаже пан Корчак-Новицкий тода пропуцу.

- Я жаловаться на вас буду!

- Та насрати.

Глаза Лавровского озорно сверкнули. Малороссийский говор он хорошо освоил, когда гостил у своего приятеля Гриши Кушныра на хуторе под Полтавой.

- Куда преш? Сторонним сюди... , - начал было служитель.

-Що?! - рявкнул Алексей. - Який я сторонний! Зовсим вас Корчак разпустив. Ось я йому задам спеку!

Хлопцы почтительно вытянулись и залезили:

- Прощения просимо.

- Проходьте, шановний пане.

- А вин зи мною, - небрежно кивнул Лавровский в сторону репортёра.

Отходя, услышал, как служители тихо переговариваются:

- Це хто такий?

- А бис його знае. Тилько видразу видчувається,

справжний пан.

Лавровский подмигнул брюнету:

- Вот так-то, молодой человек.

- Я вам очень признателен.

- Пустое. Репортёры друг другу должны помогать.

- Так вы наш брат газетчик?

Лавровский, раскуривающий сигару, молча кивнул. А потом сказал:

- Не ожидал, что в здешнем беговом обществе, так к прессе относятся.

- Не могу с вами согласиться. Отношение со стороны всей администрации благожелательное. Один только казначей Корчак-Новицкий исключение составляет.

- А, что так?

- Он сам пытался издавать газету - вначале «Киевский листок», потом «Труд». И оба раза понёс значительные убытки. Вот теперь и злобствует.

- Тогда понятно, почему служители так себя ведут. Какаов поп, таков и приход.

- Совершенно верно! Тем более, что Корчак, отвечающий за наём сторожей и билетёров, отдаёт предпочтение селякам с Подолии. А это, как правило, люди грубые и хамоватые. Нас, иудеев, они

терпеть не могут. Да и к русским особой любовью не пылают.

- Непременно надо об этом с Паншиным потолковать. А то наживёт беговое общество из-за своего казначея неприятностей.

- Вы к игре интерес имеете?

- А то!

- Тогда могу подсказать вам надёжную лошадку.

Лавровский хмыкнул:

- Однако... Сева, а ты часом не жучок?

- Обижаете. Я в долгу оставаться не люблю, вот и предложил от всей души.

- Ладно, не сердись... Так кого посоветуешь?

- Через пару минут достоверно буду знать, кто скачку выиграет. Один хороший знакомый велел к нему перед самым стартом подойти. Мне для этого на смотровой круг попасть и потребовалось. Как узнаю, сразу вам скажу,

- Договорились.

Гирнева Алексей нашёл быстро. Тот нервно прохаживался возле пролётки, в которую была запряжена красивая вороная кобыла - Щеголиха.

- Волнуешься?

- Не без того. Посмотрел я сейчас на Ермака и

засомневался - смогу ли его обойти? Да и Нарядный силён.

- Обойдёшь. Ермак, как и все дети Эль-Хамина, больно уж строптив. Думаю, со старта он закинется или заскачет. Нарядный, конечно, впечатление производит. Как говорится, конь-огонь. Только он ведь от калабинского Ворона, который за десять лет резвачей так и не дал.

- Да знаю я ... Только всё равно, как-то боязно.

- А вот это, друг мой, брось! Знаешь, что в таких случаях твой тёзка Семён Герасев говорит?

- Не.

- Может у них лошади и не хуже, да только у меня куража больше.

Гирнев улыбнулся:

- Слышал, Семён Терентьевич всегда для куража по косушке коньяку принимает?

- Врут. Он водку предпочитает. Да и, что ему косушка! Как мертвому припарка. Он меньше штофа не признаёт. Только сейчас его на бегу под хмельком не встретишь. Строго с этим делом на Ходынском ипподроме стало.

- Да и у нас тоже.

- Но ничего! У меня найдётся кое-что, чтобы тебе настроение поднять и куражу прибавить.

- Ты о чём?
- Теперь тем башибузукам, которые тебе угрожали, без разницы первой на бегу Щеголиха будет, второй или за флагом останется.
- Как так?
- На Щеголиху поставил крупный куш некий плюгавый господинчик в позолоченном пенсне. Ты случайно такого не знаешь?
- Не.
- Жаль, Но не суть важно... А кому-то очень нужно, чтобы плюгавый этот остался без денег.
- Сашко Москалю, небось.
- Нет, Семён. Храпову победа Щеголихи выгодна - он на ней лишние полторы тысячи рублей заработает.
- Ох, и хорошо живут букмекеры!
- Хорошо, только часто не долго... С тобой злоумышленники договориться не смогли - отказался ты Щеголиху попрідержать, угроз не испугался. А когда они узнали, что за твоей конюшней присматривают и полицейские, и люди Сашко Москаля, то поняли - на тебя давить смысла нет. Тогда они по-другому сделали - в случае выигрыша Щеголихи, плюгавый денег всё равно не получит.

- Это каким же манером?

- Убили букмекера, у которого ставка была сделана.

- Вот злодеи! Поймали их?

- Пока ещё нет. Но не волнуйся. Во-первых, ты им больше не интересен. А во-вторых, им теперь не до тебя. Одного все киевские жандарм и сыщики ищут - по нему петля давно плачет. А второй... ну... короче и его большие неприятности ждут.

Рассказывать о том, что шепелявого Родиона Скуратова храповские ребята должны вот-вот взять под белые руки и отвезти на хуторок для приватной беседы с хозяином, было излишне. Как говорят люди бывалые, нашёл - молчи, украл - молчи, потерял - молчи.

- Спасибо, Алексей Васильевич. Теперь я твой должник.

- Ладно. Живы будем - сочтемся. А помрём - на том свете угольками отдашь, - засмеялся Лавровский.

- А кого из букмекеров убили? Я ведь многих изнихзнаю.

- Лифшица.

- Самуила Марковича?

- Его самого.

- Да быть того не может! Он со своим охранником не расстанется никогда.

- И охранника порешили. Обоих в овраге у Собачки нашли.

- Даже не верится... Иван Святогор силач из силачей был.

- Кто, говоришь?

- Иван Святогор. Неужели ты о нём не слышал? Он у вас в Москве в цирке Саламонского борцом служил. Потом у нас в Киеве в цирке братьев Никитиных.

Алексей скрипнул зубами. Он понял, рано сказал Винокуру, что их сотрудничество закончилось.

Ваню Святогора он знал давно. И тот как-то, как сейчас он сам Гирневу, улыбаясь сказаз:

- Ладно, Лёха. Живы будем - сочтёмся. А погрём - на том свете угольками отдашь.

Глава 19

Ваня Святогор

... Познакомились они в начале 70-х годов в Нижнем Новгороде, когда Лавровский был крючником - портовым грузчиком. Тяжёлая работа целый день таскать с судна на берег кули и мешки. Куль муки - девять пудов, куль соли - двенадцать...

По воскресеньям всей артелью отправлялись на Самокаты - Самокатную площадь, где во время ярмарки проводились народные гулянья.

- Скукотища, - проворчал старший артели Костя Кистень. - Петрушки эти обрыдли уже. И всякие качели-карусели тоже.

- Бабские забавы, - поддержал его Пашка Медведь. - Махнём лучше в трактир, братцы. Чайком побалуемся, да водочкой.

Но тут их внимание привлёк звонкий голос:

*А у нас борьба,
да не аглицкая,
не французская,
а наша русская!
Ежели вы ловки -
давай «на ломки»,
коли хват -
можно и «в обхват»!*

Пробившись через густую толпу, увидели зазывалу - щуплого седобородого старика. А возле него молодой, чуть постарше Лавровского, румяный здоровяк жонглировал двухпудовыми гирями.

*Прызы у нас богатые!
Это вам не лотерея,
где бычий хвост*

*и два филея,
да ещё китайский фарфор,
который выбросили во двор,
да мериканские часы
на двенадцати камнях
и на трёх кирпичках.*

Публика хохотала, а зазывала продолжал её
«разогревать»:

*Эй, удалые бойцы!
Добры молодцы!
Подходи не ленись!
На пятак-другой
не скупись!
Ваню, кто поборет
«всхватку»,
тот получит яйца
всмятку!*

Снова дружный хохот:

- Ишь, чего захотел!
- Яйца всмятку! А за это ему ещё и пятак дай!
- Почтенная публика! Вы не так нас поняли. Это
Самсон Иванович про призы, - добродушно
улыбнулся борец и указал на поднос со штофом
водки и закуской - хлебом, воблой, яйцами. -
Правда, яйца не всмятку, а вкрутую - в песке

печёные.

Кистень толкнул Лавровского в бок:

- Давай, молодой, покажи этому пентюху, что крючники посильнее будут.

Алексей с детства любил борьбу «всхватку», в которой борцы схватываются «крест на крест» - одна рука над, другая под плечом соперника и соединяются на спине. Из такого захвата надо умудриться бросить соперника на землю.

- С подножками будем? - спросил Алексей, подходя к Ване.

- Ты, как хочешь. А я без ног обойдусь.

- Фору даешь?

- Ага.

Схватились. Все попытки Лавровского хотя бы сдвинуть соперника с места оказались тщетны. Не получилось и подсечку сделать. А минуты через две он уже лежал на земле.

Один за другим выходили крючники против Вани. И одного за другим тот ловко бросал на лопатки. Только с Кистенём справиться не смог. А зазывала каждую победу своего подопечного сопровождал весёлыми, но не обидными прибаутками.

Стемнело. Зрители начали расходиться.

- Шабаш. Славно, мужики, вы нас распотешили,
- сказал Кистень и пригласил. - Айда с нами в трактир.

За чаем, Алексей разговорился с Иваном. Понял, что он сын священника, вроде бы даже благочинного. Отец отправил его в духовную семинарию, а он оттуда сбежал.

- А, что так? - поинтересовался Алексей.

- А сам-то, что? Думаешь, Лёха, не видно, что и ты не крестьянский сын?

Лавровский смутился.

- Вот то-то, друг мой... Окончить курс, принять сан, приход получить... Тоска зелёная! Я борцом хочу стать, в цирках выступать.

- А ярмарки тебя не устраивают?

- Нет, друг мой, мне цирк нужен и такой, чтобы тысячи зрителей.

- Да где ты такой найдёшь?

- Как это где?! В Париже. Знаешь, сколько публики может вместить атлетическая арена Эжена Паца?

- Нет.

- Три тысячи человек.

- Ни черта себе!

- Вот именно. А ты, друг мой, говоришь

ярмарка... Я ещё в детстве прочитал в каком-то парижском журнале о французской борьбе и сразу понял - это моё... Я уже и псевдоним себе придумал - Иван Святогор... Представляешь, Лёха, даже снится иногда, как выхожу на арену. Иван Святогор из России, перешёптываются зрители, впечатляет, конечно, но сейчас наш Молот Геркулеса этому варвару покажет. А я его на ковёр! Туше! Выпускают против меня Дикого Быка. Туше! Выходит Чудище Сахары. И опять туше!

- А что такое туше?

- Чистая победа в схватке, когда один из соперников укладывает другого на лопатки.

- Здорово! За такую мечту, Ваня, следует выпить.

- Я чайку. Не люблю водку, больно уж горькая. А вот от шампанского бы не отказался.

- А какое оно? Вкусное?

- Не знаю, не пробовал пока, - рассмеялся Иван.

- Ну и когда ты во Францию?

- Как только денег накоплю. Дорога туда дорогая, да и вид на жительство надёжный достать надо. А на ярмарке много не заработаешь.

Прислушивающийся к их разговору Кистень предложил:

- А ты, Ваня, давай к нам в артель. У нас заработки хорошие - редкий день, когда меньше красненькой выходит.

- А возьмёте?

- Как, мужики, решите? Примем его в артель? - спросил Кистень крючников.

Все одобрительно загалдели.

Полтора месяца проработал Иван в артели. Казалось, он устали не знает. Иногда, потехи ради, мог два куля сразу принести. А как-то посадил на куль пышнотелую торговку пирогами и легко пробежал саженой пятьдесят.

В свободное время знакомил он Алексея с азами французской борьбы:

- Силой тебя, Лёха, природа не обидела. Ловкости только не хватает. Но это, друг мой, дело поправимое. Научу тебя несколькими приёмами. Захватываю правой рукой, твою левую выше локтя. Делаю полуоборот направо. Охватываю сверху левой рукой, твою левую так, чтобы она оказалась под мышкой. Теперь опускаюсь на колени и, поворотом корпуса направо, кладу тебя на лопатки... Это «Бра-Руле» называется или «вертушка». Понял?

- Не очень, - отвечал Алексей, поднимаясь с

земли.

- Тогда повторим. Правой рукой захватываю, твою левую...

Однажды Алексея одарила своей благосклонностью разбитная кухарка смотрителя пристани. Её прежний кавалер, буфетчик из портерной, решил разделаться с удачливым соперником. Поздним вечером, вместе с тремя дружками, подкараулил он Лавровского. Одного Алексей, что есть силы, саданул кулаком в челюсть. Второго, захватив руки через плечо, перебросил через голову. А вот третий, подкравшись со спины, накинул ему на шею удавку. Счастье, что подоспел на помощь, припозднившийся в городе, Иван.

- Теперь я твой должник, - с трудом переводя дыхание, сказал Алексей, когда всё было кончено.

- Ладно, Лёха, живы будем - сочтёмся. А погрём - на том свете угольками отдашь, - засмеялся Иван. - А «Гур-де-Бра» у тебя хорошо получился.

- Научи ещё нескольким приёмчикам.

- Не успею, друг мой. Ухожу я завтра. Подрядился сопровождать богатого ювелира до Одессы. Он обещал мне паспорт надёжный раздобыть и матросом на пароход до Стамбула устроить. А из Турции до Парижа, как-нибудь

доберусь.

- Дай бог, ещё встретимся.

Снова судьба свела их через десять лет, в Москве.

Редактор «Московского листка» Пастухов, раздавая репортёрам задания, сказал Алексею:

- А ты, голубь сизокрылый, слетай вечером в цирк.

- Отчехвостить Саламонского из-за того, что в буфете осетрина не первой свежести?

- Нет, это в другой раз. Вчера по всему городу афиши расклеили, что сегодня вечером москвичей сюрприз ждёт - настоящий русский богатырь. Удивительно даже! Альберт Вильгельмович любит нас заезжими французами и итальянцами потчевать. У него даже русские иностранцами становятся: дрессировщик Шевченко - Манжелли, эквилибрист Даниленко - Розетти... И вдруг русский! Надо этот почин поддержать. Ты уж постарайся, распиши всё покрасивее.

- Сто строк дадите?

- Хватит и полсотни...

Третье отделение представления в цирке на Цветном бульваре началось с того, что важный, в

золотых позументах, шпрыхшталмейстер торжественно объявил:

- А сейчас, уважаемая публика, проездом из Парижа в Санкт-Петербург, знаменитый русский силач, непревзойдённый мастер французской борьбы, победитель Большого Лионского приза, трёхкратный обладатель кубка Ниццы, чемпион мира, непобедимый Иван Святогор! Маэстро, тушь!

Алексей востепенулся. Неужели Иван? На арену вышел богатырь в красной атласной рубахе, шароварах и сафьяновых сапогах. Лавровский сразу узнал в нём друга своей бурной юности.

Святогор играючи жонглировал двухпудовыми гириями и шаровыми штангами, разгибал подковы, рвал цепи. Потом неторопливо прошёлся по арене с лошадию на плечах. Публика бешено аплодировала.

- А сейчас, уважаемая публика, мы потешим вас старинной русской забавой - борьбой с медведем, - объявил шпрыхшталмейстер и сделал паузу.

На арену выскочил клоун и завопил:

- Беда! Беда! Наш Михайла Потапович, как узнал, с кем бороться предстоит, так сбёг. А у остальных медвежья болезнь началась.

Зрители покатывались от хохота.

- Увы, господа, увы, - развёл руками шпрыхсталмейстер. - Но уверен, вы-то медвежьей болезнью не страдаете. Иван Святогор вызывает на поединок любого из вас. Французская борьба известна у нас мало, поэтому начинаем наш турнир по русской борьбе. Победителей ждут ценные призы. Кто поборет Ивана «всхватку» тот получит...

- Яйца всмятку! - крикнул Алексей, приветственно размахивая руками. - Ваня! Здравствуй!

Хохотали и галёрка, и партер, и ложи. Московский генерал-губернатор князь Долгоруков, вытирая белоснежным платком выступившие от смеха слёзы, похвалил Саламонского:

- Ох, и ловко ты с этим подсадным придумал, Альберт Вильгельмович! Повеселил народ.

После представления Лавровский пробрался за кулисы.

- Лёха! - крепко обнял его Иван. - Как же я рад тебя видеть!

- А я-то!

- Пошли в буфет. Такое событие обмыть надо.

- Шампанским? - улыбнулся Алексей.

- Да ну его! Кислятина. И коньяк ихний тоже дрянь. Наша водка лучше.

До утра проговорили. Сперва в буфете цирка, потом в ресторане «Эрмитажа» Лентовского.

- Ну, добрался ты до Парижа? Попал на арену Эжена Паца?

- Добрался. А вот у Паца мне выступать не пришлось. Во-первых, он, как и все поляки, нас русских ненавидит и меня на свою арену никогда бы не выпустил. А во-вторых, буквально накануне моего приезда, префект парижской полиции запретил соревнования по французской борьбе.

- Почему?

- Один боец неудачно применил «Колье-де-форс» и задушил другого.

- Что за приём такой?

- Показать? - улыбнулся Иван.

- А то!

- Захватываешь шею соперника рукой и отгибашь в сторону... Понял?

- Не очень.

- Тогда повторим...

- Вот теперь понял, - сказал Алексей, потирая шею.

- Только с этим приёмом, друг мой, ты поосторожней. Не ровён час, угровишь, кого-нибудь.

- Борьбу во Франции не только парижане любят, - продолжал Иван. - Соревнования постоянно проводятся в Лионе, Бордо, Тулузе... Там я и выступал.

- Судя по титулам всех на лопатки клал?

- Многих. А титулы, друг мой, это мишура, которая много не стоит.

- Как так?

- Соберёт любой антрепренёр десяток борцов и турнир проводит. А название он ему даёт такое, чтобы публику привлечь - Большой Лионский приз, кубок Средиземного моря, первенство Европы, чемпионат мира... Да и вообще, дурят в Европе публику. Есть такое понятие, как «борьба в шике».

- А это, что такое?

- Показная борьба - красивая, с показом эффектных приёмов. Зрители в восторге, пари заключают. А того не знают, что кому победить директора турниров давно уже решили.

- И ты в этом мухлеже участвовал?

- Не без этого, друг мой. А потом, надоело всё хуже горькой редьки, и махнул я домой, в Россию...

Больше встретиться им не довелось. От знакомых Алексей слышал, что Иван разругался с

Саламонским из-за того, что тот платит русским артистам значительно меньше чем иностранным. Потом читал в газетах, что служит Святогор в цирке братьев Никитиных, постоянно колесящим по всей стране...

Вот и всё, с грустью подумал Алексей, нет больше Вани. Осталось только это «друг мой», которое сам не заметил как, стало любимым присловьем... Нет! Не всё! Надо ещё долг вернуть. И не на том свете, а на этом. Найду я этих тварей, обязательно найду...

Глава 20

Хват

- Хват, - вернул его к действительности голос репортёра Житомирского.

- О ком ты? - не понял Алексей.

- Скачку выигрывает второй номер Хват. Смело можете ставить на него. Букмекеры принимают один к одиннадцати.

- Тёмная лошадка? Уверен?

- Не сомневайтесь. Мне Рока-Фукс, который на нём скачет, сам сказал.

- Рока-Фукс? Наслышан я об этом прохиндее.

Отставной кавалерийский полковник Рока-Фукс был известен в конном мире как удачливый

барышник. Не случилось ещё, чтобы какая-нибудь купля-продажа не приносила ему хорошего «навара». Секрет успеха объяснялся не только знанием лошадей и чутьём, но и проделками на грани закона и беззакония. О них даже в Москве судачили.

... Херсонский коннозаводчик Николай Аркас положил глаз на борисовского Тумана. Родословная и успешная беговая карьера подсказывали, что из него получится хороший производитель. Хотел было купить его, но Никанор Борисовский отказал:

- Не уступлю, Николай Николаевич. Не продажный жеребец. В наш собственный завод производителем пойдёт.

А года через три Борисовский неожиданно продал Тумана Коробьину. От него тот перешёл ещё к кому-то и в конце концов оказался на конюшне Рока-Фукса.

Случайно встретив Рока-Фукса на улице, Аркас не стал тянуть кота за хвост:

- Полковник, меня интересует Туман.

- Не удивительно. Это во всех отношениях замечательная лошадь.

- Уступите его мне.

- Могу и уступить. Три с половиной тысячи

рублей. И сразу скажу, торг здесь неуместен.

Отставной флотский офицер Аркас, получивший от отца-адмирала богатое наследство, торговаться не любил:

- Хорошо. Но вначале я хочу осмотреть лошадь.

- Само собой. Кто же такие покупки, не глядя делает? Приходите завтра утром ко мне на конюшню.

Когда Аркас приехал покупать жеребца, полковник сказался больным и покупателя встретила его жена. Аркас осмотрел Тумана. Но в присутствии дамы, постеснялся проверить, годится ли тот в производители. И напрасно - у жеребца было только одно яйцо. Ударили по рукам.

Выяснив, что Туман бесплоден, возмущённый покупатель примчался к продавцу. Тот сделал изумлённое лицо:

- Помилуйте, кто же не знает, что знаменитый Туман бесплоден?! Я был уверен, что вы покупаете его для езды. Жена мне сказала, что вы ничего не спрашивали о нём, как о производителе.

Обращаться в суд Аркас не стал. Гордость не позволяла ему оказаться всеобщим посмешищем...

- Я бы этому Фуксу на слово верить поостерёгся.

- Ему палец в рот не клади, - согласился Житомирский и перешёл на шёпот. - Только сейчас совсем другой случай, Алексей Васильевич. Он попросил меня двести рублей на Хвата зарядить. Сами понимаете, такими деньгами не разбрасываются.

- Вот оно, что... Сева, а откуда ты знаешь, как меня зовут? Я тебе не представлялся.

- Видел, как вы с Сергеем Григорьевичем общались. Потом, когда на Собачку отправились, он похвастался, что преуспевающий московский журналист Алексей Васильевич Лавровский заказал ему большую статью.

- Так ты был с Яроном на месте происшествия?

- Был. Какой репортёр такое событие пропустит? «Волынь» наша «Киевлянину» не конкурент. Вот Сергей Григорьевич меня и прихватил.

- Он на бега вернулся или в редакцию помчался?

- В типографию. Хочет дать заметку в вечернем номере.

- Как убили Лифшица и ..., - голос Алексея дрогнул, - ... и Святогора?

- Букмекера удавкой задушили. А охранника его из револьвера. Три раза стреляли.

- Ещё, что-нибудь разведаль?

Житомирский замялся:

- Да... Только Гуковский из сыскной части предупредил, что писать об этом пока нельзя. А с Пал Палычем связываться чревато.

- Мне не для газеты нужно... Дружили мы с Ваней Святогором... Понимаешь?

- Убили их, похоже, свои. Стояли они долго, курили. Пал Палыч сигарный окурок нашёл - «Ромео и Джульетта», сорт модный, только больно уж дорогой. Гуковский сказал, по следам судя, убийц трое было. Один в сапогах, а двое в модных ботинках с длинными тупыми квадратными носками... Алексей Васильевич, вы уж меня не подведите.

- Не волнуйся. Я много чего знаю, да молчать умею... Сева, сделай одолжение - поставь за меня на Хвата, сказал Лавровский, доставая бумажник. - Выручи, меня дама в президентской ложе, поди, совсем уже заждалась, а мне ещё с одним знакомым потолковать надо.

- Рад буду вам услужить.

- Спасибо, друг мой. Кстати, не знаешь, у присяжного поверенного Храпова жога на бегах есть?

- Имеется. Только Сашко Москаль в ней сидеть не любит. Предпочитает прогуливаться напротив выигрышного столба.

Не смотря на свой маленький рост, Храпов издали бросался в глаза. Очень уж импозантно он выглядел: превосходно пошитая визитка тёмно-серого цвета, брюки в полоску, высокий цилиндр, в одной руке трость чёрного дерева с массивным золотым набалдашником в виде волчьей головы, в другой - сигара.

- Винокур уже сообщил вам, что Лифшиц убит?
- спросил Лавровский.

- Да. Не перестаю вами удивляться. Второй день в Киеве, а все новости узнаёте одним из первых.

- И, что примечательно, по большей части неприятные.

- Да уж... Полагаю, начальник сыскной части Гуковский уже задался вопросом: «Cui prodest? Cui bono?»

- Что? - не понял Алексей.

- Чувствуется, в гимназии вы латынью пренебрегали.

- Был такой грех, - даже не обиделся Лавровский. - На уроках латыни читал Дюма и

Купера.

- Кому выгодно? Кому впрок? Это сказал знаменитый римский юрист Луций Кассий, а Марк Туллий Цицерон... Впрочем, не будем лезть в дебри юриспруденции - не до того сейчас. У полиции имеются веские основания подозревать меня.

- Разумеется. Погибший был вашим соперником в игорном деле.

- И не только. Наши интересы много в чём сталкивались. Но Самуил Маркович был человеком мудрым и мы всегда находили общий язык.

- Что делать собираетесь?

- В расторопность и беспристрастность киевской полиции я не верю. Судебный следователь, который ведёт дело, человек порядочный, но, увы, опыта у него маловато. Одно остаётся - найти злодеев собственными силами. Благодаря добытым вами сведениям, более-менее понятно в каком направлении розыск вести надо.

- Так вы согласны со мной, что попытка заставить Гирнева попридержать Щеголиху и убийство букмекера взаимосвязаны?

- Предложенная вами версия довольно убедительна... Сожалею, Алексей Васильевич, что на этом вы сочли свою миссию завершённой. Очень

сожалею.

- А я передумал.

- Замечательно! Озвучьте сумму вашего гонорара.

- Да причём здесь деньги! У меня в этом деле свой интерес имеется.

- Вот как? Не секрет, какой?

- Мы с Ваней Святогором много лет дружили.

- Примите мои соболезнования. Достойный человек был.

- Я ему жизнью обязан, - тяжело вздохнул Алексей и, отгоняя грустные мысли, перешёл на подчёркнуто деловой тон. - Вы с обстоятельствами убийства уже знакомы?

- Нет. Но судебный следователь обещал мне прислать вечером протокол осмотра места происшествия.

- А я уже кое-что разведал. Убийц трое было...

Лавровский подробно пересказал всё, что узнал от Севы.

- Интересно, - раскуривая погасшую сигару, сказал Храпов. - Весьма интересно... Получается, убийц надо искать среди знакомых Самуила Марковича.

- Или Святогора.

- Нет, Алексей Васильевич. Телохранитель, сопровождающий хозяина, остановился побалакать со своими приятелями? Такого не бывает... У меня найдётся, кому заняться кругом знакомств Лифшица... Так... У киевских деловых в моде ножи, гирьки и кастеты. Удавками и револьверами они редко балуются. Поинтересуемся залетными ребятами... Окурок сигары хорошую службу нам может сослужить...

- И не просто сигары, - сказал Алексей. - А конкретного сорта - «Ромео и Джульетта».

- Верно... Чёрт побери! Я ведь тоже исключительно этот сорт курю.

- Выяснят это сыщики и сделают вывод - к убийству вы причастны.

- Неприятная перспектива... Алексей Васильевич, говорят, у вас с Гуковским неплохие отношения установились? Вы, мол, услугу серьёзную ему оказали.

- Было дело.

- Может быть, возьмётесь довести до него, что я приличное вознаграждение назначил за раскрытие убийства. Допустим, три тысячи.

- А не откажитесь потом от своих слов?

- Из-за трёх косарей?

- Признаю, глупость ляпнул. От солидных московских фартовых не раз слышал, что Саша Маленький своё слово всегда держал. Думаю, Сашко Москаль ему в этом не уступает... А, что с Родионом Скуратовым делать будем?

- С ним я сам разберусь. А вы займитесь Омелютой.

- Договорились.

- В случае чего приходите ко мне домой в любое время.

- Дом на углу Большой Васильковской и Жилианской?

- Приятно иметь дело с человеком, который всё знает.

- К сожалению, не всё, - вздохнул Лавровский.

Разговаривая, они совсем не следили за тем, что происходит на круге. Обратили внимание только после того, как трибуны взорвались свистом и возмущёнными криками:

- Жульё!

Скачку вёл крупный вороной жеребец. Казалось, остальные лошади стоят на месте.

- Кто это? - спросил Лавровский. - Номер не вижу.

- Камзол зелёный, картуз красный - цвета

полковника Рока-Фукса. Значит, второй номер Хват, - не заглядывая в программу, ответил Храпов.

Публика продолжала орать:

- Воры! Сговорились!

И только кто-то один крикнул:

- Давай, Хват! Гони!

Хват пришёл первым, опередив соперников корпусов на пятнадцать.

Манерная, на которую поставил по совету Алексея, «привезла» Малинину четвертную. Пильщик пополнил его наличность ещё на пятёрку. Приятно, конечно. Однако, для проживания в «Гранд-Отеле» маловато. А с Щеголихой ничего не получилось. Обращался к трём букмекерам и все они отказались принять ставку. Четвёртый согласился, но предложил такие условия, что Сергей возмутился:

- Совсем сдурел? Красненькой рисковать, чтобы гривенник выиграть? С утра Щеголиха один к семи шла.

- Таки то с утра было.

В это время на дорожку выехали участники скачки. Сергею приглянулся крупный вороной жеребец. Понравилась и посадка ездока - сухонького

коротышки в зеленом камзоле и красном картузе. В программу смотреть не стал. Зачем, если в чистокровных и полукровных лошадях всё равно не разбираешься?

- Второй номер у тебя, как идёт?

- Хват? Таки один к одиннадцати.

- Замечательно. Держи, - Малинин протянул ему две двадцатипятирублёвки...

Хват пришёл первым. Букмекер горестно вздыхал, отсчитывая Сергею пятьсот пятьдесят рублей:

- Ох, совсем вы бедного еврея разорили... Ещё один такой счастливец и придётся мне с сумой по миру идти...

А теперь и перекусить можно, подумал Малинин, ведь и у полицмейстера, и в «Париже» только чай пил.

Буфет приятно удивил его. На московских бегах за рюмкой водки и парой остывших пирожков иной раз четверть часа простоишь. А здесь и выбор богатый, и очереди нет, и все столики, за исключением одного, свободны.

- Чем попотчевать, сударь? - спросил буфетчик.

- Какую водку, любезный, посоветуешь?

- Старку. Очень уж она хороша-с. Сам господин

Чеховский одобрил-с. А он, даже среди поляков, по этой части знатоком сльвёт.

- Наливай.

- А на закуску порекомендую-с свежую зернистую икру с зелёным лучком-с и горячую ветчину с хренком-с.

После трёх больших рюмок водки и обильной закуски Сергей расслабился. Совсем не хотелось вставать и отправляться в сыскную полицию, чтобы решать, как изловить этого, будь он трижды неладен, Каина. Уютно здесь - чисто, пахнет вкусно... От благодного состояния не осталось и следа, как только услышал разговор за соседним столиком.

- Аж в Америку судьба занесла! Помотались вы, Андрей Алексеевич, по свету.

- Помотался, Гриша. В Австрии был, во Франции, в Северо-Американских Соединённых Штатах.

- Долго домой-то добирались?

- Сам посуди: из Нью-Йорка пароходом до Бреста, потом поездом в Марсель, а там снова на пароход и через Неаполь и Стамбул в Одессу.

- Длинная дорога. А теперь, значить, у нас в Киеве поселиться решили?

- Нет, Гриша. В Киев я только на несколько дней. Разберусь с кое-какими делами и в Питер. Там хочу обосноваться.

Похоже, он мне и нужен, подумал Малинин, из Америки, и по делам. Выходя из буфета, окинул быстрым изучающим взглядом говоривших. Обоим лет под пятьдесят. Оба небольшого роста. Один с пышными висячими усами. Второй с длинной седой бородой, всклокоченными волосами. Привлекали внимание его глаза, беспокойно перебегающие с одного предмета на другой. Усатый - в вышиванке под запахнутым казакином. Его собеседник - в изрядно потёртой клетчатой пиджачной паре. На столе возле него лежало кепи.

Напротив буфета неторопливо прогуливался городской. К нему Сергей и направился.

- Коллежский ассессор Малинин, сыскная полиция. Вот мои документы. Мне ваша помощь нужна.

- Задерживать кого станем, ваше высокоблагородие?

- Нет. Сейчас из буфета выйдет человек в клетчатой пиджачной паре. Надо выяснить, кто такой и где проживает. Только так, чтобы он ничего не заподозрил.

- Не заподозрит, ваше высокоблагородие. Сегодня у бегов нигилиста с револьвером задержали. Их высокоблагородие полицмейстер приказал у всех незнакомых вид на жительство проверять, а подозрительных - доставлять в участок.

- Желательно без участка обойтись.

- Будет исполнено...

Вскоре городской доложил:

- Дворянин Красовский Андрей Алексеевич. В Киев приехал из Одессы. Остановился в гостинице «Древняя Русь», что на углу Владимирской и Софийской, возле собора Святой Софии. А второй, местный житель - Григорий Сиромаха. Он раньше беговым наездником был, а сейчас букмекер.

Глава 21

«Приз для извозчиков»

Алексей сразу увидел, что Анна раздражена: нижняя губа слегка прикушена, глаза недобро посверкивают.

- Каюсь, плохой из меня кавалер. Пригласил даму, потом отлучился на пять минут, а сам на час запропастился. Не сердитесь, Аня. Непредвиденные обстоятельства.

- А я на вас и не сержусь. Просто, пока вас не было, я с Эпштейном встретилась.

- Похоже, банкир вас не порадовал.

- Не то слово! Боюсь и через неделю денег мне не видать... Поступление средств задерживается, видите ли, по независящим от него обстоятельствам... Пользуется, мерзавец, что я в Киеве никого не знаю. В Нью-Йорке я бы быстро нашла на него управу. Сразу бы всю сумму принёс. Да ещё с процентами.

- В суд обратились бы?

- Ещё чего! Судебная канитель, Лёша, в Америке, как и в России, годами длится... Просто напомнила бы ему, что бог создал людей сильными и слабыми, а Самюэль Кольт сделал их равными. А вечером пришли бы к нему «Мёртвые кролики» или ребята из «Хиоса» с «кольтами» и объяснили, как себя с порядочными клиентами вести следует.

Лавровский понял, что она говорит об известных нью-йоркских бандах. Слышал о них от своего друга Виктора Грина, который родился и провёл юность в Америке.

- Дорого берут? - поинтересовался он по неизгладимой репортерской привычке.

- Мамаше они большую скидку представляют, - начала было Анна и замялась.

- Вы о матери мужа?

- О ней.

- Любопытно с чего старая графиня Рио-Бранко у нью-йоркских бандитов в таком почёте? Рассказывали мне, у «Хиоса» специальный прейскурант имеется - сколько стоит подбитый глаз, сколько сломанный нос...

- Да я тоже об этом слышала... А вот в Киеве я таких людей не знаю.

- Есть у меня на примете один человек, Аня.

- Думаете, он возьмётся?

- Мне отказать, не должен.

- Хорошо. Поговорим об этом вечером. А сейчас расскажите лучше, кто вас так разозлил? Когда вы говорили о непредвиденных обстоятельствах, голос совсем другими стал.

- А каким?

- Жёстким, злым... Думаю, не позавидуешь человеку, который стал причиной этого.

- Не позавидуешь.

- Не знаю... Смотрите, Гирнев!

На беговом круге появились участники «Приза для извозчиков». Щеглиха смотрелась, пожалуй, попроще других. Не было в ней ни капитальности и густоты Нарядного, ни сухости и элегантности Ермака.

Теперь понятно, почему у играющих она не в фаворе, подумал Алексей. Но бега, судари мои, это не только лошади, но ещё и ездоки. А настоящий наездник здесь, судя по всему, только один - Семён. Вот зачем сейчас, вон тот толстяк в малиновом казакине, публике приветственно машет? Перед стартом не красоваться перед знакомыми надо, а подготовить, как лошадь, так и себя самого.

- Аня, обратите внимание, подъезжая к старту, Семён заранее взял вожжи равномерно.

- А зачем?

- Иначе придётся их уравнивать после приёма... А теперь сделал лёгкий перехват вожжами, чтобы положить на место удила, которые могли стянуться в сторону...

Удар колокола известил о начале бега. Щеголиха сразу вырвалась вперёд.

- Как красиво бежит! - восхитилась Анна.

Бежала кобыла, действительно, красиво и нарядно: высоко поднимая передние ноги и, описав ими крутую дугу, ставила их сильно, ударяя копытами о землю.

- Бег далеко не безупречный. Однако впечатляющий, - тоном знатока заметил Ланчия. А взглянув на секундомер, добавил. - И очень резвый -

первая без пятидесяти.

- Первую версту лошади прошли за две минуты десять секунд, - пояснил Лавровский графине. - Зря Гирнев так резво принял. Боюсь, такого пейса, Щеголиха не выдержит... Ну вот, так и есть - вторая без тридцати пяти... А кто, там в хвосте у Семёна сидит? Ермак?

- Коровка. А Ермак ещё в начале второй версты с круга съехал - проскачка... Нет, третью версту им в две десять не сделать, - прокомментировал Ланчия и напомнил генералу Косичу предмет их спора. - Можно не сомневаться, что будут тише, чем в шесть сорок пять. Так, что готовьте катеньку, ваше превосходительство.

- Рано радуетесь, Генрих Евгеньевич, - проворчал Косич. - Недооцениваете вы наших орловских рысаков и русских извозчиков. Сила у кобылы имеется, просто Гирнев её на последний бросок приберёт... Смотрите, что вытворяет!

Просвет между Щеголихой и Коровкой стал стремительно увеличиваться. У выигрышного столба он составлял уже не менее пятнадцати запряжек.

- Какая резвость бега? - спросил Косич.

- Шесть минут тридцать восемь с половиной

секунд, - ответил Ланчия, доставая сторублёвку. - Извольте получить, ваше превосходительство.

На перебежку были допущены только Щеголиха и Коровка. Остальные лошади остались за флагом. Перебежку легко выиграла Щеголиха, пришедшая в ту же резвость, что и на бегу.

Когда Гирнев, совершая круг почёта, проезжал мимо трибун, Алексей, впервые за время их знакомства, увидел на его лице улыбку.

Глава 22

Покупатели из Нью-Йорка

- Хороша колбаска была, - заведующий сыскной частью Гуковский с сожалением посмотрел на опустевшую тарелку. - Ну и денёк сегодня выдался! Перекусить некогда было. Не ожидал, что убийство какого-то еврея столько хлопот доставит: полицмейстеру о ходе розыска доложи, старшему советнику губернского правления доложи... Даже из штаба военного округа интересовались.

- С нашим начальством понятно, - сказал заведующий наружной полицией Бучинский. - Покойный Лифшиц много кого подкармливал. Но причём здесь военные?

- Подозреваю, Фортунатыч, что Самуил Маркович оказывал услуги разведочному отделению

штаба округа. Этим и его частые поездки в Галицию объяснить можно... Но, Сергею Сергеевичу, думаю, всё это неинтересно. Давайте лучше о деле, ради которого он из Москвы приехал. Признаюсь, мне пока похвастаться нечем. По сообщениям агентов освещающих мельницы, человека похожего на Каина, они не видели.

- У вас во всех игорных притонах свои люди? – спросил Калинин.

- Да, - кивнул Гуковский.

- На мельнице Макара надёжный человек?

- Не очень, - поморщился главный киевский сыщик. – К запоям склонен. А почему вас заинтересовала именно эта мельница?

- Возле неё, два раза, видели Каланчу и Рябчика. Это те самые огольцы, которых Каин прихватил с собой из Москвы.

- К Макару нагрянуть мы не можем. Имеется на то веская причина, - вздохнул Бучинский. – Езус Мария! Как же надоело работать с вечной оглядкой на сильных мира сего!

- Подожди, Фортунатыч, - остановил его Гуковский. – Сергей Сергеевич, вы рискнёте взять на себя всю ответственность за облаву на Куренёвке? Только сразу предупреждаю у Макара

очень влиятельный покровитель.

- Да знаю я об отношениях Ириней Фёдоровича Макаренко с вашим генерал-губернатором. И ответственности бояться, не приучен. Только какой смысл? Возьмём мы Каина. Но диадему-то он с собой не таскает.

- Допросим, как следует, и приведёт он нас туда, где цацку прячет!

- Допросить можно только в случае задержания. А у меня нет полной уверенности, что возьмём его живым. Каину терять нечего – тюрьма для него страшнее смерти. Кроме того, совсем не исключено, что именно в этот вечер его на мельнице не окажется. Вдруг денег на игру нет?

- Резонно, - согласился Бучинский. – Но, что вы можете предложить?

- Познакомиться с Каином. Потом войти к нему в доверие.

- Идеальный вариант, - насмешливо заметил Гуковский. – Только где и каким образом?

- У Макара, - ответил Малинин. – Обстановка игорного дома к случайным знакомствам располагает. С доверием, конечно, сложнее... Но, что-нибудь придумаю.

Киевские полицейские переглянулись.

- Сергей Сергеевич, не знаю, как в столицах, а у нас на приличные мельницы людей с улицы не пускают. Необходима рекомендация, пропуск знать надо, - терпеливо начал объяснять Гуковский. – Всем этим мы обеспечить вас не можем.

- А я разве прошу? Меня Василь пригласил и пропуск назвал.

- Однако, - не смог скрыть одобрения Бучинский. – Не дурно для первого дня в городе... Паша, может стоит попробовать?

- Господа, это авантюра чистой воды! – возмутился Гуковский. – В прошлом году я потерял на этой чёртовой мельнице двух сотрудников. Догадаются, что из полиции – живым не выбраться.

- Шансы на провал всегда имеются. Но в этом случае они мизерны, - возразил Малинин. – В Киеве я человек новый, здесь меня мало кто знает.

- Заблуждаетесь, - покачал головой Гуковский. – Утром вы были у полицмейстера, после чего тот сразу развил бурную деятельность. Сотрудники управления начали перешёптываться о приезде важного сыщика из столицы... Днём на бегах, на виду сотен людей, вы беседовали с начальником ГЖУ... Вечером пришли в сыскную часть. А это ещё с десяток глаз и ушей. Не могу поручиться, что

кто-нибудь из них, не связан с уголовным миром.

- Паша прав, - согласился Бучинский. – К продавцу диадемы мы пока подходов не имеем. Следовательно, надо сосредоточиться на покупателях. По сведениям, полученным от участковых приставов, на сегодня в Киеве находятся четверо приезжих из Нового Света. Двое из Южной Америки – бразильский граф Рио-Бранко с женой. Двое из Северной – нью-йоркский предприниматель Чарльз Тиффани и его секретарь Джеймс Фримэн.

- Тиффани?! – воскликнул Малинин. – Но ведь это известный американский ювелир!

- Значит, покупателей мы с вами нашли, - довольно улыбнулся Гуковский. – Просто замечательно, что он остановился в «Гранд-Отеле». Наладить наружное наблюдение за ним особого труда не составит. Сергей Сергеевич, а вам об этом Тиффани известно ещё, что-нибудь? Насколько богат? Имеет ли связи в России? Замечен в скупке краденного?

- К сожалению, ничего. Перед отъездом заглянул я к одному давнему знакомому – владельцу фабрики золотых и серебрянных вещей Отто Крумбюгелю. Но он ничем не порадовал. С Америкой, мол, отродясь, каких-либо дел не вёл и о

тамошних ювелирах ничего достоверного не знает. Подсказал, правда, к кому по этому вопросу обратиться можно, - Малинин полистал записную книжку. – Вот нашёл – Маршак Иосиф Абрамович. Адрес его Отто запомнил. Но его, говорит, в Киеве и без адреса найти легко.

- В этом ваш немец полностью прав, - согласился Бучинский. – Маршака в городе любой знает. Это первейший киевский ювелир. Давайте, навестим его завтра. Надеюсь, просветит он нас, что за человек Тиффани и чего от него ожидать следует.

- А стоит ли? – усомнился Малинин. – Мы понятия не имеем, кто выступает в роли посредников между Каином и покупателями. Вдруг один из них Маршак?

- Исключено, - уверенно заявил Бучинский. – В порядочности Иосифа не сомневаюсь. Несколько раз имел возможность убедиться в этом.

- Фортуна тыч прав, - сказал Гуковский. – Но сосредоточившись на ювелире, не следует забывать и о бразильском графе с супругой. Сергей Сергеевич, присмотритесь к ним. Вы ведь в одной гостинице остановились.

- Договорились.

- Вот и замечательно, - сладко потянулся

Гуковский. – Вроде все вопросы обсудили, ничто не забыли. Пора и по домам. Поужинаю, как следует, и на боковую.

- Ужинать перед сном? – Езус Мария! Ещё древние греки говорили: «Завтрак съешь сам, обедом поделись с другом, ужин отдай врагу».

Гуковсуий рассмеялся:

- Фортунатыч, ты не прав! Во-первых, это не греки говорили, а Александр Васильевич Суворов. Во-вторых, крученики с грибами и вареники с вишней, которые мне жена на ужин обещала, я не только врагу не отдам, но и другу. А кроме того, судя по выражению лица нашего столичного коллеги, вопросы ещё остались. Так, Сергей Сергеевич?

- Да. Вы совсем забыли о Каланче и Рябчике.

- Не забыли, - как от зубной боли, поморщился Гуковский. – Просто до них пока руки не дошли. Сегодня почти всех наших пришлось бросить на убийство.

- Хорошо. Огольцами займутся мои ребята. А вот пятого претендента на роль покупателя вам придётся взять на себя.

- Какого пятого? – не понял Бучинский. – Их четверо.

- Имеется и пятый, Дионисий Фортунатович. Это Красовский Андрей Алексеевич. Остановился в гостинице «Древняя Русь». По документам он значится, как приехавший из Одессы. А вот до этого жил в Северо-Американских Соединённых Штатах.

Глава 23

Неправильный «Бульба»

Удачный день выдался, подумал Лавровский после последнего заезда, без малого две тысячи взял. Теперь на расходы совсем скупиться не надо. Где бы купить Ане хороший букет? Нет, не букет, а корзину цветов. Таких же роскошных чайных роз, как те, что стояли на столе в «Гранд-Отеле».

Беговой день закончился. Публика стала разъезжаться. Но не вся - действительных членов Киевского общества охотников конского бега и почётных гостей ожидал обед под открытым небом. Умеют киевские рысачники красиво жить, оценил Алексей: блюда не хуже, чем в «Эрмитаже» или у Тестова, вина, каких у Депре и Лева не найдёшь. Да ещё цыган, малороссийский хор и певцов из оперетки пригласили.

*Ой, я дивчина полтавка,
А зовут мене Наталка.
Дивка проста, не красива,*

*З добрим сердцем, не спесива!
Коло мене хлопци вьются,
И за мене часто бьются!*

- Понравилось? - улыбнулась, сидящая напротив Алексея, жена товарища прокурора судебной палаты.

- Очень!

- Это из оперы Коли Лысенко «Наталка Полтавка».

- Ноги сами в пляс так и просятся.

- К сожалению, исполнение оставляет желать лучшего. Но, что взять с певички из «Шато-де-Флёр»? Ни голоса, ни артистизма. Ладно, хорошо хоть канкан отплясывать не стала. А вот в среду попросим мы Машу Заньковецкую спеть. У неё божественное меццо-сопрано... Алексей Васильевич, вы не забыли, что в среду мы ждём вас и вашу очаровательную спутницу в гости?

- Не забыл, Наталия Дмитриевна.

- Наши «малороссийские среды», без ложной скромности скажу, никого равнодушными не оставляют. Между прочим, и рысачники бывают - Паншины, Черепов, Корчак-Новицкий.

- Извини, Наташа, но последнему я вчера решительно отказал от дома, - смущённо пробасил

товарищ прокурора.

- Господи! То-то я смотрю, он со мной даже не поздоровался... Георгий Трофимович такой милый человек! Вечно ты, Анатолий, норовишь кого-нибудь незаслуженно обидеть.

- А ничего, что из-за этого милого человека мне пришлось краснеть, как мальчишке?

- Ты сгущаешь краски, Анатолий!

- Увы, правду говорю. Заглянул этот прохвост ко мне на неделе.

... Положив на стол пухлую рукопись, Корчак-Новицкий взмолился:

- Анатолий Фёдорович! Отец родной! На тебя вся надежда.

- Да, что случилось-то, Георгий Трофимович?

- Понимаешь, хотел я отметить, в силу своих возможностей, такое знаменательное событие, как сорокапятилетие издания первого собрания сочинений Николая Васильевича Гоголя. Решил в своей типографии напечатать «Тараса Бульбу» в переводе на украинский язык.

- На малороссийское наречие, - поправил товарищ прокурора.

- Можно и так сказать.

- Ну и издавай, коли охота есть. Насколько я

помню, так называемый Эмский указ Его Императорского Величества от 18 мая 1876 года позволяет к печатанию на малороссийском наречии произведения изящной словесности.

- Всё так! Только разрешение цензуры требуется. А у нас в Киеве, как сам знаешь, всего один цензор. Рукописи у него месяцами залёживаются. Похлопочи, чтобы поскорее.

- Ладно, попрошу цензора прочитать побыстрее.

- Да чего там читать-то? Ведь это будет уже третье издание перевода «Бульбы» Михайлой Лободовским...

Громов налил себе рюмку холодной смирновской, неторопливо вытянул её и, жмурясь от удовольствия, стал выбирать, чем закусить:

- Пожалуй, селёдкой. Недаром же рифмуется - «водка - селёдка».

- Анатолий, изволь продолжать! - потребовала его жена.

- А вчера утром подходит ко мне в окружном суде Василий Дементьевич.

... Генерал Новицкий по-приятельски взял Громова под руку:

- Толя, у меня к тебе приватный разговор.

- Ты о деле студентов духовной семинарии,

изобличённых в социалистической пропаганде? Убедительную доказательную базу представил твой помощник. Я уже распорядился подготовить заключение о предании обвиняемых суду.

- О другом я. Цензор на тебя жалуется. Оказываешь, дескать, на него давление, желая получить разрешение на издание книги откровенно противоправительственной направленности.

- Вася, это ты о Гоголе?

- Нет, о переводе его Лободовским, в котором невооружённым глазом украинофильство усматривается... Посуди сам, у Гоголя «русская природа», «русская душа», «русская вера», а у Лободовского они вдруг украинскими стали. В оригинале «Россия», а в переводе «наша мати Україна».

- Позволь, Вася, но ведь этот перевод уже дважды издавался! Каким образом?

- А таким, Толя! Покровителей у украинофилов наших больно много: один влиятельный человек доброе слово за них замолвит, другой посодействовать попросит.

- На меня намекаешь?

- И на тебя, и на искренне уважаемую мною Наталию Дмитриевну. Не нравятся, Толя, мне эти

ваши «малороссийские среды».

- Полно, Вася. Самое безобидное препровождение времени: собираются, старинные песни поют, сказки и предания разные слушают. Иногда небольшой карнавал устраивают. Дамы в плахтах и кошулях, с монистами. Мужчины в шароварах широченных, жупанах, с прапрадедовскими шаблюками... Забавно! Настоящая оперетка.

- Имею я опасение, что когда-нибудь такие оперетки большой кровью обернутся.

- Ох, и любите вы, жандармы, каркать.

- Служба у нас такая, Толя... А с первым изданием «Бульбы» в крамольном переводе история тёмная. Каким образом в 1874 году, умудрились не заметить эти украинофильские штучки, до сих пор понять не могу. Спихватились только тогда, когда большая часть тиража уже разошлась. Оставшуюся - конфисковали, цензора и переводчика пожурили... В 1883 году появилось второе издание - напечатали книгу в типографии Харьковского военного округа. Попала она в руки самого императора. В страшном гневе он был, когда читал, как Тарас, перед гибелью, пророчествует, что «уже поднимается из Украинской земли свой царь и не будет в мире

силы, которая бы не покорилась ему».

- Представляю! Много голов полетело?

- Командующий войсками округа Радецкий сумел замять скандал. Наказали, как и всегда, только мелкую сошку...

Громова покачала головой:

- Не ожидала я такого от Георгия Трофимовича, не ожидала... Теперь придётся и Михайле Лободовскому на дверь указать. Ах, как жаль! Он столько старых сказок, песен и легенд знает! Но сам виноват. Я всех предупреждала, что никакой политики на наших «малороссийских средах» не потерплю... Поехали домой, Анатоль. Голова, что-то разболелась...

Парадные обеды и ужины, особенно для тех, кто горячительные напитки не употребляет, довольно утомительны. Алексей не смог скрыть зевоту.

- Намекаете, что нам пора домой? - лукаво улыбнулась Анна. - Ой, в гостиницу.

- Да. Не терпится послушать, как вы поёте.

- О, какой вы нетерпеливый!

И от тона, каким это было сказано, настроение Алексея сразу приподнялось. Удачный день и приятный вечер обещали перерости в чудесную, сказочную ночь...

Однако, в «Гранд-Отеле» его ожидало разочарование.

Швейцар, распахнув дверь перед гостями, сообщил:

- Ваше сиятельство! Их сиятельство граф Рио-Бранко часа два назад приехали. В номере вас дожидаются. А вас, барин, господин Малинин спрашивал. Он в ресторации сейчас.

Глава 24

Бессонная ночь

- А я уж думал, не дождусь тебя, - сказал Малинин. – Ужинать будешь? Советую севрюжку фри – весьма не дурна. И котлет-де-мутон тоже. Давненько я такой баранины не ел.

- Не хочется. Я ведь с парадного обеда по случаю открытия бегового сезона.

- Тогда чай? Здесь имеется твоё любимое сухое киевское варенье.

- Не тянет на сладкое. Пожалуй, содовой выпью.

- Что-то ты, Лёша, сегодня не в духе. Неужели проигрался?

- Заблуждаешься, друг мой. Без малого две тысячи взял. Могу поделиться.

- Спасибо, но не надо. Мне тоже подфартило. Хвата угадал. А вот твоей подсказкой

воспользоваться не удалось – все букмекеры перестали принимать ставки на Щеголиху. Интересно, с чего вдруг?

- С Щеголихой вот какое дело было. На привокзальной площади познакомился я с извозчиком Семёном Гирневым. Разговорились. Рассказал он, как какая-то шпана, пыталась заставить его попридержаться на бегу Щеголиху. Ножам угрожать стали, конюшню сжечь обещали.

- Остаться в стороне ты, разумеется, не смог. Теперь понятно, о какой тёмной истории, связанной с аферой на бегах, говорил начальник сыскной части. Он, между прочим, настоятельно просил предостеречь тебя – с очень опасными людьми, мол, ваш друг связался.

- Такая уж у меня, видать, планида.

- Ладно, рассказывай всё по порядку.

Малинин слушал не перебивая. Достав карандаш, рисовал на обороте ресторанного счёта какие-то кружочки и треугольнички, стрелки между ними, вопросительные и восклицательные знаки...

- И, что скажешь, друг мой? Зачем, по-твоему, им потребовалось, плюгавого без денег оставить?

- Для этого вначале надо установить, кто такой «плюгавый» и кто такие «они». Иначе получается

гадание на кофейной гуще. Только зачем тебе всё это, Алексей? Гирневу ты помог. Пусть теперь Храпов разбирается со Скуратовым и Омелютой, которые его именем прикрывались. А поиски убийц букмекера, прямая забота киевской полиции. И, думаю, не только её одной. Говорят, еврей этот был связан с разведочным отделением штаба военного округа. Плюнь на всё, Лёша! Отдыхай от московской суеты, любуйся Киевом, поезжай в Червоное на завод Терещенко, ухаживай за очаровательной Анной Михайловной.

- Рад бы, да не могу. Эти сволочи убили Ваню Святогора. Он у Лифшица охранником был.

- Какого Святогора? Знаменитого циркового борца?

- Да. Мы с Ваней познакомились, когда он ещё никакой знаменитостью не был – на ярмарке в Нижнем Новгороде людей веселил. А я в ту пору крючником был.

- Ты о Святогоре никогда не рассказывал.

- Просто повода не было.

- Так расскажи.

- Слушай. Идём мы по Самокатам. Скукотищ. И вдруг слышим, как зазывала...

Время текло незаметно, Часы пробили полночь.

- Вот такие дела, друг мой, - вздохнул Лавровский. – Не могу я в стороне стоять. Не успокоюсь, пока не отищу ту сволочь, которая Ивана застрелила. Обязательно найду и самолично... Ладно, припозднились мы, что-то, а завтра мне с утра пораньше к жандармскому генералу надо... Пора и на боковую.

- На боковую или под бочёк? – пошутил Малинин, стараясь отвлечь друга от грустных мыслей.

- Увы, на боковую. Больно уж не своевременно граф вернулся.

- Какой граф? – сразу насторожился Сергей.

- Граф Рио-Бранко.

- Так твоя Анна Михайловна - графиня Рио-Бранко?

- Ага. А с чего это у тебя, друг мой, такое изумлённое лицо стало? Или, полагаешь, титулованные дамы не про меня?

- Ничего подобного мне и в голову прийти не могло. Тем более, вспомнилось, как лет пять назад, мы с тобой свели знакомство с некой светлейшей княгиней.

- Не пять, а шесть... Мы тогда хипесниц, «на живца» ловили... Я просто обалдел, когда она с

шампанским впорхнула – в чём мать родила.

- Нет, Лёша, в costume Евы – это её горничная. А на княгине перстень с изумрудом был.

Посмеялись, вспоминая былые проказы. А потом Малинин стал серьёзным:

- Мой интерес к Анне Михайловне вот чем вызван. Помнишь, перед самым твоим отъездом мне поручили розыск драгоценной диадемы, принадлежащей жене великого князя Владимира Александровича?

- Конечно, помню. И, как в плохих романах пишут, следы привели грозу преступного мира в древний русский город Киев?

- Да. Именно в Киеве Каин должен встретиться с покупателями.

- А причём здесь Аня?

- По агентурным сведениям, покупатели из Америки приедут.

- Понятно.

- Ты в ней ничего подозрительного не заметил? Если этот разговор тебе неприятен, можешь его не продолжать.

- Полно, друг мой. Ты ведь не из праздного любопытства интересуешься. Конечно, после того, как милейший инженер-путеец, с которым мы

познакомились в поезде, оказался австрийским шпионом, мне все подозрительными кажутся, - засмеялся Лавровский. А потом заговорил серьёзно. - В судьбе этой женщины, в её привычках, поведении очень много необычного. Отец и мать у неё русские. Когда она ещё в пелёнках была, подались родители за океан, счастья искать.

- И, судя по всему, нашли?

- Нет, друг мой. Как она сама Гирневу рассказывала, бедствовали они там, с хлеба на квас перебивались. Хотя какой в Америке квас? Пять лет ей было, когда мать умерла, отец спился. А ей повезло - вышла замуж за богатейшего бразильского графа. У него сорок тысяч десятин земли - плантации, где выращивают сахарный тростник. Только не знаю можно ли это везеньем назвать?

- За старика вышла?

- Нет, он наш с тобой ровесник. Сам не видел, но говорят, больно уж на бабу похож.

- Содомит?

- Вполне возможно. А Анна... Если бы ты слышал, как она «Две гитары» поёт! Божественный голос...

- Складывается впечатление, что ты с ней много лет знаком.

- Увидел вчера вечером, познакомился сегодня утром. Но, кажется, давным-давно её знаю... Ну, что тебе ещё рассказать? Днём, в Царском саду, напал на нас местный бандит Жаба с шестёрками...

- Не можешь ты и дня без приключений прожить!

- Такая уж у меня, видать, планида... Пришлось нам пострелять малость.

- Вам? Ты хочешь сказать, что и графиня...

- Да. У Анны с собой тоже револьвер оказался - «Марвин». Услышала она, как к нам сзади двое подкрадываются, и пальнула пару раз.

- И попала?

- Не разглядел - они сразу наутёк бросились... А, самое главное, нет в ней вычурности, манерности, которые я терпеть не могу... Забавно, на завтрак она всем разносолам яичницу предпочитает.

- Тогда уж точно наш человек, - засмеялся Малинин.

Сергей прекрасно понимал, что чувствует сейчас его друг. Ему и самому не раз приходилось бывать в таком положении - люди, к которым искренне привязан, оказывались под подозрением. Подумав с минуту, сказал:

- А вполне возможно, что граф с женой не при

делах. Мне, честно говоря, более подозрительными кажутся американский ювелир Тиффани и его секретарь. Не верю, что их приезд в Киев по чистой случайности совпал с появлением здесь диадемы.

- Получается, в Киеве сейчас только четверо, приехавших из Америки?

- Пятеро. На днях ещё какой-то Красовский объявился. Но на роль покупателя он совсем не тянет - одежонка слишком потрёпанная.

- Не земляк ли мой? В Елецком уезде, где я детство провёл, Красовских много. И, что примечательно, все рысачники.

- Этот, похоже, тоже. Я его на бегах встретил. Он в буфете сидел с неким Григорием Сиромахой.

- Знаю такого. Был наездником, а сейчас букмекерством промышляет. А как зовут этого Красовского?

- Андрей Алексеевич.

- Интересный сюжет получается... Ему лет сорок пять, небольшого роста, длинная чёрная борода, волосы всклокочены, словно причесаться забыл. Так?

- В трёх случаях из четырёх в цвет попал. А вот с бородой не совсем - действительно, длинная, только не чёрная, а седая.

- Он! Точно он! Это, друг мой, не простой судьбы человек. В Ельце он душой общества был. Весельчак и удалец, в молодости в гусарах служил. Имел приличное состояние. Держал завод, который несомненно дал бы хороших лошадей, ведь Андрей Алексеевич рысистое дело знал и очень любил его. А потом, бросил он всё и ушёл, куда глаза глядят.

- Почему?

- Носились слухи, что жена виновата. Будто бы, вернулся Андрей неожиданно домой и застал её в объятиях любовника. Обматерил он их самыми непотребными словами, после чего велел заложить в дрожки своего любимого жеребца Пьяницу и навсегда, без копейки денег в кармане, уехал из имения.

- Только обматерил? Без поединка дело обошлось? Странно для гусара.

- Есть многое в природе, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам... Любовником оказался его друг, человек, с которым они с юности были не разлей вода... Ну, как мы с тобой.

- А, что потом было?

- Имение и завод, как выяснилось, уже были обременены долгами и без Красовского в полгода пошли с молотка. А о странствиях Андрея

Алексеевича говорили очень много. Он переезжал с одного провинциального ипподрома на другой, ездил на призы и кормился выигрышами Пьяницы. Был управляющим завода не то у Стаховича не то у Сонцова. Потом в Париже очутился, где служил наездником. Герасев рассказывал, что встречал его на Венсенском ипподроме. По его словам, Андрей в Америку собирался... Обязательно надо с ним повидаться. Где он остановился?

- В гостинице «Древняя Русь». Ты его хорошо знаешь?

- А то! Он с моим отцом дружил, дома у нас часто бывал, - улыбнулся Алексей, - Признаюсь на меня, гимназиста, его побег большое впечатление произвёл, даже более сильное, чем приключенческие романы... Однако заболтались мы с тобой - четверть третьего.

- В самом деле, пора спать. День сегодня хлопотный ожидается.

- Чуть не забыл. Ты сегодня Гуковского увидишь?

- Обязательно.

- Передай ему, Храпов заплатит за раскрытие убийства Лифшица три тысячи рублей.

- Ты ему веришь?

- Верю, друг мой. Александр Гордеевич, конечно, большой мерзавец. Но не раз слышал, что слово своё он держит.

- И от кого слышал?

- От ребят, которые за «семикаторжным» собираются, отдохнуть в своей компании.

«Семикаторжным» называли большой стол в трактире «Каторга», что на Хитровке. Находился он возле запасного выхода и считался самым почётным местом в заведении. Кто достаивался чести сидеть за ним - ясно из названия.

Поспать в эту ночь Алексею так и недовелось. Едва вошёл в свой номер, как из второй комнаты послышался женский голос:

- Ну и где ты пропадаешь? Я чуть было не заснула.

- Аня?! Ты?!

- А ты ещё кого-то ждешь?

- Нет... Но... Я не думал... Ведь твой муж...

- Муж объелся груш.

- Каких груш?

- Господи, с чего ты вдруг так поглупел? Неужели, Лёша, это я так на тебя действую? – тихо засмеялась Анна. – Это такая русская пословица.

Никаких груш он, конечно, не ел. Зато налакался своего любимого джина и теперь спит, как сурок. Иди ко мне...

Анна оказалась именно такой, какой он её и представлял: горячие губы, прохладная кожа, упругие полные бёдра, гладкий, подрагивающий от желания, живот.

- Ой! Какой бо... Ох... Да... Сильнее... Не останавливайся... Да... Дааа...

Не успел Лавровский толком отдышаться, как женщина снова жадно потянулась к нему.

- Подожди чуток, Аня, - улыбнулся он. - Даже рысакам между бегом и перебежкой отдохнуть немного дают.

- Отдыхай, - легко согласилась она. - Я сама всё сделаю.

Видимо давно у неё никого не было, подумал Алексей. Может и прав Гирнев в своём подозрении, что граф не по этой части? Впрочем, уже через минуту все мысли из головы вылетели - губы и руки Анны сделали своё дело. Он попытался опрокинуть её на спину.

- Нет, отдыхай, - смеясь, сказала она, ловко оседлав его...

Больше, до самого утра, они, как говорится, и

словом не перемолвились. Короткие, иногда чересчур откровенные пожелания того, чего именно хотят сейчас друг от друга, не в счёт.

Глава 25

По следам Каина

Утром, как и договаривались, Малинин в «Париже» встретился с Рабиновичем и Соколовым. Первый выглядел расстроенным. А вот по довольному, хотя и изрядно помятому, лицу второго сразу стало понятно - есть интересные сведения.

- Докладывай, Саня.

- Вчера, отрабатывая связи Пашки Рябчика на Шулявке, свёл знакомство с вдовой коллежского регистратора Василиной Рябчиковой и её дочерью Яриной, - бойко доложил Соколов.

- Родственницы Пашкины?

- Мать и старшая сестра.

- Молодец! Как удалось?

- Митрич посодействовал. Рассказал он мне о семье Рябчика. Мать его, говорит, в чарочку заглянуть любит и на передок слаба. Дочь в неё уродилась. В чайной Коржа, мол, всякий знает - угости её конфетами да наливкой сладкой, так редко когда откажет... Купил я тогда в магазине Бру на Крещатике бутылку зелёного французского

шартреза, самых дорогих конфет шоколадной фабрики Жоржа прихватил и отправился в ту самую чайную. Там мы с Яринкой и познакомились.

- Хороша девица? - спросил Малинин.

- Митрич сказывал, что больно толстая. А на мой вкус - самый раз. Эдакая пампушечка сдобная! Гляжу, сидит она, чай с монпансье пьёт. Позвольте, говорю, милая барышня, угостить вас настоящим шоколадом. Потом и до ликёра добрались, и до прогулки по живописным окрестностям. Спустились в какой-то овражек...

- Понятно. Соблазнил барышню, - улыбнулся Малинин.

- Ага. Ох, и жадна она до этого самого дела... Потом я сетовать стал, что ночевать негде - деньжата имеются, но без вида на жительство в гостиницу не сунешься. Яринка меня успокоила: «Були б гроши, а пачпорт твий на Шулявци ништо питати не стане».

Сергей не удивился. Ещё в поезде, изучая план Киева и путеводитель, он обратил внимание на то, что в 1879 году, когда к Киеву присоединили несколько предместий, Шулявка была разделена на две части. Та, что справа от Житомирского шоссе, вошла в город, а та, что слева - осталась в уезде.

Такие места обожают те, кто не в ладах с законом. Очень уж удобно: узнал, что городская полиция проводит облаву, перебежал через шоссе и спи спокойно - городские и околоточные надзиратели на чужую землю не сунутся, инструкция не позволяет. Ну, а если имеется спрос, то будут и предложения.

- Многие обыватели с Шулявки безпаспортных принимают? - спросил Малинин.

- Чего не знаю, того не знаю. А вот Василина Николаевна этим малопочтенным промыслом занимается. Встретила меня, как родного. Живите, говорит, спокойно, сколько пожелаете, а в случае чего - через шоссечку перемахнёте и у кумы моей день-другой отсидитесь.

- Дорого запросила? - вступил в разговор Рабинович.

- По три рубля в день. Плату за неделю вперёд взяла.

- Грабёж чистой воды! - возмутился Малинин. - Я за пятерку снял номер в лучшей гостинице города.

- Так у вас паспорт есть! - засмеялся Соколов. - Но я денег потраченных не жалею. По случаю новоселья накрыла хозяйка стол, горилку своего производства поставила. Ох, и крепка зараза - слезу

вышибает. Зато под неё, да под сало с огурчиками, душевный разговор пошёл. Много чего интересного мама с дочкой порассказали. Оказывается, был недавно у них в гостях Пашка. И не один, а вместе с Каланчëй и Каином. Тот на Василину сильное впечатление произвёл. Настоящий барин, говорит, сразу видно не шпана какая-нибудь с Подола, а, как и ты, Сашко, из деловых.

- Так она тебя за фартового приняла? - спросил Сергей,

- Ага. Я ведь в чайной пуганул револьвером трёх фабричных - пообещал маслинами накормить.

- Чем они перед тобой провинились?

- А им не понравилось, что Яринка со мной пошла... Сергей Сергеевич, придётся мне на Шулявке недельку пожить. Чувствую, появится там Каин ещё раз.

- Согласен. Только ты их самоплясом не очень увлекайся, а то видок у тебя с утра..., - Малинин задумался, подбирая подходящее слово.

- Хреноватый, - закончил за него Рабинович.

- Не, горилка хорошая. Тут другая причина, - лукаво улыбнулся Соколов. - Разместился я вчера в своей комнате, только засыпать начал, как входит кто-то.

- Кому же кроме твоей Яринки? - засмеялся Рабинович. - Видать, не ублаготворил ты её днём.

- Вот и не угадал. Василина Миколаевна пожаловала. Стянула через голову сорочку и просит: «Вдуй мени, хлопец».

- Ну, а ты? заинтересованно, спросил Рабинович.

- Что я? До самого утра вдувал. Разве можно таким источником важных сведений пренебречь? Да и нравятся мне пампушечки сдобные. Хотя эта, даже по моим понятиям, пышновата - пудов восемь не меньше.

Отсмеявшись, Сергей спросил Рабиновича:

- А ты, Алексей, чем порадуешь?

- Хвастаться пока нечем. На Подоле Рябчик и Каланча не появлялись. Да вряд ли и появятся. Крепко не любят их там. Особенно Рябчика за его мелкие пакости и привычку свои грехи на других сваливать. Сегодня я попробую в Кирилловскую больницу сходить. Сказывали, когда Каланча без копейки денег оставался, всегда шёл туда и возвращался с трёшницей, а то и пятёркой.

- Интересно, весьма интересно... Саня, мать Каланчи жива?

- Не знаю. Надо у Митрича поспросить.

- Действуйте, ребята, а я помчался - меня Бучинский уже, поди, заждался. Встречаемся завтра утром, здесь же.

Бучинский уже, действительно, поджидал его в сквере напротив здания присутственных мест. Но, судя по всему, опозданием Малинина раздосадован не был. Он оживлённо беседовал с молодой дамой, одетой модно, но чересчур ярко. Приветственно замахал рукой:

- Сергей Сергеевич! Идите к нам. Позвольте вас представить.

Про себя Сергей, не без удовольствия, узнал много нового: русский Лекок, ученик самого Путилина, в Киев прибыл по личному распоряжению Его Императорского Величества... Дама оказалась красой и гордостью российской сцены, лучшей в мире Периколой, дочерью мадам Анго и Серполеттой, несравненной Мальвиной Юрьевной Майской.

- Ей рукоплескали Варшава и Одесса, Москва и Петербург! Но она предпочла Киев. Мы с вами, Сергей Сергеевич, непременно побываем в «Шато-де-Флёр». Вы должны увидеть и услышать, как она поёт и танцует.

Понятно, подумал Сергей, провинциальная певичка из оперетки. Однако, его интерес к Майской сразу возрос, когда Бучинский сказал:

- Мальвина лучшая подруга Ольги Солвьёвой.

- Давно вы имели известия от Ольги? - спросил
Малинин.

Дама вопросительно посмотрела на Бучинского.

- Этому господину, Мальвина, можете доверять, как мне, - сказал полицейский.

Майская рассказала, что во вторник на прошлой неделе пришёл к ней незнакомый молодой человек:

- Он был очень похож на того, чьё описание Дикуся... ой... Дионисий Фортунатович показывал. Представился гвардейским поручиком Владимиром... отчество и фамилию я не запомнила. Сказал, что он близкий друг Оли, передал от неё презент.

- Какой? - поинтересовался Малинин.

- «Парфюм де фурор». Оля хорошо мой вкус знает. Не забыла, что это мои самые любимые зимние духи. На морозном воздухе они приобретают особый аромат - лёгкую хрустальную нотку. Представляете, достаточно всего несколько капель и меха, перчатки, шляпки...

- Мальвина, думаю, что Сергею Сергеевичу это

совершенно не интересно, - остановил певичку Бучинский. - Вы лучше расскажите о его просьбе.

- Он попросил разрешения оставить у меня на хранение несессер с дорогими украшениями, которые купил для Ольги. Сказал, что гостиница где остановился особого доверия не вызывает, а носить постоянно с собой боязно. Обещал забрать в следующий четверг.

Сергей не сомневался, что скажет Мальвина дальше. Но в глубине души всё-таки надеялся на чудо... Увы, оно не случилось.

- Мне было так стыдно отказать в этой просьбе. Но, что я могла поделать? В наших мебелирашках за лето три кражи случилось. Ворв так и не нашли, хотя Дику... Дионисий Фортунатович обещал.

- Спасибо, Мальвина. Если где встретите этого поручика, то сразу сообщите господину Бучинскому.

Глядя вслед уходящей певичке, Бучинский сокрушённо покачал головой:

- Езус Мария! В прошлый вторник я, буквально, нос к носу столкнулся с этим Каином в мебелированных комнатах Чернецкого... Но кто мог знать?

- А других подруг Ольги Соловьёвой и е сестру

вы опросили?

- Пока не успел. Однако, нам пора. Неудобно заставлять Маршака ожидать нас. Я ведь послал к нему нарочного с просьбой не отлучаться из дома до моего прихода.

- А долго до его мастерской ехать?

- Нет, это совсем рядом. Пешком дойдём.

Пока шли, Бучинский рассказывал о достопримечательностях города. Но Малинин его не слышал - мысли были заняты совсем другим. Упустили мы из вида, что Каин побоится постоянно носить диадему с собой, думал он. А причина его прихода к матери Рябчика, похоже, именно в этом, а не в том, что ночевать негде было. Провести у Василины обыск? Легко сказать! Это вам не городская квартира, а целое хозяйство - дом, баня, разные хозяйственные постройки, сад... Остаётся только одно - ждать. Если диадема на Шулявке, Каин обязательно вернётся за ней. Мальвину он просил подержать несессер у себя до четверга. Видимо в этот день он собирается показать товар покупателям. Значит, подождём до четверга... Привлекать к этому делу киевскую полицию? Или втрём, своими силами, управимся? Потом решу, время в запасе имеется.

Глава 26

Предсмертная записка

Ему показалось, что лишь на минутку прикрыл глаза. А, когда открыл, понял - часа три проспал, не меньше. Анны в номере уже не было. На столе записка:

Милый Лёша! Спасибо за восхитительную ночь. Будить не стала. Вечером увидимся. Не забудь про банкира.

Надо к Храпову заглянуть, подумал Лавровский. Или сперва в жандармское управление? Размышления прервал стук в дверь.

- Входите!

На пороге стоял Сева Житомирский, с которым Алексей познакомился вчера на бегах.

- Алексей Васильевич, вот фельетон, заказанный вами у Сергея Григорьевича.

- Давай. Сейчас посмотрим, что он навоял.

Фельетон назывался «Мы за татошку». Написано было хорошо - живым языком, с интересными примерами. Начинался, по законам жанра, интригующе: «В губернском городе К случилось убийство...». А заканчивался выводом: «Азартную игру на бегах и скачках всё равно не искоренить. Так пусть она приносит пользу не

отдельным предприимчивым тёмным личностям, а отечественному коннозаводству. Мы за то, чтобы на каждом российском ипподроме был свой татошка. Именно так ласково игроки называют тотализатор». А вот подпись под фельетоном Алексея удивила - Вс. Земной.

- И, что сие значит?

- Это мой псевдоним.

- Ну, об этом-то я догадался.

- Сергей Григорьевич сказал, что у него до фельетона руки не дойдут. Поручил мне написать. Что, плохо получилось?

- Напротив. Хотя кое-что придётся исправить. Но это мелочи. Пошли, Сева, в ресторан, позавтракаем. Заодно и о новостях городских расскажешь.

Как и у любого настоящего репортёра новостей у Севы было много. Букмекеры, работающие от Лифшица, быстро узнали о смерти хозяина и разбежались. Удачливые игроки, неожиданно лишившиеся своих выигрышей, грозятся их изловить и на куски порвать. Но пока никого не поймали... На товарной станции Юго-Западных железных дорог сошли с рельс и опрокинулись три

вагона. Причина происшествия в сгнивших шпалах, которые давно подлежали замене... В парке «Шатоле-Флёр» случился скандал. Почтенный профессор университета Святого Владимира, пришедший с женой и малолетним сыном, возмутился поведением одной танцовщицы. Та так лихо отплясывала канкан, что публика имела возможность любоваться её ажурными чулками, подвязками и кружевными панталонами. По требованию профессора, помощнику участкового пристава пришлось составить протокол о нарушении народной нравственности... Вчера в город приехал Чарльз Тиффани - владелец всемирно известного торгового дома «Тиффани и Ко».

- Мне удалось у него интервью взять, - похвастался Сева.

- Ты по-английски говоришь?

- Не, только по-русски, по-польски, по-цыгански и на идише.

- Выходит, Тиффани тоже из евреев?

- Ни в коем разе! Англосакс самый натуральный. Его предки приехали в Америку из Англии почти два века назад. А вот его секретарь Джеймс Фримэн из наших - житомирский. Мы с ним на одной улице жили. Яшкин отец, Моисей Фридкин

тайный шинок содержал, контрабандой приторговывал и у лихих людей добычу скупал. Когда приподнялся - Житомир ему тесен стал. Перебрался он, со всем семейством в Одессу, а уж из неё в Америку.

Сергею это будет интересно, решил Лавровский, если мальчишка в детстве видел, как отец на блатеркаинстве богатеет, то, став взрослым, и сам скупкой краденного брезговать не станет.

- И, что привело заокеанского миллионщика в Россию?

- Хочет открыть магазины столового серебра в Киеве, Одессе, Москве и Петербурге. Только ничего у него из этой затеи не получится.

- Почему?

- Серебро Сазикова или Постникова по красоте американскому не уступает, а стоит значительно дешевле... А самая главная новость – самоубийство.

- Опять какая-нибудь барышня из-за нечаянно потерянной невинности отравилась? Или гимназист, переэкзаменовку по-латыни заваливший, в петлю полез?

- Не угадали, Алексей Васильевич. Вполне зрелый мужчина тридцати трех лет отроду. А причина в неразделённой любви. Поставил он на

стол фотографическую карточку некой дамы и застрелился.

- Бывает. Особенно среди тех, кто с зелёным змием дружбу водит. Небось, он постоянно пил?

- Совершенно верно. Перед смертью он почти целую бутылку коньяка вылакал. Да и раньше в склонности к питию замечен был. Из-за этого Скуратова и из штаба Киевского военного округа турнули.

- Как его фамилия? – насторожился Лавровский.
– Скуратов?

- Да, Скуратов.

- А после штаба, он, где служил? Экспедитором в транспортной конторе Альтшилера?

- Там. А вы его знали?

- Немного знал. Слушай, Сева, а это точно самоубийство? Не верится, что Скуратов на такое решиться мог?

- Сам слышал, как судебный следователь сказал приставу: «Будем считать, что это дело мы с вами закрыли. Доказательств самоубийства больше чем достаточно. Одной предсмертной записки вполне бы хватило».

- Ты эту записку сам видел? О чём она?

- Двугривенного не пожалел, чтобы мне её

показали. Стихами написана.

- Любопытно бы было почитать.

- Извольте, - Сева достал потрёпанную записную книжку, полистал её. – Вот эти самые стихи. Душевно написано:

*Не спрашивай, зачем унылой думой
Среди забав я часто омрачён,
Зачем на всё подъямлю взор угрюмый,
Зачем не мил мне сладкой жизни сон.
Не спрашивай, зачем душой остылой
Я разлюбил весёлую любовь
И никого не называю милой -
Кто раз любил, уж не полюбит вновь,
Кто счастье знал, уж не узнает счастья,
Блаженство смерти лишь ему дано...*

- Понятно, задумчиво сказал Лавровский. - Пушкин.

- Что? – не понял Сева.

- Это, друг мой, Александр Сергеевич Пушкин написал. Только последняя строчка не его.

То, что это убийство, Алексей не сомневался. Храповские ребята на такое бы не пошли - у них был чёткий приказ отвезти шепелявого на хуторок для откровенной беседы с хозяином. Вот это кого-то и не устраивало! Кого? Конечно, тех, кто затеял всю

эту непонятную историю с Щеголихой и плюгавым. Надо с Александром Гордеевичем потолковать. Но вначале, в жандармское управление. Не удобно получается - обещался быть с утра пораньше, а сейчас почти полдень.

Глава 27

Ювелиры

Входя во двор большого трёхэтажного дома на Крещатике, где была мастерская золотых, бриллиантовых и серебряных дел мастера Иосифа Абрамовича Маршака, Сергей спросил Бучинского:

- Вы уверены, что ему можно доверять?

- Вполне. Иосиф из людей, считающих, что соблюдать законы, вести дела честно намного выгоднее, чем жульничать. Как-то спросил его, почему он, в отличии от других киевских ювелиров, краденное золотишко не скупает? Его ведь зачастую за треть настоящей цены отдают. Взял Маршак счёты и начал костяшками щёлкать. Вначале подсчитал, какой навар получит, купив полтора фунта ворованных золотых и серебряных вещей потом - сколько заплатить придётся, попадись он полиции. Свёл дебит с кредитом, озвучил весьма солидную сумму, на которую погореть можно и грустно так улыбнулся: «Вот такой гешефт

получается. А оно мне надо?»

Маршак - невысокий, плотный, бородатый брюнет лет сорока - встретил их в конторе.

- Расширяешься, гляжу? - спросил Бучинский. - Раньше ты гостей принимал в той комнате, где рисовальщики сидят.

- Таки да. Тогда у меня всего пять комнат было. А в прошлом месяце ещё четыре снял.

- Дорого на Крщатике аренда обходится? - поинтересовался Малинин.- Наверное, не дешевле, чем у нас в Москве на Тверской или Кузнецком Мосту?

- Как бы не подороже, - вздохнул Маршак. - А, что поделаешь? У всех первейших киевских ювелиров магазины на Крещатике - у Ратнера, Шпигеля, Марцинчика... Выбирать не приходится - престиж обязывает. И расчёт подсказывает - нельзя иначе. Солидные покупатели и заказчики на окраину не поедут. Работая на Подоле, даже самый лучший мастер, постоянными клиентами из богатых не обзаведётся.

- Слышал, вы в молодости на Подоле начинали.

- Таки да. Ста рублей, приданого моей Лии, хватило только на оплату цехового свидетельства, покупку инструмента и трехмесячную аренду за

комнатёнку в полуподвале. До сих пор помню, как пришли наши первые клиенты - такая же молодая и красивая пара, как мы с Лиечкой. Заказали они обручальные кольца, небольшой задаток оставили. Пошёл я материалы покупать, а денег-то и не хватило. Беда!

- И как вы из этого положения вышли, Иосиф Абрамович? - спросил Малинин.

- Продал свой свадебный костюм.

- А родители вам не помогли? Знаю, многие московские ювелиры развернулись на отцовские капиталы.

- Они бы и рады, только грошей не имели. Мой покойный папа слесарем был, а Лиечкин - парикмахером.

- Нелегко вам пришлось. Но вон, как все обернулось - мастерская в центре города, солидные заказчики.

- Таки да. Но знаете, сударь, главное в нашей жизни таки не деньги. С женой мне очень повезло. Лия не только дом вела, но и в мастерской мне помогала - эскизы рисовала, лигатуру готовила, шлифовать научилась. Ведь в те годы она была единственным моим подмастерьем...

Бучинский, который уже не первый раз слышал

эти воспоминания, терпеливо ждал, когда можно будет сменить тему разговора, но так, чтобы Маршак не обиделся. И наконец-то выбрал подходящий момент:

- Кстати, о подмастерьях. Перемолвился я со старшиной ремесленной управы и смог его убедить, что твоё прошение об увеличении вдвое числа учеников и подмастерий надо решить положительно.

- Дионисий Фортунатович, дорогой ты мой! Как же я тебе благодарен! А то перед земляками просто стыдно. Попросили они меня трёх смышлёных ребятшек в науку ювелирную взять, а мне отказывать приходится... Сразу и не соображу, чем же тебя отблагодарить?

- А я тебе подскажу. Вчера в Киев приехал американский ювелир Чарльз Тиффани. Ты его знаешь?

- Таки кто его не знает? Хотя, по правде говоря, какой он ювелир? За верстаком и у муфельной печи отродясь не стоял, корневёртки и флацанки в руках не держал, золотой и алмазной пылью не дышал... Фабрикант он и магазинщик. В Америке таких людей бизнесменами называют. Его ювелирный дом «Тиффани и Ко» - это целая империя. Свои

мастерские, где изготавливают самые различные изделия из драгоценных металлов и камней. Магазины в Америке и Европе. Самый большой из них в Нью-Йорке. Местные обыватели его «Дворцом драгоценностей» прозвали. Даже собственная студия имеется - школа, где ювелиров готовят. И каких мастеров воспитывают! Лет пять назад побывал я на выставке в Амстердаме. Полюбовался изящнейшим серебром братьев Вольферс, постоял у витрины Фонтене, где ожерелья и браслеты в персидском духе. А потом в отдел «Тиффани и Ко» заглянул. И просто остолбенел! Представляете, брошь из золота и жёлтых бриллиантов в виде японской хризантемы в натуральную величину. Как живая! Даже понюхать захотелось. А почерк мастера мне совсем не знаком. Подошёл к распорядителю господину Муру. Чья работа, спрашиваю? Подозвал он парнишку лет восемнадцати и представляет: «Ученик нашей студии, третий год обучения».

Много интересного рассказал Маршак о Тиффани. О его «Голубых книгах» - каталогах изделий, которые каждый желающий может заказать по почте. О фирменно упаковке - бирюзового цвета коробочках, перевязанных белыми атласными

лентами. Об обручальных кольцах, пользующихся огромным спросом не только в Америке, но и в Европе. В них шестигранные бриллианты возвышаются над основой и, словно, тянутся к свету...

- Иосиф Абрамович, всё это весьма занимательно, но нас с Сергеем Сергеевичем нечто иное интересует.

- И, что?

- Может Тиффани скупкой краденного заниматься? - спросил Малинин.

- Может, - даже не задумавшись, ответил Маршак. - Человек, ворочающий миллионами, всё себе позволить может. Ему бояться нечего. Возникнут какие неприятности, так на то у него адвокаты имеются. Агенты Тиффани, вот уже почти сорок лет, по всему свету рыскают, скупают для хозяина самые лучшие украшения и самые крупные камни. Они и большую часть сокровищ Орлеанской династии купили, и огромный оранжево-жёлтый алмаз, который в Африке на руднике «Большая дыра» нашли. Агенты у него ребята ловкие, им палец в рот не клади. Только когда дело касается чего-нибудь особо ценного, Чарльз и им не доверяет. В прошлом году устроили в Париже

аукцион, на котором драгоценности французской императрицы Евгении выставили. Таки он сам туда из-за океана примчался. Двадцать четыре предмета купил. И каких! Знаменитую брошь-бант с бриллиантами, изумрудами и жемчужными подвесками; ожерелье с двумя сотнями бриллиантов... Вернулся домой и выставил их в витрине своего «Дворца драгоценностей». Сказывают, весь Нью-Йорк любоваться ходил. А через месяц, когда распродажу назначил, от желающих отбоя не было. Наварил, думаю, столько, сколько все киевские ювелиры за год не зарабатывают.

- С законной куплей-продажей редких драгоценностей всё понятно - сказочные барыши. Но вот зачем ему связываться с краденной диадемой, бешеных денег стоящей? - в голосе Бучинского звучало сомнение. - На витрину её не выставишь, покупателя быстро не найдёшь.

Маршак засмеялся:

- Это я такого покупателя быстро не найду. А у Тиффани их десятки. И у каждого миллионы, и свои причуды. Рассказывали мне, что пришёл к нему как-то один железнодорожный делец. Хочу, мол, своей любовнице знатный подарок сделать, у неё

послезавтра день рождения. Тиффани ему колье предлагает, серьги, браслеты. А тот только морщится, всё не то, дескать. И вдруг его осенило: «Сделайте ночной горшок из золота самой высокой пробы».

- Сделали? - спросил Малинин.

- Таки да. Из червонного золота, с монограммой дарителя. А крышку сапфирами украсили.

Все расхохотались.

Провожая гостей, Маршак тихо спросил:

- А о какой таки диадеме ты говорил, Дионисий Фортунатович?

Бучинский, поняв, что ненароком проговорился, смутился:

- Да это я просто так, для примера.

- Понятно, - кивнул Маршак. - Удивительно для чего к нам в город Тиффани пожаловал. Нет вроде у нас предметов достойных его внимания. А о диадеме какой-нибудь даже и слухи не ходят.

- Если пойдут, не мешкая, меня извести.

О действиях продавца нам кое-что известно, думал Малинин, покупателя, кажется, нашли, а вот о среднем звене цепочки совсем забыли.

- Дионисий Фортунатович, о посреднике

удалось, что-нибудь выяснить?

- Увы, ничего. Имя это среди евреев очень распространено. Но за последние недели ни один одесский Лейба в Киеве не объявлялся. Я велел проверить приезжих из Херсона, Николаева, Бессарабской губернии. Результат тот же самый. Видимо не стал он паспорт на прописку сдавать. Надеюсь на облавы, которые в ближайшие дни проведём в местах облюбованных евреями... А вы куда сейчас?

- Шулявка в каком участке?

- Часть в Лукьяновском, а часть в уезде.

- Вот туда я и загляну.

- Тогда..., - неожиданно Бучинский перешёл на шёпот. - Тише, Сергей Сергеевич, тише... И идите помедленнее.

Глава 28

В Киевском ГЖУ

В Киевском губернском жандармском управлении, что на Никольской улице, его уж ждали.

- Слава богу, - сказал дежурный, когда Лавровсий представился. - Его превосходительство о вас уже трижды справлялся. Распорядился послать нарочного в «Гранд-Отель», если через полчаса не

появитесь.

С чего бы такая трогательная забота, подумал Лавровский, не иначе, я ещё, что-то не знаю?

Алексей вальяжно устроился в кресле, любезно предложенном генералом.

- Василий Дементьевич, мы хотели об Омелюте потолковать.

- Попозже. Вначале поговорим о вас.

- Интересный сюжет получается. Английским шпионом я уже был, австрийским тоже. Ну и в чём меня на этот раз обвиняют?

- На этот раз, Алексей Васильевич, вы оказались в роли жертвы готовившегося преступления.

- Что?! Жертвы?!

- Именно. Вам знаком Крайзман Андрей Карлович?

- Когда вчера вахмистр докладывал вам о его задержании, мне показалось, что эту фамилию я уже где-то слышал. Часа два голову ломал, да так и не вспомнил.

- Вот как? А он пришёл на бега с конкретной целью - вас убить.

- Быть того не может!

- Может. Разумеется, он всё отрицает. На бега, дескать, пришёл по причине давней любви к

орловским рысакам. Наличие заряженного револьвера объясняет опасением мести со стороны мужа дамы, с которой состоит в интимных отношениях. Назвать её фамилию Крайзман, как порядочный человек, не может.

- Убедительно звучит.

- Да. Я склонен был ему поверить. Тем более, что этот человек невольно вызывает сочувствие. Он серьёзно болен - чахотка... Но при обыске его комнаты, в помойном ведре нашли обрывки бумаги. Собрали их, просушили, сложили. Некоторые слова по смыслу восстановить удалось, а фамилии и клички - после внимательного изучения вот этой книжечки, - Новицкий взял со стола тонкую книжку в коричневой обложке.

- И, что это? - поинтересовался Алексей.

- «Обзор важнейших дознаний производившихся в жандармских управлениях империи по делам о государственных преступлениях в 1883 году».

Лавровский уже не раз слышал об этих обзорах, ежегодно издаваемых Департаментом полиции МВД, а вот увидел впервые. Но это и не удивительно - обзоры эти секретные.

- Весьма интересное письмо получилось, -

продолжал Новицкий. - Ознакомьтесь.

Товарищ Андрей!

Твоей заветной мечте суждено сбыться. Ты погибнешь в борьбе за счастье многострадального трудового народа, а не умрешь на больничной койке. Вчера в Киев приехал один из тех, кто учинил кровавый погром нашей московской организации. Именно он выследил Комарова, Судакова и других членов нашей великолепно законспирированной ячейки на Ходынском ипподроме. Этот зверь собственноручно застрелил товарища Мартына и выбивал показания из Боксёра. Это Лавровский Алексей Васильевич.

Моё мнение - любой царский сатрап заслуживает смерти. Соглашусь с тобой, что какого-нибудь жандарма, служащего из-за жалования, можно помиловать и даже использовать в борьбе с прогнившим режимом. Но к таким идейным врагам, как Лавровский, это не относится. Тебе выпала честь привести приговор в исполнение.

Лавровский остановился в «Гранд-Отеле». Но свершить святую месть лучше всего на бегах. Сегодня, в день открытия бегового сезона, он обязательно будет в ложе президента. Узнать его

легко: лет тридцати с небольшим, рост значительно выше среднего, телосложение плотное, глаза голубые, носит усы. Думаю, не ошибёшься. А маузер, который тебе посылаю, не подведёт - надёжное оружие. Доктор

Товарищ Мартын... Боксёр... Алексей сразу понял, что речь идет о помощнике смотрителя Тверского полицейского дома Мартыне Шишкине и мастере подъёмки вспомогательного поезда Московско-Брестской железной дороги Всеволоде Запрудном.

... В январе 1883 года Лавровский и Малинин согласились помочь коннозаводчику Малютину, у которого мошенники похитили его лучшего рысака Удалого. В результате, помимо своей воли, они оказались втянуты в розыск террористов, готовивших покушение на Александра III, во время предстоящей коронации.

Организация народовольцев называлась «Пятёрка Адвоката» и оказалась намного многочисленнее чем думали. В ней состояли несколько профессиональных революционеров, уже давно находящихся в розыске, бывшие и действующие чины полиции, служащие бегового

общества и Московско-Брестской железной дороги, приват-доцент Императорского Московского университета.

Следы привели во вспомогательный поезд, где находился штаб террористов. При задержании старый полицейский Аристарх Карасёв застрелил иуду Шишкина. А Алексею, вместе с Сергеем Малининым, пришлось, «по горячим следам», допрашивать Запрудного...

- Ну и сволочи эти борцы за народное счастье, - проворчал Лавровский. - Как начали врать ещё со времён Емельки Пугачёва и декабристов, так и остановиться не могут. Показания я, видите ли, выбивал! Запрудный этот себя мастером английского бокса возомнил, бросился на меня с кулаками. Вот и пришлось его разок приложить. А потом он соловьём запел. Сам рассказал, где хранятся оружие, динамит и литература. Многих выдал. В том числе и нарядчика главных мастерских Московско-Брестской дороги Крайзмана, у которого хранилась касса их организации.

- Всё это мне известно. А вот кто такой Доктор?
- спросил Новицкий.

- Понятия не имею. Вы лучше в Московском ГЖУ поинтересуйтесь.

- Уже интересовался. На мой экстренный запрос генерал Середа телеграфировал: *«Ни один из привлекавшихся к дознанию по данному делу такую кличку не имел. Кроме Крайзмана под надзор полиции в Киевскую губернию никто не высылался»*... Не до конца, видимо, в тот раз мои московские коллеги крамолу искоренили. Но ничего, мы этого Доктора найдём.

- Признаюсь, у меня тоже руки чешутся от желания с ним познакомиться, - недобро усмехнулся Алексей. - Остаётся только сообразить, где его искать.

- Как это где? Среди тех, кто знал, что вы вчера приехали в Киев и остановились в «Гранд-Отеле». Поэтому, Алексей Васильевич, попрошу подробно рассказать, с кем вы вчера общались. Постарайтесь никого не упустить.

- Хорошо. В поезде познакомился я с женой и внучкой товарища прокурора судебной палаты Громова.

- Наталия Дмитриевна и Наташа вне подозрений.

- Согласен. Потом с Кирей Моли-Бога и его подельниками пообщался, инженером Павловым, жандармским унтером, городовым, извозчиком

Гирневым.

Новицкий внимательно его слушал, иногда делал какие-то пометки на листе бумаги. Но чаще отрицательно качал головой:

- Не то... Всё не то... Маловероятно... Швейцара в гостинице в расчёт брать не стоит.

- Ваш агент?

- Это к делу отношения не имеет. Портье? Сомневаюсь. Храпов и его помощники уголовники чистой воды. Надо иметь очень большое воображение, чтобы заподозрить их в связях с народовольцами. А вот Ярона следует проверить... И Чеховского тоже...

- Лично мне куда подозрительнее кажется Алексей Логинович Шпиллер - весь вечер он ко мне присматривался.

Алексей не заметил, что генерал улыбнулся.

Наконец, полный список лиц, с которыми в субботу общался Алексей, был составлен.

- А теперь, Василий Дементьевич, удовлетворите моё любопытство. Вы об Омелюте обещали рассказать. Помните?

- Не забыл. Вы говорите, что Омелюта пытался вмешаться в ход бегов на Печерском ипподроме?

- Да.

- Сильно сомневаюсь, что он такой ерундой заниматься станет. Омелюта к делам серьезным привык, большую прибыль дающим

... Зенон Омелюта родился в Галиции - в городе Броды, что на австро-российской границе.

Город этот прославился благодаря тому, что в 1778 году император Иосиф II своим указом даровал ему статус «вольного торгового города», то есть разрешил беспошлинный ввоз иностранных товаров. И Броды сразу стали земным раем для многочисленного еврейского купечества. Оно быстро поняло, что вкладывать деньги в контрабанду значительно выгоднее, чем в фабрики и заводы. Одни по выгодной цене приобретали английское сукно, французский щёлк, швейцарские часы, турецкий табак, гаванские сигары, ямайский ром и прочие товары для незаконного ввоза в Российскую империю. Другие открывали конторы, где страховали партии контрабанды. Те, кто не имел первоначального капитал для открытия собственного дела, шли к ним на службу.

Зенон пошёл по стопам отца и деда, которые считались одними из наиболее удачливых «курьеров». И вскоре прославился. Когда

требовалось доставить в Россию партию наиболее ценного товара, обращались именно к нему.

- В нём хитрость с дерзостью сочетаются, - такую характеристику дал Зенону один из самых крупных бродских контрабандистов. - Любых таможенников и пограничников вокруг пальца обведёт. А потребуется, так и перестреляет их. Он крови не боится.

Но в 1880 году австрийское правительство неожиданно отменило указ Иосифа II. И Броды сразу превратились из земного рая в захолустье, в котором предприимчивому человеку, и делать нечего. Многие подались в Америку. Через них Зенон, решивший остаться дома, наладил связь с Лейбой Хиршковицем, давно обосновавшимся в Аргентине, и занялся торговлей живым товаром...

- Через своих агентов, сманивает он молодых женщин из Галиции и с Волыни предложениями выгодной работы в Америке и отправляет их в публичные дома Аргентины, - продолжал Новицкий. - Недавно во Львове двое его подручных попались австрийской полиции и были преданы суду. А наши полицейские успехом пока похвастаться не могут. Неуловимый мерзавец! Но ничего, я до него доберусь.

- Ваше ведомство, вроде, уголовной публикой не интересуется, - удивился Лавровский.

- А тут не только уголовщина. Омелюта занимается, как «вывозом», так и «ввозом».

- Вывозит женщин. А ввозит что?

- Германское и австрийское огнестрельное оружие, в основном, револьверы. И, кроме того, у меня имеются основания подозревать его в связях с «Эвиденцбюро» - разведовательным отделом австрийского генерального штаба. Думается мне, что к взрыву в Новой Печерской крепости Омелюта руку приложил.

- Шпион? - сказал Алексей. - Интересный сюжет получается, как один мой приятель говорит. А ведь я, похоже, кое-что любопытное нашёл... Писарь Родион Скуратов из штаба военного округа был уволен только за пьянство или ещё и по причине знакомства с Омелютой?

- Кто вам об этом сообщил? - сразу насторожился Новицкий.

- В ходе своего розыска выяснил. Смотрите, что получается. В пятницу утром к одному из помощников букмекера Лифшица пришли Скуратов и какой-то плюгавый человек лет сорока, в позолоченном пенсне. Они поставили пятьсот

рублей на победу Щеголихи в беге. А вечером Скуратов и Омелюта подстерегли Семёна Гирнева и, угрожая ножами, потребовали, чтобы он Щеголиху на бегу попридержал.

- Так, - Новицкий принялся барабанить пальцами по столу. - Так...

- В субботу, когда стало очевидно, что Гирнев не испугался и Щеголиха может прийти первой, кто-то убил Лифшица. Плюгавый выиграл, только получить свой выигрыш ему теперь не с кого.

- Так, - жандармский генерал подошёл к телефонному аппарату «Белла-Блека», висящему на стене.

- Подождите телефонировать, Василий Дементьевич. Это ещё не всё.

- Что вам удалось разведать ещё?

- Вчера вечером Скуратов застрелился. Представляете, из-за неразделённой или отвергнутой любви, - усмехнулся Алексей. - А, чтобы у полиции сомнения не возникли, оставил предсмертную записку в стихах.

Новицкий несколько раз крутанул ручку аппарата.

- Станция, - раздался приятный женский голос.

- Барышня, дайте мне номер один-двадцать пять.

- Соединяю.

- Окружной штаб?

- Да.

- Пригласите полковника Шпиллера.

- У аппарата.

- Это генерал Новицкий.

- Внимательно слушаю вас, ваше превосходительство.

- Алексей Логинович, среди тех, кто постоянно имеет на руках крупные суммы казённых денег есть человек лет сорока плюгавый, носит позолоченное пенсне?

- Да. Вы один к одному описали помощника старшего делопроизводителя капитана Розова. Он отвечает за оплату вольнонаёмных писрей, как в окружном штабе, так и в городских и уездных воинских присутствиях Киевской губернии.

- И много в его распоряжении денег бывает?

- Тысячи полторы, две.

- Как часто проводятся ревизии?

- Как правило, в конце отчётного месяца. В августе она назначена, если не ошибаюсь на 25-е число.

- Понятно. Следовательно, ревизия должна быть завтра?

- Совершенно верно, ваше превосходительство.

- А к особо секретным документам Розов доступ имеет?

- Разумеется. Он отвечает за изготовление копий и выписок.

- Какие из важных документов у него сейчас на руках?

- Одну минуту, распоряжусь, чтобы журнал принесли.

Через некоторое время снова раздался голос Шпиллера:

- Ваше превосходительство, вы меня слушаете?

- Да, Алексей Логинович.

- Штатное расписание Киевской крепостной артиллерии, график передвижения войск по Курско-Киевской и Юго-Западным железным дорогам. Эти документы у него уже вторую неделю. А сегодня утром он запросил новый мобилизационный план.

- Что?! Ведь имеется указание военного министра всемерно ограничить доступ к плану.

- Так точно, ваше превосходительство. Но

утром капитан Розов доложил начальнику штаба, что при изготовлении выписок для Киевского и Бердичевского уездных воинских начальников, возможно, были перепутаны некоторые цифры.

- Розова, под любым предлогом, из штаба не выпускать. Я немедленно выезжаю к вам, - Новицкий положил слуховую трубку и сказал Алексею. - Наверное вы и сами не предполагали, куда Щеголиха привезёт?

- Да уж.

- Благодарю за помощь. Этим делом я лично займусь. А поисками Доктора поручу заняться ротмистру Озерцковскому. Он у нас непревзойдённый специалист по народовольцам. Надеюсь, вы с ним общий язык найдёте.

Глава 29

Слава из Харькова

- В чём дело, Дионисий Фортунатович? - тихо спросил Малинин.

- Видите вон того господина в котелке? - Бучинский указал взглядом на высокого франтовато одетого мужчину, минутой раньше вышедшего из магазина Целестина Верле, торгующего швейцарскими часами. - Это Казимир Моравецкий.

... Фамилия эта была Малинину хорошо

знакома. Она часто встречалась в сводках происшествий по Привислинским губерниям и Юго-Западному краю. Казимир Моравецкий и его двоюродный брат Станислав Качинский возглавляли банду, грабящую отделения государственного казначейства, банки, ювелирные магазины.

Польские фартовые известны на всю Россию тем, что крови не боятся - в случае опасности сразу хватаются за револьверы. Но даже среди них банда

«варшавских братьев» выделяется своей жестокостью - начинают пальбу при малейшей попытке воспротивиться их требованиям. На их счету уже десятка два убитых...

- Надо брать, - предложил Малинин.

- А вдруг он не один? - засомневался Бучинский.

- Так и нас двое ... Какая у него кличка?

- Вилк.

- Я его скручу, а вы подмогу вызывайте.

- Слишком большой риск. У него всегда с собой два револьвера. Начнёт стрелять, прохожие пострадают...

- Не начнёт.

Ускорив шаг, Малинин почти поравнялся с бандитом.

- Вилк, за углом тебя фараоны поджидают, - тихо сказал он. - Из Варшавы по твою душу приехали.

Моравецкий обернулся и сразу получил сильный удар в челюсть. Рука его рванулась к карману. Но выхватить револьвер он не успел. Не напрасно когда-то брал Малинин уроки савата - французского бокса, в котором наряду с кулаками используются ноги. Получив пару ударов в такие чувствительные места, как пах и колено, поляк, взыв от боли, повалился на землю. Сергей сноровисто вывернул ему руки за спину.

С помощью подоспевших городских связанного налётчика усадили в пролётку.

- Вы правы, оказались, Дионисий Фортунатович, - сказал Малинин. - У него два револьвера было: в кармане короткоствольный «бульдог», а за поясом вот эта игрушка. Признаюсь, впервые такую вижу.

- Германский «Маузер M1878 №2», - пояснил Бучинский. - У налётчиков пользуется большим спросом, так как на перезарядку много времени не требуется.

Задержанного доставили в сыскную часть.

Гуковский не смог сдержать радости:

- Вот уж не думал, что от московских гостей не только хлопоты будут, но и польза. Спасибо, Сергей Сергеевич, за Вилка. Я давно о нашей встрече мечтал. У меня к тебе, Казик, много вопросов накопилось.

- Да и у меня несколько возникло, - сказал Бучинский, изучавший содержимое бумажника, изъятого у налётчика.

- Увы, панове, не смогу удовлетворить ваше любопытство, - морщась от боли, но, тем не менее, нагло ухмыляясь, ответил Моравецкий. - Я отказываюсь отвечать на любые вопросы до прибытия прокурора окружного суда. Желая принести ему жалобу на зверское избиение при аресте.

- Твоё право, - согласился Гуковский. - Но если ты, действительно, настолько плохо себя чувствуешь, я могу отправить тебя в больницу при Лукьяновском тюремном замке.

- Буду очень признателен вам, пан Гуковский. Не ожидал от вас такого человеколюбия. Но от требования вызвать прокурора я всё равно не отказываюсь. Я добьюсь привлечения к ответственности этого садиста, - ткнул Вилк

пальцем в сторону Малинина. - А если москальский суд, как и всегда, встанет на защиту своих сатрапов, я обращусь в европейские газеты. В редакции лембергской...

Малинин никогда не бил допрашиваемых, но сейчас ему хотелось заняться мордобоем:

- Ах, ты сволочь...

- Успокойтесь, Сергей Сергеевич, - остановил его Гуковский. - А ты, Казик, пустыми угрозами не разбрасывайся.

- Почему это пустыми?!

- Покойники жаловаться не могут. А тебе до встречи с прокурором дожить не суждено. В тюремной больнице сейчас содержатся трое бродяг родства не помнящих. Подозреваю, это мастера... Ты, что побледнел, Казик? Дурно? Может водички дать?

- Меня оговорили! Я и пальцем не тронул того поводыря! Это всё покойный Стась! Все знают, он содомитом был. А я к подобным извращениям всегда неодобрительно относился. Любой вам...

- Казик, оставь своё красноречие для могилёвских дедов, - поморщившись, прервал его Гуковский. - Сумеешь их убедить - они тебя просто задушат, как вы поводыря. А не поверят, так

придётся за грехи своего кузена отвечать. У них ведь закон - зуб за зуб, око за око, ну и так далее.

- Ваша взяла. Задавайте вопросы. Отвечу на все, если пан Гуковский даст слово...

- Даю. От встречи с дедами в Лукьяновском замке я тебя уберегу. А что на этапе, по дороге на каторгу будет, от меня не зависит.

Малинин поднялся. В Москве банда «варшавских братьев» не гастролировала, а подробности налётов в Привислинских губерниях и Юго-Западном крае его совершенно не интересовали.

- Позвольте откланяться.

- Подождите, Сергей Сергеевич. Вилк, оказывается, имеет отношение к тому делу, ради которого вы в Киев приехали, - Бучинский передал Малинину прямоугольник плотной бумаги с золотыми короной и завитушками. - В бумажнике у него нашёл.

- Что?! Визитная карточка графа Рио-Бранко? Откуда?

- Отвечай, Казик, - потребовал Гуковский. - Только врать не вздумай.

- Граф, - скривился Вилк. - Какой он, пся крев, граф! Слава-педераст из Харькова. Когда помоложе

был, его Стась пользовал.

Сыщики переглянулись и принялись допрашивать Моравецкого «в три голоса», не давая ему возможности сосредоточиться.

- Фамилия Славы?

- Микулич... Нет, кажется, Микулин.

- Поляк?

- Хохол. А может москаль.

- Где он в Харькове жил?

- Представления не имею. Я в Харькове не работал.

- А где ты с ним познакомился?

- Не я, а Стась.

- Где?

- В Лемберге.

- А ты с какой целью во Львове оказался?

- Отсидживались после дела.

- Какого дела?

- Уманьское казначейство взяли, а фараоны нам на хвост сели.

- Много взяли?

- Тридцать тысяч.

- Как Слава выглядит?

- Ростом с меня. Волосы до плеч.

- Подробнее!

- Губы в глаза бросаются - пухлые, яркие, словно накрашенные.

- Ещё подробнее!

- Взгляд какой-то блудливый. Одевается всегда модно. Только безвкусно.

- Как именно?

- Представляете, сюртук голубой, а жилет малиновый, вместо галстука какой-то платок кружевной повязан.

- Он сегодня был так одет?

- Да... Дайте попить, во рту пересохло.

- Подождёшь. Где ты с ним встретился?

- Он ко мне на квартиру пришёл.

- На Подоле, квартируешь в доме Савушкиной?

- Да.

- А вот и врешь! Нет такого дома на Подоле. Паша, отправляй его в тюремный замок.

- На Кирилловской улице в доме Френкеля.

- Кто ему твой адрес подсказал?

- Не знаю!

- Опять?!

- Портье из «Гранд-Отеля». Он тоже из педерастов.

- Что Славе от тебя потребовалось?

- Он попросил, через уважаемых киевских фартовых, воздействовать на банкира Эпштейна. Тот тянет с выплатой денег по аккредитиву его жене.

- Большие деньги?

- Сто пятьдесят тысяч.

- Ты согласился?

- Конечно. Я сейчас совсем без денег, а он мне пятьсот рублей дал.

- И кого ты об услуге попросил?

- Сашко Москаля. Он обещал вопрос решить.

- Бескорыстно?

- Не смешите меня, панове! Запросил пять процентов от суммы. А у меня выцыганил три брелока работы Фаберже.

- Верю, - сказал Гуковский. - Всем известно, что Сашко большой любитель брелоков, каждый день они у него новые... Только не всё ты сказал, Казик, по глазам твоим бегающим вижу, что не всё. Жалеешь ты Славу, а он, когда мы его допрашивать станем, тебя с потрохами сдаст.

- Нечего мне его жалеть. Он просил убить его жену, когда она деньги получит.

- Сколько предложил?

- Три тысячи. Но я отказался.

- Неужели?

- Да, отказался! Вам любой скажет, что на руках Вилка женской крови нет.

- Не врёт, - кивнул головой Гуковский. - Ладно, Казик, отдохни. Допрос завтра продолжим.

Моравецкого отправили в Лукьяновский тюремный замок.

- Покупателей мы нашли, - в голосе Гуковского звучала радость. - Установим за ними плотное наблюдение, а при покупке возьмём с поличным. Правда, надо постараться, чтобы графиню, с подачи мужа, до этого не грохнули... А пока суть да дело, отправим в харьковскую полицию запрос, относительно этого самозваного графа.

-А у меня нет полной уверенности, что мы вычислили покупателей, - возразил Бучинский. - Сосредоточимся на бразильской парочке, а потом окажется, что за диадемой приезжал Тиффани. С него наблюдение снимать нельзя.

- Полностью разделяю точку зрения Дионисия Фортунатовича, - сказал Малинин.

- Вы правы, господа. Но филёров у нас маловато. Придётся вам, Сергей Сергеевич, у жандармов помощи просить.

- Хорошо. Сейчас же в ГЖУ поеду. Только

расскажите, что это за могилёвские деды такие, которых Вилк так испугался? Он ведь не из трусливых.

- А это тайное общество, возникшее ещё лет триста назад, во времена Речи Посполитой, - объяснил Бучинский. - В него входят все нищие Полесья и Малороссии, Волыни и Подолии. Оно имеет свой язык, посторонним непонятный, «общак», куда каждый обязан отдавать определённую долю собранной милостыни, свои неписанные законы.

- А мастера, догадываюсь, их главари?

- Совершенно верно. Это их выборные старшины и учителя. Они обучают новичков простому нищенскому ремеслу. Например, пению жалостливых, слезу вышибающих, песен и духовных стихов. Прививают им своеобразный кодекс чести - не крысятничать, своих в обиду не давать.

- А почему мастеров называют могилёвскими дедами?

- По традиции, раз в год, собираются они в глухих лесных местах под Могилёвом на Днепре. На этих сходках принимают в своё общество новых членов, распределяют, кому и где промышлять,

вершат суд над провинившимися и обидчиками. Самым страшным преступлением могилёвские деды считают убийство поводыря. А Вилк, на свою беду, к нему причастен оказался.

Глава 30

Доктор

Леонид Аркадьевич Озерцковский служил в Отдельном корпусе жандармов двадцать лет. Однако, больших чинов не добился - всего лишь ротмистр, хотя многие за эти годы в полковники выходят. О причине Алексей догадался сразу - не смотря на довольно ранний час, от жандарма изрядно пахивало коньяком.

- Доктор, - сказал ротмистр, раскуривая сигару. - Доктор... Дацко!

Когда в кабинет вошёл дежурный вахмистр, распорядился:

- Сообрази, братец, нам кофейку покрепче.

- Слухаю, ваше благородие!

Озерцковский пояснил Алексею:

- Он превосходно варит кофе. Даже у Семадени такого не попробуешь... А как вы к коньячку относитесь?

- Положительно. Только не употребляю - слово дал.

- Уважаю людей с убеждениями, уважаю, - жандарм достал из шкафа бутылку. - Хотя, по роду службы, те, кто слово держать не могут, предпочтительнее... Ладно, всё это философия... Не прав генерал, сказав, что кличка Доктор нам совсем не знакома. В позапрошлом году взяли мы группу студентов историко-филологического факультета университета Святого Владимира, которые намеревались создать подпольную типографию. Деньги на это им презентовал некий Доктор. К сожалению, тому, кто с ним поддерживал связь, удалось скрыться. В прошлом году арестовали мы румынского подданного Чаулеску, привезшего в Киев два чемодана различной нелегальщины. Забрать товар у него должен был человек по кличке Доктор. Пару месяцев назад, на мельнице Макара, варшавский налётчик Станислав Качинский хвастался, что ему обещали десяток германских маузеров. Кличка продавца, Доктор. Допросить пшека не удалось - при аресте он оказал сопротивление и был убит. Паша Гуковский взял в оборот его подельников - три дня селёдкой кормил и воды не дапвал.

- Разговорились?

- Да. Только кто такой Доктор, они не знали.

Вахмистр внёс кофейник и вазочку с сухим киевским вареньем.

- Спасибо, братец. Угощайтесь, Алексей Васильевич.

- Вот уж не думал, в свой первый приезд в Киев, что когда-нибудь в жандармском управлении потчевать станут.

- Да за шепелявого генерал обязан вас неделю по лучшим киевским ресторанам водить! Лихо вы вычислили офицера окружного штаба, которого австрияки явно собрались вербовать.

- А кто такой Алексей Логинович Шпиллер? - не удержался от вопроса Лавровский и пояснил. - Мне кажется, что он меня в связях с австрийской разведкой заподозрил.

- Полковник Шпиллер прикомандирован канцелярией Военно-учёного комитета Главного штаба к штабу Киевского округа для ведения контрразведочной работы. Прекрасный человек! Настоящий боевой офицер. В турецкую войну отличился. А «клюкву» ещё под Севастополем заслужил, когда безусым подпоручиком был.

«Клюквой» называют орден Святой Анны 4-й степени, которым младших офицеров награждают за личную храбрость.

- Только какой из Шпиллера ловец шпионов, - покачал головой жандарм. - Для этого нужен особый склад ума, чутьё... Он ведь было вас за австрийского резидента принял! Ладно, всё это философия... А вот список лиц, с которыми вы встречались в субботу, определённый интерес представляет.

- И кто ваше внимание привлёк?

- Афанасий Ветров.

- Вы об одном из храповских помощников? О том, что репортёрствует?

- Да. Он дружил с теми студентами, которые на деньги Доктора собирались подпольную типографию организовать.

- Так он из студентов?

- Курс университета не закончил по причине отсутствия средств. Есть и ещё одна причина подозревать его. В начале 70-х годов бесследно исчезла старшая сестра Афанасия. Родители всех уверяли, что беспутная дочь с цыганами сбежала. А по нашим сведениям, она был активной участницей так называемого «хождения в народ». Судилась под чужой фамилией, была сослана в Сибирь, бежала, после чего её следы затерялись. Не верю я, что в одной семье могут вырасти смутьянка и законопослушный обыватель. А вы как полагаете?

Э, да вы меня совсем не слушаете.

Алексей, действительно, отвлёкся. Он вспомнил обе встречи с Афанасием - у Семадени и на бегах. Ещё тогда непроизвольно обратил внимание на какое-то несоответствие - добродушный смех и настороженный, изучающий взгляд. Живо представил одежду Афанасия - вышиванка под расстёгнутым пиджаком, ботинки с длинными тупыми квадратными носками... Кто-то сегодня о таких ботинках уже говорил. Кто и когда вспомнить не смог. Зато вспомнил другое. Мвузер!

Миловидов, отправляя Левко на Бессарабку, спросил с собой ли у него револьвер. А Афанасий ответил, что они со своими маузерами никогда не расстаются... Лавровский ещё подумал, что никогда не видел револьвер этой системы: в Москве в ходу всё больше «Смит-Вессоны», «Лефоше», в последнее время «Наганы» распространение получили.

- О чём задумались, Алексей Васильевич?

- О маузерах.

- О каких маузерах?

- О германских, разумеется. Скажите, Леонид Аркадьевич, в Киеве это самые распространённые револьверы?

- С чего вы взяли?

- Да все только о них и говорят! Крайзману, который собирался в меня стрелять, Доктор прислал маузер. Налётчику Качинскому тот же самый Доктор обещал десяток маузеров. У храповских ребят, в том числе и у Афанасия, маузеры... Невольно на размышления приводит. Особенно учитывая, что, по словам вашего генерала, Омелюта занимается контрабандой австрийского и германского оружия.

- Интересное наблюдение... В охранника букмекера, между прочим, тоже стреляли из мазера, - Озерцковский решительно встал из-за стола. - Дацко!

Тут же появился вахмистр:

- Слухаю, ваше благородие!

- Когда вернётся генерал, скажи ему, что я поехал в Лукьяновский участок.

- Думаете, что шепелявый тоже из маузера «застрелился»? - спросил Алекей.

- Очень похоже. А к вам у меня большая просьба - посидите дня два в гостинице. Сами видите, каким опасным людям вы чем-то не угодили.

- Непременно, - пообещал Алексей. По

усмешке жандарма, понял, что тот ему не поверил.

Подходя к дому присяжного поверенного Храпова, что на углу Большой Васильковской и Жилианской, Лавровский услышал густой басовитый голос хозяина:

- Почему ветеринара до сих пор нет?

- Он пообещал после обеда быть.

- А когда за ним посылали?

- Утром.

- А я тебе ещё вчера сказал, что Печенег заднюю левую ногу бережёт! Забыл?

- Как можно! Просто подумал, что за ночь у него всё само пройдёт.

- Вон с глаз моих долой! Винокур! Коля!

- Да, Александр Гордеевич.

- Этого идиота малохольного сегодня же рассчитать. И найди, наконец, приличного смотрителя конюшни.

- Имеется у меня на примете достойный кандидат. Завтра представлю его вам.

- Сегодня вечером. А сейчас вели заложить кого-нибудь порезвее - я в окружной суд опаздываю.

- Леденца, может быть?

-Нет. Он с утра мне привидшим показался.
Пусть и его ветеринар посмотрит.

- Тогда Исправника?

- Хорошо. Только побыстрее, - сказал Храпов, доставая сигару. - Чёрт, спички в кабинете забыл.

Подошедший Лавровский протянул ему коробок:

- Держите.

- Благодарю... Судя по вашему лицу, какие-то неприятные новости?

- Ну, если вы об убийстве шепелявого Скуратова до сих пор не знаете, то новости.

- Слышал, конечно, - поморщился Храпов. - Очень несвоевременная смерть. Только это не убийство. Должностные лица, выезжавшие на место происшествия, пришли к единому мнению о самоубийстве по причине отвергнутой любви.

- Полиция нередко предпочитает самоубийство, чтобы дело побыстрее закрыть.

- Согласен, только это не тот случай. Пристав Лукьяновского участка и судебный следователь меня обманывать не станут.

- Понятно, оба у вас на содержании находятся,
- усмехнулся Алексей.

Это, похоже, задело Храпова:

- У меня, Алексей Васильевич, существует твёрдое правило - любые факты проверять и перепроверять... Дом Пастуховой, где проживал Скуратов, весь день находился под нашим наблюдением, посторонние туда не заходили.

- А если шепелявого хозяйка дома или кто-либо из её слуг застрелили?

- Не смешите меня, Алексей Васильевич! Пастуховой глубоко за восемьдесят, её кухарке чуть меньше.

- Да, на роль убийцы обе мало подходят.

- Кроме того, мои люди нашли даму, фотографический портрет которой стоял на столе в комнате Скуратова. Она не стала скрывать, что недавно предпочла шепелявому более достойного поклонника.

- Неплохо у вас дознание поставлено. Интересно было бы пообщаться с тем, кто его проводил.

- А вы с ним знакомы. Это Николай Михайлович Винокур.

- Признаюсь, он на меня сразу произвёл очень хорошее впечатление.

- Это, скажу я вам, уникальный человек. Родом из бедной семьи. Учился, как говорится, на

медные деньги. Экзамены за университетский курс экстерном сдал. В совершенстве десять языков знает.

- Можно только позавидовать.

- А помимо всего прочего от бабки-знахарки унаследовал способности по лечебной части. Мои люди его между собой доктором называют: одного от зубной боли исцелил, другого от склонности к запоям... Скажу вам, по большому секрету, я и сам к его услугам прибежал, когда одна особа ко мне вдруг охладела.

Доктор, мелькнуло в голове Лавровского, доктор... И ему сразу расхотелось рассказывать Храпову об Омелюте, маузерах, подозрениях ротмистра в отношении Афанасия и его интересе к обстоятельствам смерти Скуратова.

- Других новостей, Александр Гордеевич, у меня пока нет. А вот просьба имеется.

- Какая?

- Можете воздействовать на банкира Эпштейна, чтобы не затягивал больше выплату денег по аккредитиву графине Рио-Бранко?

- Вот как? А вы ведь не первый, кто сегодня обратился ко мне с подобной просьбой.

- И кто ещё?

- Один очень уважаемый фартовый. Кличку, извините, назвать не стану. Просьбу вашу выполнить смогу.

- Когда?

- Думаю, завтра.

К ним подошёл Винокур:

- Исправника запрягли, Александр Гордеевич, можете выезжать. А из-за ветеринара не беспокойтесь - я к нему Левко послал, сейчас он его доставит.

- Спасибо, Коля, - улыбнулся Храпов. - Алексей Васильевич вас куда подвезти?

- Нет, мне пешком по городу прогуляться хочется.

Услышанное от Храпова, надо было, как следует, осмыслить.

Лавровский долго бродил по улицам. Он пытался разобраться с тем, что удалось выяснить. Вроде и много узнал, только вопросов ещё больше возникает. И ни на один из них ответа пока нет.

Кто такой Доктор? Храповские люди, по словам самого Александра Гордеевича, Винокура называют доктором. И это единственный намёк на то, что Винокур и Доктор, приславший письмо

Крайзману, одно лицо. Не убедительно.

В письме к Крайзману, «пятёрку Адвоката» Доктор называет «наша московская организация». Следовательно, он сам состоял в ней. Необходимо выяснить был ли в 1883 году Винокур в Москве. Но если даже и был, это ещё ни о чём не говорит. Может для революционеров любая организация их социально-революционной партии «наша».

Зачем Доктору потребовалось на меня покушение совершать? Мечь? Или мой приезд в Киев Доктору чем-то помешал?

Кому я в Киеве уже успел дорогу перейти? Тем, кто затеял всю эту историю со Щеголихой. Приехал, понимаешь, и сразу на Скуратова и Омелюту вышел. Гирнева под свою защиту взял. А проигрыш Щеголихи был необходим австрийской разведке для вербовки капитана Розова. Оставшись без казённых денег, тот вполне мог продать секретные документы. Выходит, Доктор шпион? А может и шпион, и народоволец? Нет доказательств этому предположению.

Австрийский шпион Зенон Омелюта привозит в Киев австрийские и германские револьверы. Вполне возможно, что и маузеры. У Доктора тоже маузеров предостаточно. Один он Крайзману

послал, ещё десяток какому-то варшавскому налётчику обещал. Храповские ребята тоже револьверами этой системы вооружены. Не верится, что Сашко Москаль сам будет заниматься такими мелочами, как покупка оружия. Для этого у него имеется надёжный помощник, которому он абсолютно доверяет. Интересно, маузеры Винокур у Доктора купил? А может он и есть этот самый Доктор? Обязательно надо узнать из какого револьвера убили шепелявого Скуратова. А вдруг из маузера? С Храповым тоже много непоняток... Как говорится, совершенно понятно, что ни хера не понятно. Отвлечься надо, подумал Алексей, потом, глядишь, какая-нибудь светлая мысль и появится.

Сам не заметил, как оказался рядом с одной из достопримечательностей Киева - древним собором Святой Софии. Вспомнил, что совсем рядом находится гостиница «Древняя Русь», где остановился Красовский. Надо к нему заглянуть, решил Алексей.

Глава 31

Птенчики Мамаши

Красовский оказался у себя в номере.

- Здравствуйте, Андрей Алексеевич.

- Добрый день, молодой человек. Чем обязан?

- Узнал, что вы в Киеве и решил земляка навестить.

- Вы елецкий? Извините, но не припомню.

- Вы с Василием Алексеевичем Лавровсим дружили. А я его сын.

- Лёшка?!

- Он самый.

- Ну, каким же ты здоровяком стал! Дай я тебя обниму.

Красовский принялся расспрашивать его о Ельце, общих знакомых. Алексей смущенно развёл руками:

- Давно я там не был. Ведь вскоре после вашего отъезда, сбежал я из дома.

- В народ пошёл? - насторожился Красовский.

- А ты, часом, не из нигилистов?

- Господь с вами! Приключенческих романов начитался. Да и поступок ваш на нас, гимназистов, большое впечатление произвёл.

- Вот уж не думал, что стану примером для подрастающего поколения, - грустно улыбнулся Красовский и поспешил сменить тему разговора. - Ладно, не будем ворошить былое... Расскажи лучше о себе. Где живёшь? Чем занимаешься?

- Живу в Москве. Издаю спортивный журнал

«Беговые и скаковые известия».

- По конской части, значит, пошёл? Этого следовало ожидать. Лошадей ты с пелёнок любил. За это однажды, от отца изрядную взбучку получил.

- Не помню.

-Конечно, не помнишь, ведь тебе тогда года три было.

- Расскажите.

- Изволь. Сидели после именинного обеда мы в кабинете твоего батюшки своей компанией. Из посторонних только один был - елецкий благочинный отец Сергей.

- Помню его. Он в гимназии закон божий преподавал. Строгий, до жути.

- Курим, кофий с ликёрами пьём. При духовной особе неудобно об охоте, да о бабах говорить. Вот и завели разговор на какую-то богословскую тему. Отец Сергей, по своей привычке, разошёлся и стал попрекать современное общество в отсутствии истинного благочестия. Забывают, дескать, люди о боге. А ты на коленях отца пристроился, спишь. И вдруг встрепенулся, указал пальчиком на портрет Барса 1-го, который на стене висел, и громко так говоришь: «Бог, это бог».

- Представляю, как отец Сергей взвился! -

расхохотался Алексей.

- Нет, Лёша, не представляешь! Его чуть удар не хватил. Вы, говорит, Василий Алексеевич, чему чадо неразумное учите? Богохульству?

- Да уж. Подвёл я отца... Андрей Алексеевич, вы, помнится, пером хорошо владели - в «Орловских губернских ведомостях» печатались, в «Журнале коннозаводства».

- Не только. Когда-то «Отечественные записки» мои рассказы из гусарской жизни печатали, «Будильник», «Рассвет».

- Напишите для моего журнала несколько статей о беговом спорте во Франции и Северо-Американских Соединённых Штатах.

- А ты про Францию и Америку, как узнал?

- Наездник Герасев говорил, что встречал вас в Париже, где вы служили на конюшне маркиза де Ла-Круа.

- Так ты с Семёном Терентьевичем знаком?

- Не первый год приятельствуем.

- Да, тесен мир! В который уже раз в этом за последние дни убеждаюсь. В Одессе встретил Жоржа Фрамануара, жучка с Венсенского ипподрома. Теперь он, оказывается, учитель танцев, свою школу завёл. А вчера на бегах и того

интереснее. Выходит из президентской ложи красивая богато одетая дама. Присмотрелся, а это Энн Шерри - нью-йоркская карманщица.

- Может, обознались? - голос Лавровского слегка дрогнул.

- Нет. Мы с ней даже раскланялись. Какая приятная встреча, говорит, и опять на ипподроме.

- А с чего вы взяли, что она карманщица?

- Так я её когда-то сам за руку поймал.

- Как интересно! Расскажите.

- Случилось это лет восемь назад. Приехал я в Нью-Йорк из Кентукки, где помощником смотрителя рысистоного завода служил. Решил на бега сходить. Ипподром тогда на острове Лонг-Айленд был. Посмотрел пару заездов, выиграл полсотни долларов и в бар. Так американцы буфет называют. Стою у стойки, прикидываю, что заказать? Виски ихний, скажу тебе, хуже нашей сивухи, да и джин доброго слова не стоит. Если уж пить, то бренди. И вдруг вижу, как барышня лет шестнадцати-семнадцати в карман к какому-то толстяку лезет. Я цап её за руку! Прибежал полисмен, составили протокол. Меня предупредили, что послезавтра должен в суд прийти, как свидетель. Ох, и не люблю я суды! А куда деваться? В тот же вечер подходят

ко мне на улице трое ребят - два еврея и негр. Нас, говорят, мамаша прислала, велела тебе показания в суде изменить, чтобы девчонку оправдали, не послушаешься - рёбра тебе поломаем. Не нравится мне, когда в таком тоне разговаривают. Доходчиво объяснил где, когда и на чём видел их вместе с мамашей. Они за ножи схватились. А в Техасе, Лёша, приучили меня с револьвером не расставаться. Стреляю я не плохо.

Алексею вспомнилось, что одним из любимых развлечений отца и его приятелей были соревнования в стрельбе:

- Не плохо... Не скромничайте, Андрей Алексеевич - вы с тридцати шагов промаха в карту не давали.

- Путаешь, Лёша... С тридцати - это твой отец, а я с двадцати пяти только... Короче, достал я кольт и сбил со всех троих шляпы. Пообещал, что если ещё раз мне на глаза попадутся, перестрелять, как собак паршивых... Когда рассказал об этом случае приятелю, который меня в Нью-Йорк пригласил, тот в ужас пришёл. Оказывается, связался я с людьми Мамаши Мандельбаум. Её ещё Ма называют или Старая мать.

- А это кто такая?

- Королева нью-йоркских воров, немецкая еврейка Фредерика Мандельбаум. Начинала она с торговли старьём разным, потом на краденое переключилась. Сперва её услугами только «крысята» пользовались - малолетняя шпана из бедных кварталов. Потом и серьёзные воры её признали, налётчики. Первейшей блатер-каиншей стала. Открыла большой магазин на углу улиц Клинтон и Ревингтон, стала скупать всё от бумажников и папиросниц до мебели и лошадей. Обзавелась своими людьми в полиции, судах и мэрии. Адвокатскую контору на жалование взяла. Даже собственную воровскую школу открыла. И кого только в ней не готовили: карманчиков, домушников, взломщиков, мошенников. Вот от учеников этого заведения Мандельбаум свои клички и получила... Объяснил мне приятель, что Мамаша своих «птенчиков» в обиду не даёт, все средства в ход пускает - взятки, запугивание, даже убийства.

- Испугались?

- Понимаешь, Лёша, после того, как пришлось бросит всё, что было дорого, терять мне уже было нечего... Думал, что следующий денёк жарким выдастся. Только с утра пораньше ко мне не громилы заявились, а Большой Билл.

... В дверь постучали и приятный бархатистый баритон сказал:

- Мистер Красовски, ради бога не хватайтесь за кольт. Я пришёл к вам с самыми миролюбивыми намерениями.

- Тогда входите.

Вошедший - высокий полный, богато и со вкусом одетый мужчина - представился:

- Билл Хоу, старший партнёр адвокатской конторы «Хоу и Хаммел». Представляю интересы, задержанной вчера, Энн Шерри.

- Что вам угодно?

- Настоятельно прошу вас завтра в судебном заседании изменить свои показания. Скажите, что не видели непосредственного факта совершения кражи, ошибка в протоколе произошла по причине плохого знания вами английского языка.

- А если откажусь? Опять башибузуков своих пришлёте? Или подкупать станете?

- Нет. Рисковать жизнью своих птенчиков Ма больше не хочет. Предлагать вам взятку бесполезно. Навёл я о вас справки - родом из знатной семьи, служили в гусарском полку. Соблазнить деньгами таких людей сложно.

- Да уж, - усмехнулся Красовский. - Ещё наш

император Павел I сказал: «Гусары денег не берут».

- И, тем не менее, полагаю, что мы поладим.

- С чего такая уверенность?

- Среди моих знакомых есть ваш соотечественник. Он любит говорить: «Русские своих в беде не бросают». Неоднократно имел возможность убедиться - для него это не просто красивая фраза, а жизненное правило.

- Хорошее правило. Только какое оно отношение к нашему делу имеет?

- Моя подзащитная русская. Не верю, что вы позволите отправить её на несколько лет в тюрьму Синг-Синг.

- Русская? Это с такой-то фамилией?

- Её отец Михаил Вишняков, после приезда в Северо-Американские Соединённые Штаты, взял новое имя и фамилию - Майкл Шерри.

- Вот такие пироги, значит, получают.

- Извините, не понял.

- И не поймёшь. Ладно, подсказывай, что на суде говорить надо...

- Девчонку освободили прямо в зале суда, - продолжал Красовский. - Благодарить кинулась. Десять долларов дать пыталась. Отказался, конечно... А года через три мы с ней в Саратога-

Спрингс встретились. Это курорт милях в ста шестидесяти от Нью-Йорка. И, что интересно, опять на ипподроме.

... Настроение у Красовского было преотвратное: деньги на исходе - всего пять долларов осталось, а новых поступлений не предвидится. В трёх заездах подряд, лошади на которых он ехал, считались фаворитами. Но удача в этот день от него отвернулась. Вначале проиграл довольно посредственной кобыле шею. Потом, после похоронного сбоя, остался за флагом. А в последнем заезде прошёл призовой столб галопом. Тренер был в ярости:

- Мне безрукие наездники не нужны! Вы уволены.

- Ну и чёрт с тобой! - заявил Красовский и отправился в бар. Захотелось выпить. Даже переодеться не стал, только поверх камзола, пиджак накинул.

- Бренди.

- Сожалею, мистер, - развёл руками бармен. - Но, согласно требованиям Национальной ассоциации владельцев рысистых лошадей, мы наездников не обслуживаем.

- А я больше не наездник. Уволили меня.

- Тогда нет проблем, - бармен взял рюмку.

- Ты, что делаешь? В стакан налей. Нет, лучше в пивную кружку.

К нему подошла молодая нарядно одетая дама:

- Вы меня не помните?

- Нет, - раздражённо ответил Красовский. Сейчас ему было не до знакомств с искательницами приключений.

- Я Энн Шерри. Вспомнили? Аня Вишнякова... Вы меня от тюрьмы спасли.

Настроение сразу улучшилось. Приятно ведь, что у человека, которому когда-то сделал доброе дело, всё окей.

- Вас не узнать. Настоящей красавицей стали. И, судя по виду, не бедствуете.

- Этим я обязана вашей доброте. Попади я тогда в Синг-Синг и всё - Мамаша не доверяет женщинам, которые там побывали. Она считает, что всех их копы завербовали.

- Как и раньше на Мамашу работаете?

- Да.

- Карманной выгрузкой занимаетесь?

- Ой, ну что вы! Существует много более доходных специальностей. Ма доверяет мне очень серьёзные дела, ведь я её любимая ученица. А

выгрузка - это теперь только для развлечения...
Пойду я, меня кавалер заждался.

- Счастливо.

Отойдя шагов десять, Энн вернулась:

- Извините, чуть не забыла ваш бумажник вернуть.

Красовский даже не заметил, когда она его вытащила. В бумажнике оказалось сто долларов...

- Такая вот история, Лёша.

Да, поступок в её духе, подумал Лавровский, не лёгкая у неё жизнь была, а доброту не растеряла.

- Как вы думаете, Андрей Алексеевич, она до сих пор на Мамашу работает?

- Вряд ли. Мандельбаум теперь не при делах. В 1884 году появился в Нью-Йорке новый окружной прокурор и всерьёз за неё взялся. Никакие связи Мамаше не помогли - арестовали её. А когда под залог отпустили, прихватила она миллион долларов наличными, целую сумку бриллиантов и сбежала в Канаду. Газеты пишут, что скучает она без Нью-Йорка и своих птенчиков.

- Сумку бриллиантов?

- Да. Фредерика Мандельбаум давно известна своей любовью к драгоценным камням, много лет их по всему свету собирает.

Похоже, что подозрения Сергея справедливы, с грустью подумал Лавровский, в Киев Анна за диадемой приехала.

Красовский достал из кармана часы:

- Ох, и заболтались мы с тобой, Лёша! Меня ведь Аркадий Иванович Паншин, поди, уже заждался. Обещался я к нему заглянуть, подсказать, как ипподром получше обустроить.

- Действительно, два часа, как одна минута пролетели.

- Ничего, даст бог, ещё увидимся. Обязательно в местной ресторации пообедаем. «Древняя Русь» славится своей русской и малороссийской кухней. Признаюсь, мне в чужих краях изрядно поднадоели консоме и гамбо разные.

- Гамбо? Никогда не слышал.

- Это, Лёша, густой суп из сельдерея, помидоров, лука и прочих овощей с устрицами, крабами, креветками. В Америке его любят.

- Вкусный, должно быть.

- Не дурён. Только я по нашим щам и борщам соскучился. А здесь в меню аж девять разных сортов борща.

Лавровский взялся было уже за ручку двери, но Красовский сделал предостерегающий жест.

- Подожди , - прошептал он. - Не будем людей смущать.

Из коридора доносились приглушенные голоса.

- Нет, нет... Вдруг кто-нибудь из знакомых увидит, как мы вместе выходим из гостиницы? Вначале пойду я, а ты минут через пять.

- Когда снова увидимся?

- Не знаю.

- Не будь столь жестокой.

- В конце недели... Муж должен в Умань уехать... Я телефонирую тебе на службу.

- По телефону не очень удобно разговаривать.

- А я скажу только одно слово - завтра.

- Буду ждать, моя богиня...

Слышно было, как по коридору застучали каблучки.

Лукаво улыбнувшись, Красовский тихо сказал:

- Мне думается «Древнюю Русь» следует переименовать в «Древний Вавилон».

- Почему?

- Гостиница эта издавна стала самым излюбленным в городе местом для тайных любовных встреч. Все её номера были свидетелями

грехопадения десятков тысяч киевских дам и барышень. Попробуйте пригласить приличную женщину в обычный дом свиданий. Откажется. А вот в «Древнюю Русь» - всегда пожалуйста. Одна моя давняя приятельница как-то призналась, что запретный плод, буквально, под стенами Святой Софии, кажется особенно сладким...

Глава 32

Несостоявшаяся встреча

Озарение, как часто и раньше случалось, пришло неожиданно. Понял вдруг, почему мысли то и дело возвращаются к тому, как были одеты Афанасий и Левко - пиджаки хорошего английского сукна, шёлковые вышиванки, модные ботинки с длинными тупыми квадратными носиками. Ботинки! Сева Житомирский говорил, что, судя по следам, двое из убийц букмекера Лифшица и Вани Святогора были обуты именно в такие ботинки. А к этому факту один за другим начали приплюсовываться и другие.

Итак, ботинки - раз... Окурок сигары «Ромео и Джульетта», найденный на месте происшествия, - два. Ведь сигары этого сорта курил в субботу Винокур... Револьвер «Маузер», из которого по словам жандармского ротмистра, застрелили

Святогора - три. Помнится вечером у Семадени Винокур, отправляя Левко на Бессарабку, спросил при себе ли у него револьвер. А Афанасий сказал, что они со своими маузерами никогда не расстанутся... Знакомство Винокура с букмекером - четыре. Не мог телохранитель подпустить близко к хозяину незнакомых людей в глухом месте...

Ну, и, что дальше делать? Искать новые доказательства, которые не оставят даже малейших сомнений? Наверное, по своей давней привычке самому доводить любое дело до конца, так бы и поступил. Если бы не Доктор. Чего доброго, самого грохнут и уйдут тогда убийцы Вани от расплаты... Нет, надо в сыскную часть обращаться.

Может быть, повезёт и Сергея там застану, подумал Лавровский, надо же ему сообщить о том, что Анна, похоже, в Киев за диадемой приехала.

Ему не повезло. В сыскной части не оказалось никого кроме дежурного полицейского надзирателя Кныша. Тот, помня Алексея по ночной облаве на Бессарабке, отнёсся к нему, как к своему:

- Пал Пальча, вместе с полицмейстером, к губернатору вызвали. Видать опять какая-нибудь жалоба на полицию пришла. А московский

чиновник, о котором вы спрашиваете, с полчаса назад в жандармское управление поехал.

Хоть и не хотелось второй раз за день тащиться на Печерск, но выбирать не из чего.

Выслушав просьбу Сергея, начальник ГЖУ генерал Новицкий благосклонно кивнул:

- Конечно, поможем. Прекрасно понимаю значимость розыска, который вы ведёте. Найдём парочку самых ловких филёров.

Настроение у Новицкого было превосходное. Поездка в окружной штаб удалась на славу.

... Помощник старшего делопроизводителя капитан Розов побледнел, узнав, что ревизия подотчётных денежных сумм, будет проводиться не завтра, а сейчас.

- Ключ от несгораемого шкафа дома забыл. Разрешите за ним сбегать. Я за полчаса обернусь.

Начальник штаба генерал Косич, которого уже ввели в курс дела, распорядился:

- Позовите слесаря.

Шкаф вскрыли. Денег в нём не оказалось.

- Ваше превосходительство, не губите! - взмолился капитан. - К вечеру всю сумму, до последней копейки, представлю. Честью клянусь!

- Какая у вас честь?! - брезгливо поморщился Косич.

- Умоляю, ваше превосходительство! Только тяжёлые жизненные обстоятельства толкнули меня... Я всё объясню...

Косич его не дослушал:

- Объяснять будете чинам военно-прокурорского надзора и жандармского управления.

- Каюсь, виноват! - зарыдал Розов. - Большая жена, мать старуха... Их на воды в Баден-Баден везти надо...

- Вот постановление о взятии вас под стражу, - вступил в разговор помощник военного прокурора полковник Нестерович. - Вы задержаны не за растрату, а по подозрению в государственной измене и шпионаже в пользу враждебной Российской империи страны. Только чистосердечное раскаяние и сотрудничество со следствием могут облегчить вашу участь.

- Проще говоря, от вас зависит по какой статье «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» вы будете отданы под суд, - подлил масла в огонь Новицкий. - По 254-й или 256-й.

- Ах, какая теперь разница, - всхлипнул Розов.

- Всё равно - суд, позор, тюрьма...

- Разница большая, - объяснил Новицкий. 256-я статья это лишение всех прав состояния и ссылка в отдалённые места Сибири. А 254-я - лишение всех прав состояния и смертная казнь.

Розов вытер слёзы:

- Я всё расскажу.

... Его история была стара, как мир. Любил Розов красиво жить: обеды в ресторациях «Европейской» и «Гранд-Отеля», пикники на Трухановом острове, многочисленные романчики с дамами и барышнями не особо строгих правил, которым щедро дарил роскошные букеты, коробки самых дорогих конфет, французские духи. Когда служил в Киевском губернском по воинской повинности присутствии, денег на всё это хватало. Брал взятки за получение отсрочки от призыва на воинскую службу. Иногда исхитрялся даже добиться для своих протеже признания полной негодности к воинской службе и освобождению от неё навсегда. Но в позапрошлом году получил он повышение по службе - из присутствия перешёл в окружной штаб. Соблазнился подполковничьей должностью и возможностью быть на виду у начальства. Первое время всё шло, как прежде -

оставшиеся связи в уездах позволяли поспособствовать, желающим откосить от службы. Но постепенно люди в присутствиях сменились, да и не заработаешь много выступая в качестве посредника. Стал запускать руку в казённые деньги. До поры до времени удавалось покрывать недостачу, но влез в долги.

В начале мая, придя в гости к своей очередной пассии, Розов встретил бывшего подчинённого Родиона Скуратова, уволенного из окружного штаба за пьянство.

- Мой двоюродный братец, - представила девица.

Выпили. Разговорились. Родион рассказал, что служит экспедитором в транспортной конторе:

- По вшему Юго-Западному краю развозим шельскохозяйштвенные машины. Выгодное дело. Ошобенно, когда вагоны наши удается к воинским шоштавам прицепить. Ешли бы заранее знать графики их движения!

- Графики через мои руки проходят. Но это секретные документы.

- Яшное дело, нельзя, чтобы они к шпионам иноштранным попали... Так я-то не шпион... И не бешплатно прошу. Што патьдешят рублей в мешяц

платить вам штану.

Розов согласился. Жить стало полегче. Но недавно случилась беда - сел, по пьяной лавочке, в карты играть и просадил почти две тысячи рублей. Обратился к Скуратову:

- Родион, ты человек умный. Подскажи, где денег раздобыть?

- На бегах. Там большие деньги крутятшя.

- Не бывал я там никогда, лошадей не знаю.

- Это ничего. Шепнули мне на днях про одну тёмную лошадку. Щеголихой прозывается. Хороший куш на ней взять можно.

- А вдруг проиграет?

- Не шомневайтешь, первой будет. Я шам на неё тышячу казенных денег поштавил.

- У меня только пятьсот рублей осталось.

- Штавте всё. Букмекера я вам шамого надёжного подшкажу.

Вечером в воскресенье на квартиру к Розову, судя по его описанию, пришёл Омелюта.

- Плохи ваши дела, господин капитан.

- Щеголиха проиграла?

- Первой пришла. Да, что с того проку? Букмекера убили. Не с кого теперь вам выигрыш получать. Родион с горя застрелился.

Розов побледнел:

- Что же делать-то? Не достану денег до вторника, со службы выгонят, под суд отдадут.

- Выручу я вас. Один человек хотел бы получить ответы на вот эти вопросы, - Омелюта протянул лист бумаги, исписанный мелким каллиграфическим подчерком.

Просмотрев вопросы, капитан Розов понял, что «благодетель» интересуется новым мобилизационным планом.

- Это секретные сведения! Меня могут обвинить в измене.

- А передача графиков движения воинских составов, за которые вы получали по сто пятьдесят рублей в месяц, что, по-вашему? Не дурите, господин капитан - соглашайтесь, получите три тысячи рублей. Ну?

- Да.

- Вот задаток, - Омелюта отсчитал десять новеньких сторублёвок. - Расписочку извольте.

- Что писать? - обречённо вздохнул Розов.

- Мною, Розовым Иннокентием Петровичем, получена одна тысяча рублей от резидента «Эвиденцбюро» в Российской империи за оказание услуг. Число, подпись.

- Так вы из австрийской разведки?

- Нет, из дамского попечительства о бедных, - засмеялся Омелюта. - Подготовьте завтра ответы на все вопросы.

- Вы за ними придёте?

- Я, сударь, в военных делах плохо разбираюсь. Мне не понять, правду вы написали или напридумывали всё. Наш самый главный хочет с вами самолично познакомиться. Завтра, когда со службы домой возвращаться будете, он сам к вам подойдёт, две тысячи передаст...

Посоветовавшись, Новицкий и Шпиллер решили брать резидента с поличным - во время его встречи с Розовым. С минуты на минуту должны были доложить, как прошло задержание. В успехе генерал не сомневался...

- А вы, Сергей Сергеевич, за кем наблюдение наладить хотите? - спросил Новицкий.

- За предполагаемыми покупателями диадемы.

- И много таких нашлось?

- Пока четверо: бразильский граф Рио-Бранко с женой и американский ювелир Тиффани с секретарём.

- Американцев беру на себя. Тем более, одесские коллеги настоятельно советовали мне за

секретарём присмотреть. Имеются подозрения, что он нелегальную литературу в Киев привёз.

В кабинет вбежал жандармский подполковник:

- Беда, Василий Дементьевич! Розову, как только из окружного штаба вышел, дурно стало. В госпиталь его отвезли. Врачи говорят, апоплексический удар.

От лениво-благодушного настроения генерала и следа не осталось:

- Итак, резидента мы упустили?

- Да. Он не успел встретиться с Розовым.

- А я ведь предлагал разместить наших людей по всему маршруту движения объекта - по Банковой, Институтской, Левашёвской и Александровской. Но вы самонадеянно решили ограничиться одной группой захвата... Ваши дальнейшие действия?

- Засада возле квартиры заведующего учебными мастерскими технического железнодорожного училища.

- Сомневаюсь, что резидент столь беспечен. Не будет он три раза подряд ночевать в одном месте.

Новицкий вызвал дежурного вахмистра:

- Пригласите ко мне заведующего наружным

наблюдением, адъютанта управления и ротмистра Озерцковского.

Малинин понял, что он сейчас здесь лишний:

- Разрешите идти, Василий Дементьевич?

- Идите. К сожалению, филёров выделить не могу. Сами видите, какая у нас ситуация. Но чем могу, тем помогу. Если потребуется содействие прислуги «Гранд-Отеля», смело обращайтесь к швейцару. Скажете, кум привет передаёт. Он спросит, какой кум? Ответите - с Печерска. Степан Гаврилыч человек надёжный.

- А портье?

- Тёмный тип. Подозреваю, что с блатными якшается. К тому же, он из содомитов.

Возле ГЖУ Малинин встретил Лавровского.

- На ловца и зверь бежит, - улыбаясь, сказал Сергей.

Улыбался, а у самого на душе кошки скребли. Лихорадочно соображал, как помягче, поделикатнее рассказать другу всё, что узнал про женщину, в которую тот влюбился. Ведь в том, что она приехала в Киев за диадемой, сомнений, в общем-то, уже не было.

- Кто ловец, друг мой, ещё разобраться надо. Я

сам тебя искал. В сыскной части сказали, ты сюда поехал.

- Что-то важное узнал? С твоим розыском связано?

- Нет, с твоим. Нашёл я покупателя, который из-за океана за диадемой пожаловал.

- Кто он?

- Не он, а она, - тяжело вздохнул Алексей. - Аня... Графиня Рио-Бранко... Очень не хотелось верить, но против фактов не попрёшь... Заглянул я сегодня в гости к земляку, из Америки вернувшемуся...

Он подробно пересказал другу всё, что узнал от Красовского.

- Вот так, значит? - задумчиво сказал Сергей. - Любимая ученица и доверенное лицо, королевы нью-йоркских воров, на драгоценных камнях помешанной... Стройная версия выстраивается.

- А мне, друг мой, всё равно не всё не понятно.

- Что именно?

- Зачем Анне это надо? Ладно, так уж жизнь сложилась - мать умерла, отец спился, пошла воровать... Но потом ведь судьба улыбнулась - вышла замуж за графа, богатейшего бразильского плантатора.

- Алексей, ты не хуже меня знаешь, что преступную жизнь часто ведут не из-за хлеба насущного. Вспомни Мотю Адвоката, корнета Савина, дядю Фрица...

Сергей перечислил клички десятка известных преступников, с которыми довелось им бороться.

- Верно говоришь, - снова вздохнул Алексей. - Аня натура азартная.

- И, к тому же, с её нынешним реальным положением история крайне тёмная. Мужа её в графы пиковый король жаловал.

- Не понял.

- Луис Кастро граф Рио-Бранко это он только по документам. А в действительности - Вячеслав Микулич или Микулин. Среди уголовников известен, как Слава-педераст из Харькова.

- Ну, и дела! Прав, выходит, Семён Гирнев. Ему этот граф сразу мутным показался - больно, мол, на бабу похож... История, однако, занятная - старая еврейка с сумкой бриллиантов, самозванная графиня, муж-содомит... Просто оперетка какая-то!

- Опасаюсь, Лёша, что оперетка эта кровавой оказаться может. Слава свою игру ведёт. Похоже, с покупкой диадемы он связываться не хочет. Просто-напросто решил графиню убить и с деньгами

смотреться.

- Это твоё предположение?

- Какое там предположение! Он предлагал варшавскому налётчику Вилку за убийство Анны три тысячи рублей.

- Вот сволочь! Ничего, бог даст, я ему морду, так разукрашу, что ни один содомит на такую «тетку» не позарится... А Вилк согласился?

- Нет. У этого бандита имеются свои понятия о чести - женщин он не убивает.

- А кто согласился?

- Не знаю, Лёша. Пока не знаю. Завтра попробую выяснить.

- Ты уж поторопись с этим. Сегодня Храпов пообещал мне повлиять на Эпштейна, чтобы он с выплатой больше не тянул.

- И не тебе одному. Слава, через Вилка, пообещал ему пять процентов от суммы, которую графиня должна получить... Поеду я, пожалуй, в «Гранд-Отель». Надо присмотреться к портье, через которого «граф» на местных блатных вышел. Да и с ним самим познакомиться желательно. А об Анне особо не беспокойся - за ней агенты сыскной части приглядывать должны.

- Должны, - хмыкнул Лавровский. - Мало ли,

кто и, что должен. Поеду и я с тобой вместе в гостиницу. Только к Новицкому заскочу на минутку.

- Не стоит. Ему сейчас не до тебя. Резидента австрийской разведки жандармы упустили. Все силы на его поимку бросили. Смотри, камкая суэта началась.

Из здания ГЖУ, один за одним, торопливо выходили люди - в цивильном, жандармские унтер-офицер, офицеры. Среди них Алексей увидел и ротмистра Озерцковского. Тот, узнав Лавровского, подошёл к нему:

- Посекретничать надо.

- Извольте.

- Правы вы оказались - это не самоубийство. Скуратова застрелили. Из маузера. Подозреваемых у меня пока нет.

- А у меня, Леонид Аркадьевич, появились. Притом, очень похоже, что они не только шепелявого убили, но и букмекера с телохранителем.

- Вы о ком?

- О людях присяжного поверенного Храпова.

- У Сашко Москаля людей много. Кого именно вы подозреваете?

- Винокура Николая Михайловича, Ветрова

Афанасия, Левко. Фамилию последнего не знаю.

Алексей поделился с ротмистром собранными сведениями и своими наблюдениями. Жандарм слушал его, то одобрительно кивая, то удивлённо качая головой.

- Знакомы... Логично. Ботинки и окурочок... Убедительно. Маузеры у Афанасия и Левко... Весомый факт. Доктором, говорите, Винокура прозвали? Для меня это новость... Нет, не стану я сегодня, язык высунув, по городу носиться. Пусть те, кто помоложе, упущенного резидента ищут. Доложу сейчас генералу, что у меня поважнее дело имеется.

Глава 33

Посредник объявился

Малинин заметил, что Алексей нет-нет, да и прикусывает нижнюю губу, крылья носа раздуваются. Он давно знал, первое, это признак сильного волнения, а второе - накатывающей ярости.

- Успокойся, Лёша. Не накручивай себя. Пока твоя Анна не получила деньги, угрозы её жизни нет никакой.

- А если уже получила?

- Исключено. Ты сам говорил, что Храпов

обещал решить вопрос завтра.

- Действительно. Помнится он так и сказал: «Думаю, завтра»... Но каков подлец этот пидор! Кулаки так и чешутся.

- Боюсь, наломаешь ты дров и всё дело испортишь.

- А вот это ты напрасно, друг мой. Я себя держать в руках умею... Слушай, а не пообедать ли нам? На голодный желудок мысли толковые в голову не приходят.

- Одна, насчёт обеда, уже пришла, - засмеялся Сергей. - Полностью её поддерживаю.

- Как ты к настоящему полтавскому борщу относишься?

- Положительно. И к вареникам тоже, и к огурчикам нежинским под холодную водку... Иди в ресторан, закажи всего и побольше. А мне со швейцаром перемолвиться надо.

- Здравия желаю!

Швейцар гостеприимно распахнул перед ними дверь.

- Степан Гаврилович, кум вам привет передаёт, - тихо сказал Малинин.

- Какой кум, ваше благородие? - внимательно

посмотрел на него швейцар.

- Высокоблагородие, - поправил его Сергей. -
А кум с Печерска.

- Всегда рад куму услужить. Кем из наших
гостей интересуетесь, ваше высокоблагородие?

- Графом и графиней Рио-Бранко.

- Занятная парочка. Они на втором этаже в
люксе проживают. Она красавица настоящая, а он...

- И он красавица, - усмехнулся Малинин.

- Так вы про него знаете?

- Свечку не держал, но подозреваю.

- Верно подозреваете. Из содомитов он. А ещё,
куркуль первой гильдии: никогда на чай больше
пятака медного не даст. Зато графиня натура
широкая, копейки считать не любит.

- По-русски граф разговаривает?

- Понимает всё, а говорит плохо. Только,
кажется мне, что прикидывается.

- Они сейчас у себя в номере?

- Никак нет. Графиня, как утром уехала, так по
сию пору и не возвращалась.

- На извозчике?

- На первейшем лихаче Семёне Гирневе. Граф
с утра тоже уходил. Потом вернулся, пообедал и,
часа через полтора, снова ушёл. Перед этим он с

портье нашим Бориской долго шептался. Они одного поля ягоды.

- Вы о содомии?

- Так точно. А ещё к графу днём, когда его не было, еврей какой-то приходил.

- Внешность его запомнили?

- Вроде бы. Лет тридцати с небольшим от роду. Невысокий, с брюшком. Глаза чёрные, навывкате.

-С пейсами?

- Нет, только усы небольшие. А стрижка самой модьё, называется аля... аля... Виноват, запомнил.

А-ля Капуль, догадался Сергей. Это сейчас самая модная причёска у мелких купцов и приказчиков, желающих быть похожими на знаменитого франта и дамского угодника французского тенора Жозефа Капуля.

Сердце Малинина радостно ёкнуло: судя по описанию, один к одному, тот самый одесский еврей Лейба, с которым Каин встречался в трактире Федоткина в Проточном переулке. Итак, посредник объявился.

- Еврейчик этот сильно огорчился, что не застал графа, - продолжал швейцар. - Просил передать ему, что заходил, мол, Лев Абрамович,

снова придёт завтра часам к десяти.

- Держите, Степан Гаврилович, - Малинин достал десятирублёвку. - Заслужили.

- Рад стараться, ваше высокоблагородие. А ещё, показалось мне, что следят за графом с графиней. Сегодня полдня две подозрительные личности возле гостиницы крутились, извозчиков о чём-то расспрашивали, цветочниц.

- Узнаешь, что новое тут же сообщи мне или господину Лавровскому. В накладе не останешься.

Хрустящая квашеная капуста, помидоры с чесноком и заливной судак были хороши. Настоящий полтавский борщ, сваренный на бульоне из гусака, ещё лучше. Но если бы Алексея и Сергея потом спросили, что они в тот вечер ели, с ответом бы оба затруднились. Не до гурманства им было - с жаром обсуждали, что дальше делать.

- Надо завтра этому Лейбе на хвост сесть, - предложил Лавровский. - Выяснить, где остановился, все встречи отслеживать... Глядишь, и приведёт он к Каину и диадеме.

- Сомневаюсь я в способностях киевских сыщиков. Гаврилыч их сразу приметил.

- А филёры Новицкого? Ты же сам говорил,

что в России они одними из лучших считаются.

- Отказал генерал в помощи. Ему сейчас не до нас. Резидента австрийского, как я понял, упустили... Конечно, можно подключить Соколова и Рабиновича...

-Пустое, друг мой. Санька сыщик от бога, только по части наружного наблюдения слабоват. А Лёшка города совсем не знает. Упустят они посредника.

- Резонно, - кивнул Малинин. Помолчал, а потом улыбнулся. - Вспомнил я, Алексей, как в бильярдной Саврасенкова, купеческого сына Лубенцова на арапа взял.

- Это когда ты его в распространении поддельных кредиток обвинил, а потом застрелить пообещал?

- Совершенно верно. Поучаствуешь?

- С удовольствием бы. Но кто за Аней присматривать станет? Впрочем, появилась у меня одна мысль интересная. Попробую убедить её, чтобы без меня в банковскую контору не ездила.

В ресторанный зал ввалилась шумная, уже слегка навеселе, компания. Судя по разговору, адвокаты, обсуждающие недавно закончившееся судебное заседание.

- Согласитесь, коллеги, прокурор сегодня чувствовал себя неуютно.

- Неуютно? Ну, вы и сказали, батенька! Он как уж на сковородке, вертелся.

- А как господин Храпов под орех разделал всех свидетелей обвинения? Кому, говорит, господа присяжные заседатели, призывают вас верить? Развратной женщине, которая невинностью собственных дочерей торгует? Недоучившемуся студенту из нигилистов, пошедшему на содержание к дряхлой старухе? Околоточному, известному киевским обывателям, как хапуга и держиморда?

- Надо признать, сегодняшней твоей речи, Саша, могут позавидовать даже такие мэтры российской адвокатуры, как Плевако и Лохвицкий.

- Полно вам, - раздался густой басовитый голос Храпова. - Совсем захвалите.

Вставая из-за стола, Алексей пояснил другу:

- Храпов свою очередную судебную победу отмечает. Воспользуюсь случаем и уточню, когда Анна деньги получит... Александр Гордеевич! Можно вас на пару слов?

- Конечно. Господа, проходите в кабинет, там стол уже давно накрыт. А мне с московским приятелем пообщаться надо.

Эдак, я в глазах киевлян скоро его лучшим другом стану, улыбнулся Лавровский.

- Вы, наверное, о своей протеже беспокоитесь? Решил я этот вопрос. В среду к десяти утра пусть подойдёт в контору Эпштейна.

- Благодарю. Но я не только из-за этого вас отвлекаю.

- Неужели разобрались, кому и для чего вся эта история со Щеголихой понадобилась?

- Разобрался. Умысла навредить вам у тех, кто всё затеял, не было.

- Значит, хотели оставить без денег плюгавого?

- Да. А вот зачем - умолчу.

- Почему?

- Этим делом занимаются сейчас жандармы и военные.

- Даже так? Похоже, тут шпионажем пахнет. Действительно, лучше подальше держаться. Хотя, признаюсь вам, очень хочется поучить уму-разуму наглецов, которые моим именем прикрываться вздумали. Всё?

- Увы, нет. Вы Винокура давно знаете?

- Колю? Ещё по Москве.

- Так он москвич?

- Нет, родом из Харькова. В Москве жил, когда экстерном сдавал экзамены за курс университета.

- В каком году это было?

- Попробую вспомнить. Колю мне порекомендовал Натан Наумович. Помните такого?

- Ваш секретарь. У него, из-за привычки всех в лорнетку разглядывать, была кличка - Камбала.

- Верно! Отменная у вас память. Если не ошибаюсь, Натана, при вашем содействии, посадили летом 84-го года. Коля к этому времени служил у меня уже год. Или два? Господи! Что я голову себе морочу! Месяца за три до коронации Натан его ко мне привёл. Способный молодой человек, говорит, но остался без места и опасается, что из Москвы вышлют. Тогда ведь много народа выслали, опасались, как бы празднества беспорядками не омрачились.

- А где он прежде служил?

- Кажется на Московско-Брестской железной дороге... Точно! Он в их больнице помощником бухгалтера был. Именно этим он мне и приглянулся -у меня, как раз, толкового человека по счётной части не было.

Интересный сюжет получается, подумал

Лавровский. В 1883 году, когда в Первопрестольной орудовала «Пятёрка адвоката», Винокур жил в Москве. Служил на Московско-Брестской железной дороге, как и большинство участников социально-революционной террористической организации. За способности к врачеванию, прозван Доктором. Не бывает таких совпадений. Скорее всего, Винокур это и есть тот самый Доктор, который передал Крайзману маузер и послал его на бега, чтоб меня убить. Что им двигало? Желание отомстить за товарищей? Или опасения, что докопаюсь до истинной истории со Щеголихой? Впрочем, какая разница. Храпову рассказывать всё это не следует. А вот своими подозрениями о том, кто стоит за убийствами Вани Святогора, букмекера и шепелявого Скуратова поделиться надо. Да какие к чёртовой матери подозрения?! Неопровержимые факты.

- Александр Гордеевич, очень опасаясь, что сейчас сильно испорчу вам настроение.

- Валяйте, - махнул рукой Храпов. - Ничего другого от любой нашей встречи я и не жду.

Сказано это было шутливо-насмешливым тоном. Но по мере того, как Алексей рассказывал, что удалось выяснить об убийстве букмекера и его

телохранителя, Храпов мрачнел.

- Самуил Маркович, действительно, был хорошо знаком с Винокуром. Коля часто встречался с ним по нашим общим делам. А месяц назад я посылаю его помочь старику, когда на того наехали залётные одесские фартовые... «Ромео и Джульетта»... Нравится Винокуру этот сорт. Он и меня к нему приучил... Тупоносые ботинки... Недавно обратил внимание, что у моих ребят эта несуразная обувь популярностью пользуется... Кстати, сам Коля сапоги предпочитает... Маузеры... Револьверов этой системы в Киеве не так уж и много. И почти все они через наши руки прошли... Не хочется даже верить в то, что вы сейчас рассказали.

- Это не всё, Александр Гордеевич. Вас убедили в самоубийстве Скуратова. А жандармы установили, что это убийство. И застрелили его из маузера.

- Откровенно скажу, ошарашили вы сейчас меня. Но ничего - разберусь. Не в первый раз, те, кому доверял, за моей спиной свою игру вести пытаются. Плохо для них это закончится. Все знают, как Сашко Москаль двурушников наказывает.

- А как ? - спросил Лавровский.

- Отправляет кормить рыбу в Днепр, - зло бросил Храпов и пошёл в кабинет, где его уже заждались гости.

- Сильно ты Александра Гордеевича расстроил, - сказал Малинин, когда Алексей вернулся к столу.

- Любой из себя выйдет, узнав, что в его доме такой гадюшник - крысы, террористы, шпионы.

- А твоя откровенность с ним дознанию, которое жандармы ведут, не навредит?

- Понимаешь, друг мой, не могу я позволить убийцам Вани Святогора уцелеть. Ну, что с ними могут по закону сделать?

- На каторгу отправят.

- С неё и сбежать можно, и по высочайшей амнистии на поселение выйти. А у Храпова свои законы. Знаю, что он не сторонник крайних мер, кровь зря, лить не любит. Но за предательство у него только одно наказание - смерть... Ладно, давай лучше прикинем, как завтра действовать будем...

К концу не то позднего обеда, не то раннего ужина план был готов. Лавровский отправился к себе в номер, а Малинин в сыскную часть. Распахивая перед ним двери, швейцар тихо доложил:

- Интересующие вас личности пока не возвращались.

- Когда графиня приедет, попроси извозчика Гирнева задержаться. Скажи, что Алексей Васильевич его очень видеть хочет.

- Будет исполнено. Попрошу и господина Лавровского незамедлительно извещу.

Глава 34 «Миражи»

Алексею всегда становилось грустно и как-то неуютно, когда осознал, что роман заканчивается. И совсем не важно, кто виноват - женщина, он сам или обстоятельства. Так было и сейчас.

Уже давно ни с кем не чувствовал он себя, так легко и непринуждённо. Хотелось слышать её чудный голос, любоваться неповторимой улыбкой, касаться нежной кожи, неотрывно глядеть в глаза, о которых иначе и не скажешь:

Очи чёрные, очи страстные.

Очи жгучие и прекрасные...

Он отчётливо понимал, через несколько дней им придётся расстаться. Единственное, что он может для неё сделать - помочь уехать из России, а не оказаться на скамье подсудимых за покупку заведомо краденых драгоценностей. Сергей твёрдо

пообещал это, а ему Алексей верил, как себе самому.

Да, уехать. Притом, с деньгами, ассигнованными Мамашей Мандельбаум на покупку диадемы. Королева нью-йоркских воров, конечно, выразит неудовольствие своей любимой ученице и доверенному лицу из-за того, что не удалось пополнить коллекцию новым украшением. Но вряд ли особо гневаться станет. Деньги-то целы остались. Хотя, из-за предательства напарника Анны, могли и бесследно исчезнуть...

Скоро она уедет. Другого выхода нет. Предложить ей остаться с ним в России? Нет, Аня по складу характера авантюристка и любительница острых ощущений. Иначе, будучи уже при делах серьёзных, не стала бы она, развлечения ради, карманной выгрузкой заниматься. Тихая, спокойная жизнь таких людей не привлекает... Да и себя он, если уж говорить честно, в роли семьянина пока не представлял.

Умом Алексей всё понимал. Но легче от этого не становилось. И, как часто случалось в подобные минуты, потянуло на стихи. Подшёл к секретеру. Задумался на мгновение, а потом карандаш, словно сам по себе, заскользил по листу бумаги.

*Из надежд, недомолвок и лжи
Создаём мы сами миражи.
Понимая, что это обман,
Но в обратном себя уверяя,
Мы с тобою писали роман,
Окончанье заранее зная.
Вот и последняя строчка.
Неуютно вдруг стало и пусто,
Очень грустно, но точка. Точка...*

На десятой строчке карандаш замер. Алексей стал перебирать слова, подискивая подходящую рифму. Грустно? Было. Чувства, искусство, золотоуста... Нет, всё не то. Густо, капуста, бюста...

- Просто похоронный сбой какой-то, - проворчал Алексей, доставая сигару.

Но закурить не успел. В дверь тихо постучали.

- Да!

Вощёл парнишка лет пятнадцати в фирменной ливрее «Гранд-Отеля».

- Барин, Степан Гаврилович, просил передать, что интересующая вас особа ждёт возле подъезда.

- Иду.

Уже на лестнице вспомнил, что забыл закрыть на замок дверь номера.

- В восторге я, друг мой, от твоей вчерашней езды, - сказал Лавровский, пожимая руку Гирневу. - Теперь и сам убедился, что прав был Коля Коноплин, блестящее будущее тебе предсказывая.

- Николай Михайлович меня на свою призовую конюшню звал, богатое жалование сулил. А я отказался. Не хочется из Киева уезжать.

- Придётся, друг мой. Все самые большие призы у нас в Москве и Питере разыгрываются.

- Да понимаю, а всё равно... А про вчерашний день вот, что тебе скажу - если бы не ты, мог и проиграть. Давно уже подметил, не складывается бег, когда на душе не спокойно. А ты меня перед самым стартом порадовал.

- Семён, мне помощь твоя нужна.

- Всегда пожалуйста.

- Расскажи куда графиня сегодня ездила, с кем встречалась.

- Ох, и не люблю я наушничать.

- Пойми, мне очень надо это знать.

- Никак приревновал?

- Нет, друг мой. Беспокоюсь за Анну. Узнал я, что убить её хотят.

- Вот злодеи! Из-за денег, видать. Она ведь в конторе Эпштейна большую сумму получить

должна.

- Сама об этом тебе сказала?

- Догадался. Мы ведь на прошлой неделе с Анной Михайловной каждый день к этой конторе ездили.

- А сегодня?

- Нет. Утром вышла она весёлая. У меня, говорит, такое славное настроение, так хорошо, что о делах даже думать не хочется. Велела отвезти её к университету. По Ботаническому саду гуляла, цветами любовалась.

- Одна?

- Меня попросила её сопровождать. Потом на Подол поехали. Захотелось Анне Михайловне посетить церковь Успения Пресвятой Богородицы, где её отец и мать венчались, а её крестили. Потом к Аскольдовой могиле съездили, к Николаевскому цепному мосту.

- Понятно. А завтра она куда-нибудь собиралась?

- Не говорила. Попросила меня послезавтра часам к двенадцати у гостиницы быть.

- Семён, мне завтра для одного рискованного дела извозчик нужен с призовым рысачком и щегольским экипажем. А главное, чтобы умел он язык за зубами

держат. Может, порекомендуешь кого?

Гирнев внимательно посмотрел на собеседника:

- Алексей Васильевич, а ты часом не банк ограбить надумал?

По тону трудно было понять, серьёзно спрашивает или в шутку.

- Нет. Хочу другу своему помочь злодея одного поймать.

- Тогда лучше меня тебе никого и не сыскать.

Договорились, что завтра Гирнев с девяти утра будет ждать у «Гранд-Отеля».

Вернувшись в номер, Алексей увидел, что Анна стоит у секретера, а в руках у неё лист с незаконченным стихотворением. Господи, мелькнуло в голове, как это я не догадался убрать его?

- Это про нас с тобой? - тихо спросила она.

Лавровскому показалось, что на глазах у неё блеснули слёзы.

- Красиво написано, с душой. И, как это не горько, всё правда - недомолвки, обман, мираж... Как ты узнал?

- Встретил давнего знакомого, который

недавно приехал из Нью-Йорка. Вчера он был на бегах.

- Теперь понятно. Мистер Генри Красовски... Замечательный человек. Очень хорошо, что он вернулся в Россию.

- Почему?

- Для Америки, Лёша, он чересчур добрый и порядочный. Там деньги стоят на первом месте. А он, когда согласился показания в суде изменить, даже цента не потребовал. Адвокат Большой Билл потом смеялся: «Только эти русские варвары могут быть такими сентиментальными. Русские, видите ли, своих в беде не бросают. А у самого нет ни счёта в банке, ни собственного дела, ни высокооплачиваемой службы».

- Андрей Алексеевич такой, - улыбнулся Алексей. - Когда-то он богатое имени и свой рысистый завод бросил.

- Ты меня презираешь?

- С его бы вдруг?

- Но ведь я воровка.

- Аня, моя жизнь складывалась так, что среди друзей были не только воры, но и настоящие разбойники. А, собственно говоря, почему была? До сих пор дружу с одним из самых известных

карточных шулеров, с содержателем притонов на Хитровке, с карманщиком, на вокзалах промышленяющим. У каждого, Аня, своя судьба, кому как карты лягут.

- Мне, видимо, плохо легли, - вздохнула она. - Мать умерла. Отец спился. Никому-то я была не нужна. Вечно в лохмотьях, голодная. Первый кошелёк я увела в шесть лет - в omnibusе вытащила из кармана пьяного негра. Пять долларов там оказалось! Я таких денег никогда в руках не держала. Купила себе коробку дорогих конфет «Калиссон». До сих пор этот сорт люблю. Через два дня снова пошла на дело. А через месяц уже считалась лучшей карманщицей среди малолеток Нижнего Манхеттена. Потом на меня обратила внимание Мамаша, взяла в свою воровскую школу.

- Красовский говорил, ты была её любимым «птенчиком».

- Мамаша любит только своих детей. Да ещё мужа любила. К слову сказать, совершенно никчемного, бездарного человека, над которым весь округ смеялся. А остальные люди для неё делятся на тех, кто может быть выгоден и бесполезных. Меня они причислила к первой категории.

- Тебя большие неприятности ждут, если

вернешься, не выполнив задание Мамаши?

Анна встрепенулась:

- Ты о чём?

- О диадеме, за которой ты из Канады в Киев приехала.

- Но откуда ты... Мистер Красовски не мог знать этого... Я всё поняла! Ты рассказывал, что еще, когда был репортером, стал заниматься частным сыском... Так ты следил за мной? Поэтому и познакомился? Поэтому и переспал?

- Не, - улыбнулся Алексей. - Причина совсем другая.

- Какая?

- Как увидел тебя, так сразу голо потерял. Признаюсь, обычно я с женщинами не очень решительный, а тут и смелость вдруг появилась, и нужные слова нашлись.

- Наверное, влюбился, - улыбнулась она.

- Наверное, - вздохнул Алексей. - А о диадеме я от своего друга узнал. Помнишь того красивого изящного брүнета, которого мы встретили у подъезда?

- Подумаешь, красавец! Ничего особенного. Ты привлекательнее.

- Спасибо за комплимент. Ты тогда спросила,

он художник или литератор? А я ответил, что помощник начальника Московской сысской полиции.

- Да, помню. Значит, этот сыщик приехал в Киев из-за меня?

- Из-за диадемы и бандита, у которого ты её купить должна была для Мамаши.

- Он собирается меня арестовать?

- Нет. Ты сможешь спокойно уехать из России.

- С деньгами?

- Само собой. Ведь за сто пятьдесят тысяч старая еврейка тебя со свету сживёт.

- Вы с приятелем уже и сумму выяснили.

- А то!

- И сколько?

- Не понял.

- Что тут не понять? Сколько надо заплатить твоему приятелю?

- Вот ты о чём... Пытаюсь представить, как поведёт себя Сергей, вздумай я передать ему твоё предложение. Скажет, что я от долгого неупотребления горячительных напитков, умом тронулся? Или просто трёхэтажным матом обложит? Аня, мы ведь с ним не приятели, а друзья. Чувствуешь разницу?

- Счастливым ты, Лёша, - грустно улыбнулась Анна. - у меня друзей, наверное, нет.

- Считай, теперь есть.

- Какой же ты славный... Мне в жизни встречать таких не приводилось.

- Смотри, захвалишь.

- Господи! Первый час ночи, а мы, чёрт знает о чём болтаем, вместо того...

Не дослушав, Лавровский подхватил её на руки и понёс в соседнюю комнату.

- Сумасшедший! Платье изомнешь!

- Какое платье? Ты в пеньюаре.

- Ой, совсем забыла... Ох... Ой! Ещё...

К серьёзному разговору вернулись только под утро.

- Аня, как ты относишься к своему мужу?

- Да какой он мне муж! Пьер хорошо разбирается в драгоценностях, даже служил коммивояжёром у бриллиантового короля Тиффани. Он откуда-то узнал о том, что в России можно купить диадему изумительной красоты. Предложил Мамаше, которая на бриллиантах и жемчуге, просто помешанная. Она согласилась, но доверить Пьеру большие деньги не решилась. Вот и отравила меня с ним. Бразильские паспорта, как и документы на

любой титул, купить не трудно.

- Понятно. Не муж, а подельник... Кстати, как, ты сказала, его зовут?

- Пьер-Филипп Герлен. Он в Америку из Парижа переехал.

- Герлен? Часом не родственник знаменитых парижских парфюмеров?

- Дальний.

Алексей рассмеялся:

- Ловко этот мерзавец Мамаше мозги запудрил!

- Что сделал? - не поняла Анна.

- Обманул. Никакой он не Пьер Герлен из Парижа, а Слава-педераст из Харькова.

- Из Харькова, а не из Парижа?! - засмеялась Анна. - Это для меня новость! А о его пристрастии к мужчинам я знаю. Мне это даже удобно - не пристаёт. А так, он очень милый, безобидный человек. Пьер мне, совсем, как подруга.

- Да? А известно тебе, что эта «подруга», решил кинуть Мамашу Мандельбаум?

- Кинуть? В смысле, обмануть?

- Совершенно верно. Решил он с покупкой диадемы, украденной у одного из членов императорской фамилии, не связываться. Это дело

опасное и хлопотное. Куда проще, взять все деньги и скрыться.

- Но аккредитив выписан на меня.

- Слава пообещал одному варшавскому бандиту три тысячи рублей за твоё убийство.

- Лёша, ты не шутишь?

- Какие уж тут шутки, Аня... Мне думается, что тебе надо уехать из Киева, телеграфируй Мамаше, чтобы она отозвала аккредитив, и возвращайся в Канаду.

- Не могу... Отзыв аккредитива стоит дорого... Мамаша таких убытков не простит... Что же делать?

- она всхлипнула. - Мне нужны наличные деньги...

Алексей раздумывал лишь мгновение:

- Не плачь. Храпов договорился с Эпштейном - в среду утром ты получишь деньги. Я сам с тобой в контору поеду. А потом отвезу тебя на какую-нибудь железнодорожную станцию вёрст за тридцать от Киева. Эти сволочи и не догадаются, когда и куда ты уехала.

- Какой же ты, Лёша, какой...

- Смотри, зазнаюсь... Аня, сделай так, чтобы этот пидор харьковский, завтра до обеда нос из номера не высывал.

- Хорошо, у меня снотворное есть.

Алексей взглянул на часы:

- С часок можно и вздремнуть.

- Ну, уж нет, - Анна потянулась к нему. - Уеду, тогда и выпишься... Ой!

Глава 35

Через наших

Малинину в эту ночь тоже не удалось сомкнуть глаз. Правда, по причине более прозаической - задуманное им с Алексеем дело требовало хорошей подготовки.

Идя в сыскную часть, Сергей ожидал застать там только дежурного полицейского надзирателя. Неудобно себя чувствовал от того, что сейчас придётся вызывать Гуковского из дома на службу. Однако, Павел Павлович оказался на месте. Выслушав Сергея, сказал:

- Утром проводим три облавы одновременно - в Афанасьевском яру, Царском саду и Никольской слободке. Дать вам своих ребят, к сожалению, не могу.

- Что-то серьёзное случилось?

- Нет, просто сегодня губернатор из отпуска вернулся. Вот и захотелось ему показать рвение. Без него, мол, полиция спала, а как вернулся, да нагоняй устроил... Одним словом, каждый человек на счету.

- Ладно. Управимся своими силами.

- А с остальным охотно помогу. Кныш!

Тут же появился дежурный.

- Абрам Кацнельсон или Длинный Венька сейчас в городе?

- Длинный на гастроли подался, а Абрама я сам вчера на Крещатике видел.

- Лети к нему на квартиру. Чтобы через полчаса он у меня был, - распорядился Гуковский и пояснил Малинину. - Лучше Абрама куклу никто не приготовит... С цацками тоже не вопрос - на днях одного блатокаря прихватили, так целый саквояж изъяли.

- Красивый дорогой саквояж тоже потребуется.

- Найдётся...

А с утра пораньше Сергей отправился в «Париж», где его уже ждали Соколов и Рабинович.

- Выяснил я, к кому в Кирилловскую больницу Каланча шастал, - доложил Рабинович. - Тётка родная его там живёт. Она замужем за тамошним экономом. Был у неё на прошлой неделе племян, вместе с Рябчиком и Каином. Просили на несколько дней оставить какой-то свёрток. Тётка согласилась. Да тут эконом вернулся, а он Каланчу на дух не

переносит. Одним слом, ушли они не солоно хлебавши.

Соколов, которому судя по помятому виду, снова выпала бессонная ночь, рассказал, что вечером к Василине пришёл Рябчик. Попросил мать до субботы приютить его и Каланчу:

- Потом посидели мы, выпили. Тут Рябчика и понесло. Мы, дескать, на днях с атаманом большое дело сделаем и во Хранцию махнём.

- Во Францию, - поправил Малинин.

- Так это не я, а Пашка! - засмеялся Соколов. - Сложилось у меня мнение, Сергей Сергеевич, что Каин на днях появиться на Шулявке должен.

- Правильно мыслишь, Саня, - похвалил его Малинин. - Может даже сегодня. А теперь слушайте, что делать надо...

Возле входа в «Гран-Отель» стояли внушительного вида швейцар и вихрастый улыбающийся молодой человек. Если бы, довольно редкие в утренние часы прохожие прислушались, то узнали - приехал деревенский парень из какой-то Калиновки в Киев, случайно встретил земляка и тот, пользуясь свободной минутой, решил порасспросить его о жите-бытье в их родном селе.

- Не, дядька Степан, не вернулся Дмитро со службы. Батьке написал, в Москву, мол, подался.

- Ну и дурак. У отца хозяйство крепкое, а его в город на лёгкие хлеба потянуло. А, как там..., - швейцар на мгновение задумался. - Как там кума моя Солоха?

- Солоха? Жива-здорова. Горилкой приторговывает.

- Ох, и хороша у неё горилка! Бывало..., - швейцар вдруг перещёл на щёпот. - Вон он. Тот, который в соломенной шляпе.

- Точно он? Не обознались, Степан Гаврилович?

- У меня, молодой человек, глаз намётанный. Как ни как, почти двадцать пять лет в Московском ГЖУ прослужил.

Вихрастый снял картуз и снова надел его. Стоящая недалеко шикарная пролётка, в которую был запряжён крупный вороной рысак, тут же тронулась с места. Остановилась, рядом с черноглазым толстячком в белой чесучовой паре. Из пролётки выпрыгнул усатый здоровяк в модном сюртуке и цилиндре.

- Лев Абрамович? - спросил он.

- А с кем имею...

- Не надо лишних слов. Лёва. Садись в экипаж.

- Но позвольте, кто вы? И на каком основании...

- Полковник Елецкий, помощник начальника Собственной Его Императорского Величества Охраны, - представился усатый и рявкнул. - Садись, мать твою три раза через перила и в...

Выругался он столь впечатляюще, что любой сомневающийся сразу бы поверил - настоящий полковник.

- Куда ехать, ваше высокоблагородие? - спросил кучер. - На Лукьяновку, к острогу?

- Нет, на Печерск.

- Значит, в Косой капонир? - кучер сочувственно покачал головой. - Вот бедолага.

В Косом капонире, одном из укреплений Новой Печерской крепости, находилась самая страшная тюрьма Юго-Западного края и Новороссии. Рассказывали, что узников там содержат в узких каменных мешках, в которых нет даже коек - приходится спать на охапке соломы, брошенной на пол. За суровый режим прозвали эту тюрьму «Киевским Шлиссельбургом».

Лев Абрамович зябко поёжился.

- Фамилия? - спросил невысокий изящный брюнет, сидящий слева от задержанного.

- Моя?

- Нет, папы римского! - рявкнул усатый, сидящий справа.

- Гохман... Лейба-Абрам Гохман.

- Сословие? Род занятий? Место проживания?

- Мещанин. Живу в Одессе. Вместе со старшим братом содержим лавку колониальных товаров на Херсонской улице.

- Где проживаете в Киеве?

- На Подоле. В гостинице «Пароход» на Набережно-Крещатицкой улице. Вот мой паспорт.

- С какой целью приехали в Киев?

- С коммерческой. Привёз маленькие партии сигар гаванских, рома ямайского, кофе.

- Говоря юридическим языком, это формальная цель. А фактическая?

- Таки прибыль.

- Лукавите, - покачал головой изящный брюнет.

- Таки нет.

- Подполковник, дайте ему пару раз в морду, - проворчал усатый, доставая сигару. - Сразу поймёт,

что нам врать не следует.

- Полно вам, полковник. Лев Абрамович человек благоразумный. Просто он ещё не знает, что нам известно всё. Господин Гохман, вы в мае сего года в Москве были?

- Я?

- Твоя двоюродная бабушка! - снова рявкнул усатый. - Лейба, неужели ты совсем не понимаешь, что влип по самые пейсы? Думаешь, за обычным маленьким гешефтмахером стали бы присылать из Петербурга подполковника Брусникина, который дело царубийц вел? О себе я уж молчу.

- Ой-вей! Чем таки провинился бедный еврей?

- Тем, что покусился на имущество члена императорской фамилии! Диадема, как ты и сам знаешь, принадлежит великой княгине Марии Павловне, супруге брата Его Императорского Величества.

- Какая диадема?

Усатый разъярился:

- Да он, мерзавец, издевается над нами! Подполковник, не тратьте время и нервы. Вот приедем в Косой капонир, я с ним по-свойски поговорю.

- Уговорили. Только, ради бога, не ломайте

ему рёбра и зубы не выбивайте. А то придётся потом с прокурорскими объясняться.

- Эка важность! Отпишусь, что во время допроса Гохман напал на меня и принялся душить, выкрикивая при этом слова, оскорбляющие моё человеческое и мужское достоинство, а также императора и императрицу.

- В принципе, не возражаю. Но, на всякий случай, опробую ещё раз объяснить Льву Абрамовичу ситуацию, в которой он оказался. Вы меня слушаете?

- Д... да.

- Итак, в конце мая сего года вы приехали в Москву. Там познакомились с Владимиром Ивановичем Филиновым, известным в уголовном мире под кличками Вовка Гимназист и Каин. Вы частенько играли с ним в карты и пили чай в трактире Ивана Федоткина, что в Проточном переулке. Однажды Каин рассказал, что у него имеется золотая диадема с бриллиантами и пятнадцатью жемчужными подвесками. Вы предложили помочь продать её.

- Нет. Предложил Вовка. А я, долго отказывался, но потом уступил его напору. Прошу таки отметить в протоколе, что я не знал чья это

диадема.

Малинин улыбнулся. Допрос, где один играл роль «доброго полицейского» а другой «злого», удался. Муравьёв сейчас похвалил бы меня, вспомнил он своего учителя в сыскном деле, сосланного в Сибирь.

- В протоколе, говорите? А, что если я предложу вам более интересный вариант?

- Таки какой?

- Вы оказываете нам содействие в задержании Каина, разумеется, с диадемой, а мы отпускаем вас на все четыре стороны. Обещаю, ваша фамилия на следствии и суде даже упоминаться не будет.

- Таки Вовка все равно поймёт.

- Ты его мести боишься? - вступил в разговор Лавровсий.

- Боюсь. Сбежит он с каторги и таки найдёт меня.

- Не сбежит, - успокоил его Алексей. - Вовка из-за этой диадемы убил своего наставника в воровском деле. Фартовые такого не прощают.

- Согласен я.

Оказалось, Каин остановился в той же гостинице, где и Гохман. Предполагаемого

покупателя он не видел и даже не знает, как тот выглядит.

- И я тоже, - признался Лейба.

- А каким же образом ты на него выйти умудрился? - удивился Лавровский.

- Через наших. Я спросил Антона Фогеля, который антикварную лавку в Вене держит. Он к парижскому маклеру Натану Шнейдеру обратился. Тот в Нью-Йорк Мойше Гриндбергу отписал. Мойша, хоть и доктор по женским болезням, в камешках хорошо разбирается. Клиентов у него много. Даже сама госпожа Мандельбаум. Да вы, наверное, о ней и не слышали?

- Таки слышали, - рассмеялся Лавровский.

- Ладно, Лёва, поехали в твою гостиницу. Будем считать, что я граф Рио-Бранко.

Глава 36

Перестрелка на Шулявке

Вчера вечером, когда обсуждали план, Малинин настаивал на том, что к Каину они пойдут вдвоём с Лавровским. На это Алексей вполне резонно ему возразил:

- Тебе, друг мой, в Проточном переулке частенько приходилось бывать. Вдруг Каиновы огольцы твою внешность срисовали?

Сейчас Сергей снова попробовал вернуться к этой теме:

- Не хочется мне тебя одного отпускать.

- Во-первых, не одного, а с Семёном. Во-вторых, как Лёва сказал, Каин настаивает, чтобы покупатель один пришёл. Надо продавца уважить.

- Хорошо, - нехотя согласился Малинин. - Когда выйдете из гостиницы не забудь про условные знаки.

- Помню. Взглянул на часы - диадема на Шулявке. Достал портсигар - в другом месте.

- Соколов уже должен быть на Шулявке. Если поедите в другое место, то мы с Рабиновичем следом.

- Только не светитесь особо... Ладно, давай свои цацки, без которых я, на твой взгляд, на настоящего графа не похож.

Сергей достал полученные в сыскной части несколько колец с крупными бриллиантами, золотые карманные часы, крышка которых была украшена изумрудами, массивный золотой портсигар.

- А не перебор? - засомневался Лавровский.

- В самый раз для человека, намывшего золота на три миллиона рублей, - заверил его Малинин. - Револьвер у тебя с собой?

- Да, в кармане.

- На всякий случай я в саквояж наган положил.

Гостиница эта находится на Набережно-Крещатицкой улице, рядом с пароходной пристанью. Неудивительно, что ей дали название «Пароход».

Поднялись на второй этаж. Гохман постучал в дверь 12-го номера условным стуком - три коротких удара, пауза и ещё два.

- Ты, Лёва?

- Таки я.

- Сейчас открою.

Взглянув на Филинова, Алексей подумал, что зря в воровском мире Федьку Матроса умником и большим хитрецом считали. Ну, как можно было довериться человеку с такой очаровательной доброжелательной улыбкой и злыми, колючими глазами? От таких людей всегда можно получить нож в спину. Или выстрел в затылок, как Матрос.

- Вова, знакомься - это граф Рио-Бранко, наш, таки, покупатель.

- А он по-русски говорит? - спросил Каин.

- Не хуже вас, молодой человек, - усмехнулся

Лавровский. - Я елецкий. И давайте не будем кота за хвост тянуть. Как говорят в Америке, время - деньги. Лев Абрамович назвал мне вашу цену. Она меня устраивает. Только, сперва, на вещицу взглянуть надо.

- А деньги у вас при себе?

- А то! - Алексей небрежно хлопнул ладонью по небольшому саквоюжу крокодиловой кожи.

- Сто тысяч, как одна копейка, - подтвердил заранее проинструированный Гохман. - Новенькими сторублёвками, в банковских таки бандеролях.

- Давайте показывайте диадему, - потребовал Лавровский и достал массивный золотой портсигар. - Угощайтесь, господа, не дурные папиросы. Хотя я сигары предпочитаю.

«Le Saig», - оценил Гохман. - Настоящие египетские.

- Хороший сорт, - согласился Каин. - А диадемы, господин граф, здесь нет. Она в надёжном месте спрятана.

Лавровский грохнул кулаком по столу:

- Вы со мной шутить вздумали?! Какого чёрта...

Гохман принялся его уговаривать:

- Такую ценную вещь опасно в гостинице держать, здесь, случается, подворовывают. Диадема у Владимира Ивановича в безопасном месте хранится.

- Так надо было её с утра сюда доставить!

- Таки не знал Владимир Иванович, что вы сегодня придёте.

- Тоже верно, - успокоился Лавровский.-
Далеко ехать?

- На Шулявку, - сказал Каин.

- Где это?

Каин и Гохман стали объяснять.

- У чёрта на куличиках, - поморщился Алексей, доставая золотые карманные часы, крышка которых была украшена изумрудами. - А я хотел ещё к Маршаку заскочить. Он мне обещал пяток синих сапфиров. Теперь не успею.

- Успеете, - заверил его Гохман. - На вашем рысачке вы до Шулявки в один миг домчитесь.

- Ладно, - махнул рукой Лавровский. -
Поехали, Владимир Иванович. А вы с нами, Лев Абрамович?

- Зачем? - как и было условлено, ответил Гохман. - Я своё таки дело сделал. Покупателя с продавцом свёл. Думаю, комиссионными вы

бедного еврея не обидите?

- Не обидим, - пообещал Каин. - Вечером ещё и шампанского выпьем.

Выйдя из гостиницы, Алексей достал часы:

- Поджигает время, а делать нечего.

Сев в экипаж, распорядился:

- Гони на Шулявку, Семён!

- А там куда? - спросил Гирнев.

- Пятый Безыменный переулок, дом вдовы коллежского регистратора Рябчикова, - подсказал Каин.

Похоже, он мне полностью поверил, подумал Лавровский, это хорошо. А вот то, что Сергей с Рабиновичем на хвосте висят, очень плохо. Заметит Каин и переполошится. Догадались бы приотстать... Нет, не отстают. Надо Вовку, чем-нибудь отвлечь. А чем? Да ведь он игрок! Сейчас о картах поговорим.

- Вы в Киеве давно, Владимир Иванович?

- Почти две недели.

- По сравнению со мной, вы старожил! Может, подскажите, где здесь играют?

- Да почти в каждом трактире.

- Вы меня не поняли. Я о настоящей игре, когда на карту тысячи ставят.

- Тогда вам в Дворянский клуб надо.

- Был вчера. Не понравилось. Штрафы грабительские и публика скучная. Меня ведь, после коньячка, на разговоры иногда тянет. Вот и начал рассказывать, как золотишко в Британской Колумбии мыл... Как на сумасшедшего посмотрели.

- На Куренёвке настоящие игроки собираются, у Макара. Только туда не каждого пускают. Пропуск знать надо. И к незнакомым людям с опаской относятся. Посылал я на прошлой неделе туда своих ребят, чтобы пропуск разведали.

- Узнали?

- Куда там! Измордовали и пообещали, в следующий раз, отправить кормить рыбу в Днепре... А вы, значит, были на золотых приисках в Америке?

- А то! Занесла меня судьба на один из притоков реки Юкон...

Когда-то Лавровскому довелось общаться с золотопромышленником, вернувшимся из Америки. А память у Алексея была отличная.

За такими вот разговорами они и доехали до Шулявки.

Интересный всё-таки этот чин - коллежский регистратор. В «Табели о рангах» занимает он

последнюю четырнадцатую строчку. По служебной лестнице в гражданском ведомстве ниже его стоят только канцеляристы «чина не имеющие». Жалование у коллежского регистратора мизерное - восемнадцать рублей в месяц. Однако, далеко не все они с хлеба на квас перебиваются. Знал Лавровский одного такого. Он любил отобедать у Тестова и кутнуть у «Яра», разъезжал на тысячном рысаке, на лето снимал дачу в Пушкино. Однажды, после сухой мадеры по пятьдесят рублей за бутылку, он признался Алексею: «Не в чине дело, а в должности. Поручи мне сегодня казённого воробья кормить - завтра без своего гуся за стол не сяду».

Видимо, покойный муж Василины Рябчиковой тоже «казённого воробья кормил». На восемнадцать рублей в месяц такой дом не построишь - в два этажа, с верандой и балконом. Большой фруктовый сад, оранжерея, конюшня на три денника, баня и другие хозяйственные постройки говорили, что жил чиновник на широкую ногу. Но сейчас на всём лежала печать запустения: оранжерея без стёкол, конюшня без дверей, забор покосился.

Из дома вышла дородная женщина лет сорока, в бежевом, с розовыми и сиреневыми мальвами, капоте. От неё сильно пахло водкой.

- Ой, радисть яка! Владимир Иванович приихав! Павло! Ярына! Зустрічайте гостей дорогих! Зараз обидати будемо. А пока може квасу або пива?

- Потом, Василина Миколаевна. Мы вначале с делами разберёмся, - сказал Каин и направился к конюшне. - Граф, подождите меня в доме.

- Ви граф? - изумилась Василина. - А звать вас як?

- Алексей Васильевич.

- Будь ласка, Олексий Васильович, проходите в будинок.

Пропустив Лавровского вперёд, у входа в большую залу, женщина, будто случайно, прижалась к его спине пышной грудью.

- А ви до нас тилько у справах або начувати залишитесь?

- Право не знаю.

- Залишайтесь. Я вареники зроблю, варенуюю з родзинками и сливами вас пригощу.

- А ще чем? - озорно подмигнул ей Лавровский.

- Приголублю вас вночи.

- С тобой, хозяйюшка, и святой согрешит... А пока принеси кваску.

- Сидайте, зараз принесу.

Через пару минут на столе появились расписной жбан холодного кваса и большая деревянная кружка.

Василина, снова привалившись к нему своими тяжёлыми прелестями, стала объяснять, что готовит квас из мочёных лесных груш и ягод тёрна. Алексей почувствовал, что под распахнувшимся капотом, на ней ничего нет. Интересный сюжет получается, мысленно улыбнулся он, натура, конечно, соблазнительная, но вот время и место не располагают.

- Вдуй мени, хлопец, - тяжело дыша, предложила женщина.

Неизвестно чем бы всё это закончилось, но в комнату вошёл Каин со свёртком в руках.

- Василина Миколаевна, дай нам посекретничать. И пошли кого-нибудь из моих орлов в лавку - пусть вина французского купят, твоя горилка для меня чересчур крепка. Граф, у вас красненькая найдётся?

Взяв деньги, хохлушка вышла в прихожую. Оттуда сразу послышался её раздражённый голос:

- Досить дрихнути! Вставайте, байстрюки! Отаман ваш прийшов!

Каин снял несколько слоёв плотной обёрточной бумаги, под ними оказался зелёный сафьяновый несессер. Открыв его, предложил:

- Удостоверьтесь - диадема великой княгини Марии Павловны.

Алексей в драгоценностях совсем не разбирался. Но невольно залюбовался блеском золота и бриллиантов.

- Обратите внимание на подвески, граф. Какие жемчужины! Каждая с грушу-дичок.

- Впечатляет, - кивнул Лавровский.

- А теперь, извольте, деньги. Продешевил я, сказав, что сто тысяч. Может быть, прибавите пяток косых?

- Отчего не прибавить? - Лавровский поставил на стол небольшой саквояж крокодиловой кожи.

В комнату вошли двое подростков в вышиванках. Длинный, с простоватым, лошадиным лицом - это Митька Каланча, догадался Лавровский, а щедушный, на хорька похожий - Пашка Рябчик. Да, не в мать он уродился.

- Атаман! - взвизгнул вдруг Пашка. - Это легавый! Сам видел, как он на Смоленском рынке Ваську Забугорного брал.

- Ага, - подтвердил Митька. - Фараон он.

Мать твою через оглоблю, мысленно выругался Алексей. А ведь был такой случай! Зашёл зимой на Смоленский рынок и увидел, как сыщик Андрей Михайлович Смолин безуспешно пытается скрутить здоровенного оборванца. Обычно московские блатные сопротивления ему не оказывали - знали, Андрей Михайлович, без веской причины не привяжется. Этот видимо из залётных. Подошёл, и несколькими ударами вразумил наглеца. Сыщик поблагодарил и объяснил, что это громила Забугорный, которого уже три месяца разыскивает питерская полиция.

- Хватай его, ребята! - крикнул Каин.

Подростки бросились на Алексея. Но Рябчик, получив в зубы, с воем грохнулся на пол. Оказывается, массивные кольца с крупными бриллиантами, мало чем кастету уступают. Тут же рухнул и Каланча. Пригодилась деревянная кружка, любезно принесённая гостеприимной хохлушкой.

- Сидеть! Убью! - Каин выхватил револьвер. - Говори, ты кто?

- Зовут зовуткой, величают уткой, - нагло усмехнулся Лавровкий, лихорадочно соображая, что же делать. «Наган» из саквояжа не достать... «Марлн» из кармана сюртука тоже...

- Говори! Убью!

- Жидковат ты для таких дел, Гимназист.

Услышав кличку, которой его уже много лет никто не называл, Вовка Филинов вздрогнул. Ему вдруг показалось, это Федька Матрос. У него такой же голос был, когда ученик не оправдывал возложенных на него надежд. Он растерялся всего на миг, но и этого Лавровскому хватило, чтобы рывком перевернуть стол. Каин сумел отскочить в сторону и выстрелиить. Пуля попала в горку - шкаф с застеклёнными дверями, где хранилась самая лучшая посуда Василины. Осколки брызнули во все стороны. Несколько крупных вонзились в голову Лавровского. Кровь залила лицо.

Снова грохнул выстрел. Это в комнату ворвались Калинин и Рабинович.

- Лёша! Живой!

- А то! А где...

- В окно, сволочь, сиганул!

Из сада раздались несколько выстрелов. Сергей выпрыгнул в окно, огляделся. Под раскидистым каштаном лежал в луже крови Сашка Соколов.

- Ранен? Куда, Санька?

- В живот, - морщась от боли, прошептал

сыщик.

- Каин куда побежал?

- Отбегался он, Сергей Сергеевич... У забора лежит, - доложил Соколов и потерял сознание.

Глава 37

Прощание

В «Гранд-Отель» Алексей вернулся поздним вечером. Не зажигая освещения и не раздеваясь, прилёг на кровать. Отдохну четверть часа, подумал он, и надо писать отчёт об открытии бегового сезона, а потом телеграфом в Москву посылать, иначе в следующий номер не попадёт.

Дверь тихо скрипнула.

- Аня, ты?

- Я. А ты, что в темноте сидишь?

- Привял я малость сегодня... На столе коробка с сигарами, дай одну.

- В потёмках ничего не вижу. Подожди, сейчас лампу зажгу... Господи! Что с тобой?! Голова перевязана, жилет в крови... Ты ранен?!

- Пустое, друг мой. Так, пара царапин... А вот приятелю моему крепко досталось. Врач из университетской больницы сказал, что рана очень опасная.

- Ой! Это твой друг из Московской сыскной

полицейской? Тот, кого мы в воскресенье у гостиницы видели?

- Нет. С Сергеем, слава богу, всё хорошо. А вот Саньке Соколову не повезло... А знаешь, хорошо, что тебе диадему не удалось купить. Очень уж нехорошая это вещица. Кровь вокруг неё так и льётся. Просто звереют люди. Вот хоть твоя подружка.

- Ты о Пьере?

- О нём.

- Лёша, а не могли вы с Сергеем, что-нибудь напутать? Пьер такой милый и безобидный... Не верится, что он мог нанять убийц.

- Мог, друг мой. И не один раз. Только ему не повезло. У бандита Вилка свои понятия о чести оказались. А перед этим просто мистика какая-то.

... Шулявка давно не видела такого скопления полицейских и прокурорских чинов, как после перестрелки в доме Василины Рябчиковой.

- Всегда знал, что от столичных гостей жди хлопот, - ворчал судебный следователь. - Но почему, судари мои, всё на моём участке? В субботу какой-то московский хлыщ задержал в поезде шайку наёмных убийц из Харькова. А теперь вот преступник, пять лет числившийся в циркулярном

розыске, вооружённое сопротивление при аресте...

- Вы со словами-то поаккуратнее, - сказал Лавровский. - Харьковских я повязал.

- Извините, сударь мой, я не хотел вас обидеть.

- Ладно, не сержусь. Только расскажите, кого они убить собирались? Любопытно, право.

- Достоверно пока не установлено. Двое из задержанных - матёрые злодеи. Из них слова клещами не вытащить. А третий, харьковский мещанин Фёдор Купченко, в их компании человек случайный. Ему особо не доверяли. Понял он только одно: намеченная жертва - это молодая богата дама, проживающая в «Гранд-Отеле».

Перст судьбы, подумал Алексей. Высокопарно звучит, но иначе и не скажешь...

Анна молчала.

- О чём задумалась, друг мой?

- Лёша, я тебя обманула, - вздохнула она.

Алексей придал лицу грозное выражение и начал голосом провинциального трагика, играющего Отелло:

- И с кем, коварная? Весь день в отеле ты была. А граф, твой муж презренный, снотворным опоён, спал беспробудным сном. Иль это был сосед-

американец? Нет, слишком стар он для проказ постельных. А может быть слуга трактирный...

Анна рассмеялась:

- Лёшка, ты можешь быть серьёзным?

- Могу. Но не всегда.

О том, что его тянет паясничать, когда на душе грустно, говорить не стал.

- Я давно задумала уйти от Мамаши. Опротивело быть её рабыней: спать с кем прикажет, безропотно выполнять приказы, которые с каждым годом становятся всё глупее... Да и обидно отдавать этой старой жидовке львиную долю добычи. Ничего я ей больше не должна! Те деньги, что она затратила на меня в юности, я давным-давно с лихвой отработала... Ждала только, когда подвернётся подходящий случай и на руках окажется приличная сумма. И вот ей захотелось заполучить в свою коллекцию эту диадему. Не собиралась я её покупать. Решила, вот получу деньги и скажу: «Гудбай, Мамаша!»

- И куда ты теперь? В Америке она тебя достанет.

- Мир велик: Вена, Венеция, Ницца... С детства мечтала побывать в Египте. Так и представляла, как плыву на корабле по Суэцкому

каналу. За бортом пустыня, верблюды, жара... А я на палубе в 1-м классе, в шезлонге, с бокалом ледяного моэта...

Лавровский улыбнулся:

- Когда гимназистом был, тоже грезил о стране пирамид.

- Поехали вместе, Лёша.

- Нет.

- Почему?

- Деньги скоро закончатся...

- Кроме этих ста пятидесяти тысяч, у меня на счетах в банках вдвое больше.

- Когда-нибудь закончатся и они.

- Но я умею зарабатывать деньги! Или сомневаешься в этом?

- Нет, Аня. В твоих талантах я не сомневаюсь. Только не получится из меня альфонс.

- Ну, почему сразу, альфонс? Ты умный, находчивый, отчаянный... Мы с тобой можем...

- В подельники тоже не гожусь... А поедешь со мной в Москву?

- Замуж зовёшь?

- Зову.

Она задумалась, а потом рассмеялась.

- Ты чего это? - обиделся он. - Вроде ничего

смешного не сказал.

- От себя, Лёша, не убежать. Когда мне становится скучно, всегда вспоминаю, чем занималась в детстве... Представляешь, какой скандал будет, если на московском ипподроме поймут жену редактора спортивного журнала, которая пыталась увести бумажник у почтенного коннозаводчика или у самого президента бегового общества?

Он не смог сдержать смех...

Вся ночь прошла в составлении планов на следующий день. Вопросов возникало много. Как незаметно вынести вещи Анны из гостиницы? Надо ли оставить Славе-Пьеру-Филиппу записку с предупреждением, что поднимать шум по поводу исчезновения «жены», не в его интересах? Где безопаснее сесть на поезд - в Киеве или на какой-нибудь ближайшей станции? А куда лучше ехать? В Одессу, а потом пароходом в Неаполь? Или по железной дороге в Вену?

Наверное, ответы на все вопросы нашлись бы значительно быстрее, сиди они за столом. А постель далеко не самое лучшее место для деловых разговоров. Тем более, они понимали, это их последняя ночь.

Официанты в «Гранд-Отеле» были вышколены прекрасно. Вкусы гостей они запоминали с первого раза. Особенно, когда речь шла о тех, кто проживает в люксах. В этот раз им не стали предлагать заморские разносолы.

- Яичницу на сале с ветчиной и лучком зелёным? - спросил официант. Получив утвердительный ответ, предложил. - Порекомендую добавить сладких перчиков-с.

- Давай, - согласился Лавровский.

- Кофе по-турецки?

- Только покрепче, - попросила Анна.

На столе, как и в воскресенье, стояла ваза с чайными розами.

А вот корзину цветов я ей так и не подарил, с грустью подумал Алексей, не успел.

В зал вошёл Храпов.

- Опять этот противный коротышка, - поморщилась Анна. - Судя по тому, как уставился, ему нужен ты.

- Оставлю тебя на пару минут.

Лавровский подошёл к столику Храпова, на который расторопный официант уже успел

поставить бутылку любимого вина уважаемого гостя
- сухой мадеры.

- Неприятности, Александр Гордеевич? -
спросил Лавровский.

- Могли быть. Но не случились Premonitus,
premonitus.

- Вы ведь знаете, я в латыни не силен.

- Предупреждён, вооружён.

- Значит, мои предположения подтвердились?

- Полностью. Пригрел я на своей груди трёх
змей.

- Разобрались?

- Не совсем. Двое отправились рыб в Днепре
кормить. А вот Винокур ушёл... Иногда я не в силах
понять поступки людей, они противоречат здравому
смыслу.

Чувствовалось, Храпову просто необходимо
выговориться. Да оно и понятно - не каждый день
самые доверенные люди предают.

- Давно не приходилось видеть столько
оголтелой злобы в одном человеке. Ненависть к
монархии и властям - дело понятное. Почти любой
интеллигент из разночинцев к этому склонен...
Ненависть к России тоже вполне объяснима. Многие
хохлы привыкли во всех своих бедах нас винить.

Проклятые москали, дескать, мати Украину закабалили и вильное казачество изничтожили. До сих пор оплакивают Запорожскую Сечь, которая настоящим бандитским притоном была. Да по сравнению с ней, московская Хитровка, институт благородных девиц... Но лютая ненависть ко мне?! Ведь это я его из грязи вытащил, первым своим помощником сделал, в люди вывел!

- Именно по этому. Так уж все шестёрки устроены - при первой возможности норовят укусить руку, которая их кормит. Наверное, от понимания своей ущербности.

- Да вы, оказывается, философ, - улыбнулся Храпов. - Хотите совет?

- Валяйте.

- Если когда-нибудь Винокура встретите, стреляйте без предупреждения. Вы для него теперь первейший враг. Такую игру ему поломали.

- С австрийцами?

- И с ними, и с революционерами, и кое с кем из местных воров, которым Сашко Москаль, как кость в горле... Во всех его связях я пока толком не разобрался. Страшным человеком Коля Винокур оказался.

- Ваню Святогора он застрелил?

- Покойные Афанасий и Левко божились, что он.

- Понятно. За совет благодарю. А, что с банкиром? Не будет мудрить?

- Не должен. А начнёт, припугните его от моего имени.

- Пойдём вместе, - предложил Лавровский. когда они подъехали к дому на углу Крещатика и Николаевской улицы, где находилась банкирская контора Эпштейна. - От этих прохиндеев, чего угодно ждать можно.

Маленький толстый господинчик в чёрном сюртуке, обильно усыпанном перхотью, был ещё любезнее, чем в воскресенье:

- Ваше сиятельство, вся сумма приготовлена. И не к пятнице, как было обещано, а на два дня раньше. Уверен, что у вас теперь не останется ни малейшего сомнения - с Эпштейном дела вести можно. Хотелось, чтобы вы сообщили об этом своему дядюшке - председателю совета директоров Монреальского банка.

- Слишком много слов, - перебил его Алексей.

- Давай ближе к делу.

- Извольте, - толстый господинчик открыл

несгораемый шкаф. Достал из него пять упаковок сторублёвок. - Вот пятьдесят тысяч. Яков Борисович приносит свои извинения, но сторублёвых кредитных билетов во всём Киеве больше не нашлось.

- А остальная часть суммы? - с нехорошим предчувствием спросила Анна. - Опять через неделю?

- Что вы, ваше сиятельство! Как можно нарушать сроки выплаты! - сказал господинчик и начал выгружать из шкафа пачки десятирублёвок. - Вот ещё пятьдесят тысяч. Извольте пересчитать - ровно пятьдесят пачек. А остальное, уж не обессудьте, в пятирублёвых государственных кредитных билетах будет.

Анна всплеснула руками:

- Да как я их повезу?! Они в саквояж не влезут. Тут мешок нужен.

Лавровский подошёл к господинчику, взял его за лацканы сюртука:

- Если ты не решишь наш вопрос, то я от всей вашей еврейской лавочки камня на камне не оставлю. Ну?!

- Могу предложить вместо рублей австрийские гульденны, - залепетал господинчик.

- По какому курсу? - сразу заинтересовалась Анна.

- По шестьдесят два рубля за сто гульденов.

- Вы с ума сошли, любезный!

- Ваше сиятельство, это вчерашний биржевой курс.

Анна незаметно подмигнула Алексею.

- Ах, совсем забыла, что мы в глухой провинции и новости сюда приходят с опозданием. Думаю, сегодня курс будет совсем другой... Кстати, генерал, вам не телеграфировали, чем закончился вчерашний вызов австрийского посла в министерство иностранных дел?

- Аннет, до получения официального правительственного сообщения, разглашение подобных сведений...

- Генерал, я на вас рассержусь!

Алексей, склонившись к её уху, зашептал, но так, чтобы господинчик мог слышать:

- Послу была вручена нота с требованием незамедлительно прекратить недружественные действия в Болгарии. Вену предупредили, что если к полудню ответ не будет получен, то...

- Война?! - воскликнула Анна. - Ах, какой ужас!

- Аннет, - осуждающе покачал головой Лавровский. - Ради бога, тише.

Служащий Эпштейна прекрасно понимал, какую панику на биржах, вызовет событие, о котором он сейчас случайно узнал. Рухнут курсы многих ценных бумаг и иностранных валют. А уж австрийской, в первую очередь. Для приличия, немного поторговавшись, он уступил им гульдену по пятьдесят рублей за сотню...

Выйдя из конторы они, расхохотались.

- Генерал, вы были великолепны!

- Вы, графиня, тоже! И как своевременно тебе в голову пришла идея с послем!

- Лёша, поедem в Европу. Мы с тобой там так развернёмся!

- Да уж. Думаю, лет на двадцать каторги потянет.

Семён Гирнев, ожидавший их у банка, спросил:

- Куда теперь?

- В Фастов.

К перрону железнодорожной станции Фастов подошёл курьерский поезд «Киев - Одесса».

- Вот и всё, - вздохнула Анна, смахнув

слезинки с глаз. - Четыре дня, а словно четыре года.

- Мир тесен, Аня. Ещё увидимся.

Говорил бодро, уверенно. Но голос слегка дрогнул.

- Поцелуй меня... Ещё раз... Пора.

Алексей помог ей подняться в тамбур. Раздался мощный гудок паровоза и поезд, лязгнув буферами, тронулся с места.

Глава 38

«Малороссийские среды»

Завтра махну в Червоное на завод Терещенко, подумал Алексей, из-за этого ведь сюда и поехал. Но это завтра. А сегодня-то чем заняться? Возвращаться в «Гранд-Отель»? Очень уж грустно и неуютно будет в номере одному после таких трёх ночей... Малинин, ещё ночью, уехал из Киева. Как только сообщил в Департамент полиции о том, что диадема найдена, так сразу пришло по телеграфу распоряжение: *«Вам надлежит незамедлительно прибыть в Санкт-Петербург, для личного доклада министру внутренних дел и представления Его Императорскому Высочеству великому князю Владимиру Александровичу. С управлением Юго-Западных железных дорог достигнута договоренность о выделении в ваше распоряжение*

экстренного поезда»... Лёшка Рабинович сейчас возле Соколова, в хирургической клинике медицинского факультета университета Святого Владимира. Профессор Караваев, узнав, что на воинской службе он был санитаром, разрешил. А вот остальным, категорически запретил беспокоить раненого:

- Я, батеньки мои, за сорок лет провёл более восьми тысяч операций. Честно скажу вам, случай очень тяжёлый. Но надежда есть. Коллеге вашему сейчас необходимы только две вещи - хороший уход и покой...

Пожалуй, поеду в гости к Громовым, решил Алексей, посмотрю, что это за «малороссийские среды» такие.

- Отвези меня в Боярку, Семён, - попросил он Гирнева.

- На дачи? Хорошее дело. Отдохнёшь хоть чуток. А то, как приехал в Киев в субботу, так до сих пор и крутишься, словно белка в колесе... Наша Боярка не уже, чем какая-нибудь Швейцария или Ницца.

... Дачи в Боярке пользуются большой любовью киевлян. Да и не удивительно! Прекрасный сосновый лес тянется по всей длине

посёлка. Считается, что здешний воздух очень полезен. Особенно для лёгочных больных. Есть где и на лодках покататься, и искупаться. Свой летний театр имеется, кумысно-кефирное заведение. И, что немаловажно, до города совсем не далеко - всего двадцать две версты.

В посёлке около ста усадеб с большими, по восемьсот квадратных саженьей, участками. Большинство из них стоят вдоль улицы, ведущей к железнодорожной станции. А ещё пятнадцать - чуть в стороне. «На Липках», шутливо говорят дачники, проводя сравнение с самым фешенебельным кварталом Киева. Главную улицу они, в разговорах, называют Крещатиком...

- Приехали, Алексей Васильевич. Вот дача Громовых. Тебя подождать?

- Не надо, друг мой. Возвращайся в город.

- Ах, какая жалость, что вы припозднились, Алексей Васильевич, - сказала Наталия Дмитриевна Громова. - Миша Грушевский сделал такой содержательный доклад по истории древней Украины.

- А кто это? - поинтересовался Лавровский.

- Студент университета Святого Владимира.

Любимый ученик профессора Антоновича. Очень талантливый юноша. Он так интересно рассказывал.

- Куда как интересно, - поморщился товарищ прокурора судебной палаты Громов. - По его словам, хохлы произошли от антов, а русские от каких-то полудиких угро-финских племён. Киевскую Русь, не русские создали, а опять же, хохлы.

- А мне другое не понравилось, - вступил в разговор генерал Новицкий, пришедший в гости к соседям. - Господин Грушевский утверждает, что Таврия, Новороссия, Кавказское побережье, Курская и Воронежская губернии исконно украинские земли.

- Просто оперетка какая-то, - покачал головой Громов.

- А я тебе уже говорил, Толя, чем эта оперетка когда-нибудь закончиться может, - сказал Новицкий. - Большой кровью.

- Не сгущай краски, Вася.

В саду десятка два молодых людей и барышень, одетых в старинные малороссийские наряды, играли в «голочку-ниточку». Как только кому-нибудь из цепочки изображающей «ниточку» не удавалось повторить непредсказуемые движения «гопочки», раздавались взрывы весёлого смеха и

возгласы:

- Фант! С вас фант!

- Пусть молодежь веселится, а мы пока коньячку примем, - сказал Громов, приглашая гостей постарше и посолиднее в свой кабинет. Из молодых этой чести удостоился только высоколобый студент Грушевский, доклад которого получил столь разную оценку хозяина и хозяйки.

Из сада доносилась музыка.

- Кобза, - пояснил Алексею, литератор и адвокат Кониский, пожилой лысоватый мужчина, которого круглые глаза и очки делали похожим на сову. - Нет музыкального инструмента лучше её.

- Тильки бандура и домра, - заметил пышноусый толстяк, учитель русского языка и словесности во Владимирском Киевском кадетском корпусе статский советник Житецкий. - Давайте послухаємо, шановни панове. Славна пісня!

*Ой, на гори та жнецы жнуть,
Ой, на гори та жницы жнуть,
А по-под горою, по-под зэлэною,
Казаки йдуть!
Попэрэду Дорошенко,
Попэрэду Дорошенко,
Вэдэ своё вийсько,*

*Вийсько запоризьскэ,
Хорошенько!*

Кониский и Житецкий стали вполголоса подпевать:

*А позади Сагайдачный,
А позади Сагайдачный,
Що променяв жинку
На тютюн та люльку,
Необачный!*

Лавровский не раз слышал эту старинную песню. И всегда она вызывала у него раздражение. Во-первых, что это за казак такой, которому, когда потребовалось запастись для похода табаком, пришлось продать жену? Нищеврод какой-то! А во-вторых, у его предков были старые счета с Сагайдачным.

Грушевский, подумав, что Алексей плохо знает малороссийские историю и язык, начал любезно ему объяснять:

- Это старинная народная песня об одном из наших славных героев гетмане Сагайдачном. Он был настоящим рыцарем, истинным защитником православия...

Лавровский резко перебил его:

- Позвольте узнать, юноша, а от кого ваш

льцарь православие в Ельце защищал?

- В Ельце? - растерялся молодой историк. - Видите ли, ученые до сих пор затрудняются дать однозначную оценку тем давним событиям.

- Да, ну? - насмешливо посмотрел на него Лавровский. - Я не учёный. На уроках истории в гимназии, каюсь, приключенческие романы и спортивные журналы читал. Однако, оценку дать не затруднюсь. В 1618 году польский королевич Владислав возжелал на русский престол сесть. Нанял он вашего Сагайдачного, посулами шляхетства для казацкой старшины купил. А тот собрал двадцать тысяч, всякой сволочи и на Москву пошёл. Попутно разграбил и сжёг Путивль, Ливны, Елец. Население ваши защитники православия вырезали, церкви и монастыри оскверняли. Ельчане. из поколения в поколение, передают, что православный Петро Сагайдачный вёл себя не лучше, чем нехристь хромой Тамерлан... Один из моих предков товарищем воеводы в Ельце был, там и погиб. А другой, сотней городовых казаков в Михайлове командовал. Вот, где ваши запорожцы кровью умылись! Больше тысячи человек потеряли!

- Почти двести восемьдесят лет минуло, а вы всё вспоминаете те давние раздоры, - покачал

головой Грушевский.

- Интересный сюжет получается: злодеяния Сагайдачного мы должны предать забвению...

- Конечно! Чего только между братьями не случается, кто старое помянет...

- А вы его по-прежнему своим славным героем считать будете?

- Но он и есть настоящий герой!

- Бандит с большой дороги и польский наёмник.

- Столь категоричную оценку великому человеку, милостивый государь, могут давать только люди, не понимающие особенностей исторического развития Украины. Поймите, она находилась между Речью Посполитой, Турцией, Крымским ханством и Московией. И все эти хищники рвали её на части...

На помощь молодому историку пришёл опытный спорщик Кониский:

- Приведённые вами факты не достоверны. Некоторые авторитетные польские источники, говорят, что Павло Сагайдачный в походе Владислава на Москву не участвовал. Я им склонен верить больше, чем летописцам-москалям...

Не дослушав историка, Лавровский встал из-за

стола:

- Как писал Николай Васильевич Гоголь, с вами говорить нужно, гороху наевшись... Душно здесь, что-то. Пойду, прогуляюсь.

«Малороссийские среды» произвели на него неприятное впечатление. Задерживаться в гостеприимном доме Громовых расхотелось.

Глава 39

«Колье-де-форс»

На местном Крещатике его нагнал генерал Новицкий:

- Подождите, Алексей Васильевич! Потолковать надо.

- Боюсь на поезд опоздать.

- Уже опоздали. Последний ушёл полчаса назад.

- Экая досада! Где извозчика взять, подскажите.

- А зачем? Переночуете у меня. Моя дача совсем рядом - на Липках.

- Неудобно вас стеснять, Василий Дементьевич.

- Дом у меня большой. Да и супруга моя будет рада знакомству с вами. Она давняя поклонница ваших романов-фельетонов. Мы ведь только из-за

них «Московский листок» и выписываем.

Как и любому автору, Лавровскому такие слова были приятны:

- Благодарю. За честь сочту воспользоваться вашим гостеприимством.

- Полно вам.

Они свернули с освещённого Крещатика на тёмную боковую дорожку.

-хлопотная вам губерния досталась, - сказал Алексей.

- Да уж, здесь не соскучишься. Совсем недавно в Киеве был один из центров социально-революционной партии. Большинство самых опасных террористов отсюда вышли. А теперь вот украинофильство силу набирает. Многие не хотят верить, но со временем эта зараза, пострашнее «Народной воли» станет. А кроме всего прочего и австрийские шпионы спокойного житья не дают.

- Взяли резидента? Понимаю, вопрос не скромный, но репортёрское любопытство сильнее.

- На хвост сели. Всю сеть возьмём.
Удовлетворены ответом?

- Вполне. А ещё вопрос можно?

- Если на другую тему, то, пожалуйста.

- Вы один, без охраны, по ночам разгуливать

не опасаетесь? Недоброжелателей у вас много.

- Боярка место спокойное. Кроме того, я не так беспечен, как вам кажется. Да и приучила меня жизнь гнать страх прочь. Вот помню, в начале 1874 года назначили меня начальником Тамбовского ГЖУ.

- Глухая провинция, сонное царство, - улыбнулся Алексей и так, как его сегодня потянуло, что-то на русскую классику, процитировал:

*Тамбов на карте генеральной
Кружком означен не всегда...*

- Насчет сонного царства не соглашусь. Страсти, правда, не политические, а уголовные, там кипели. За несколько лет до моего прибытия, там прошло громкое дело, известное как «Плотицынское», о скопцах Моршанского уезда. Слышали о скопцах?

- Конечно. Секта эта громадными денежными капиталами располагает. Члены её фанатизмом отличаются, за своих главарей готовы в огонь и в воду.

- Совершенно верно. Так вот, Плотицына и других скопческих вождей отправили в Сибирь. А вот капиталы их, почти тридцать миллионов рублей. при заарестовании исчезли.

- И куда они делись?

- Перешли к сообщнику Плотицына, моршанскому купцу Зелиупину. Он также привлекался к делу, но был оправдан. Однако, вскоре состоялось особое высочайшее повеление: ввиду вредного влияния Зелиупина на местное население, выслать его в Вологду... Однажды в губернском казначействе моё внимание привлёк некий господин, получавший очень крупную сумму. Стал я выяснять и узнал, что это Зелиупин, который вот уже пять лет незаконно проживает в Тамбове, и состоит подрядчиком по поставкам местным войскам дров.

- Вот это порядки! Высочайшее повеление для чиновников не указ!

- Велел я своим жандармам арестовать Зелиупина и препроводить в Вологду. Что тут началось! Мне предложили огромную взятку, грозили гневом петербургского начальства. Потом надёжный человек предупредил, что скопцы меня зарезать собираются.

- И чем всё кончилось? - заинтересованно спросил Лавровский.

- Как видите, жив-здоров.

- Пока живы, ваше превосходительство. -

раздался чей-то удивительно знакомый голос. Из-за сосен на дорожку вышли двое.

- Вот и нам с тобой, Омелюта, наконец-то в этой партии повезло. Караулили генерала, а он вместе с господином Лавровским, который в нашем списке под вторым номером значится, пожаловал. Вали их Зенон!

Это Винокур, сразу понял Алексей.

Омелюта вскинул руку с револьвером. Только он немного опоздал. Один за другим глухо грохнули два выстрела. Генерал Новицкий стрелял, не вынимая рук из карманов. Дико взыв от боли, контрабандист схватился за живот.

Лавровский в несколько прыжков подскочил к Винокуру. Удар ребром ладони и маузер бывшего храповского секретаря полетел на землю. В эти мгновенья Алексею показалось, что он слышит голос Вани Святогора: «Называется «Колье-де-форс». Захватываешь шею соперника рукой и отгибашь в сторону... Понял?». Понял, мысленно ответил он другу.

- Пусти... Задушишь..., - хрипел Винокур.

- Задушю, сволочь... За Святогора..., - рычал Лавровский. - За Ваню...

Новицкий и, подоспевшие на звуки выстрелов,

ночные сторожа с трудом вырвали из его рук Винокура.

- Вы очень не осторожны, - сказал генерал. - Я о французской борьбе представление имею. «Колье-де-форс» крайне опасный приём. Вы вполне могли задушить этого злодея.

- Мог..., - с трудом перевод дыхание, ответил Алексей. - Мог... Зря вы мне помешали.

- Нельзя же так. Алексей Васильевич, - осуждающе покачал головой жандарм. - Только суд вправе решать судьбу любого преступника.

А Алексей подумал, что мир стал бы хоть немного, но лучше, избавь он его сейчас от одного злодея. Кто знает, сколько ещё вреда причинит нормальным людям этот Доктор? Совсем не исключено, что и самому придётся с ним встретиться.

Через несколько лет именно так и случилось. Но это уже совсем другая история.

От автора
(вместо эпилога)

А теперь, как и всегда, не много о том, что же было потом.

Диадема, давшая название этой повести, вернулась к своим хозяевам. Великая княгиня

Мария Павловна любила появляться в ней на балах и различных официальных церемониях.

Мария Павловна оказалась в числе, тех немногочисленных представителей дома Романовых, кому посчастливилось после революции бежать из России. Английский дипломатический курьер помог ей вывезти все фамильные драгоценности. Умирая, великая княгиня завещала их дочери. А та вскоре значительную их часть распродала.

Диадему с подвесками купила английская королева Мария Текская. По её желанию лондонские ювелиры усовершенствовали уникальное украшение - жемчужины сделали съёмными, изготовили новые подвески из каплевидных изумрудов. Теперь диадему можно было носить в трёх вариантах: с жемчужинами, с изумрудами и без подвесок. Как видите, «3 в 1» не только к суррогатному кофе относится. Практичные всё-таки особы эти английские королевы...

Впрочем, австро-венгерские и немецкие политики в практичности им не уступали. Они сразу сообразили, что украинофилов можно использовать в своих целях. А те были просто в восторге от того, что их будут пользоваться. Извините,

использовать.

В 1888 году из Галиции в Киев приехал профессор Барвинский. Официально, для налаживания научных и культурных связей. А неофициально, чтобы выяснить, как поведут себя украинцы, когда начнётся война между Австро-Венгрией и Россией. Многие представители киевской интеллигенции сказали, что к приходу австрийской армии отнесутся доброжелательно. Пожалуй, откровеннее всех высказался преподаватель кадетского корпуса Житецкий:

- Скажите своему кайзеру, когда уж он к нам придёт!

Да, «достойный» учитель для подростков, которые потом станут юнкерами и офицерами.

Михаилу Грушевскому суждено было стать одним из главных «героев» событий 1917-1918 годов на Украине, которые современники метко назовут кровавой опереткой. Правда, к этому времени, он будет уже не скромным, подающим надежды студентом, а маститым учёным, автором многотомной «Истории Украины-Руси».

Первый президент Центральной Украинской Рады Грушевский подпишет договор, по которому Украину оккупируют немцы...

В борьбе с украинскими националистами жандармы оказались бессильны. А вот в противостоянии с австрийской разведкой, генерал Новицкий и его коллеги добились серьёзных успехов.

Филёры «сели на хвост» инженеру Павлову, отследили все его встречи в Киеве, Житомире, Волочиске. В Варшаве его задержали. Оказалось, что он не инженер и совсем не Павлов, а офицер австро-венгерского императорского и королевского Генерального штаба граф Станислав-Наполеон Урсин-Прушинский. Потом были арестованы тридцать прекрасно законспирированных агентов. Много вреда могли они причинить России, начнись война. Так, киевский мещанин Бык имел задание взорвать железнодорожный мост через Днепр. За это ему было обещано двадцать пять тысяч рублей.

Графа продержали два месяца в крепости, а затем обменяли на русского разведчика, задержанного в Галиции. Остальных отправили на каторгу. В том числе и Николая Винокура...

Семён Гирнев вскоре прославился на всю Россию. Напомню читателям, что в те времена беговые наездники пользовались не меньшей популярностью, чем сегодня футболисты.

В 90-е годы XIX века на наших столичных и даже некоторых провинциальных ипподромах появились американские наездники. Разумеется, на заработки в «дикую» Россию ехали далеко не самые лучшие. Не случайно же одного из них прозвали Стар-Чугунная Голова. Но слепое преклонение перед Америкой не вчера родилось. Заводчики и беговые спортсмены стали отдавать в работу иностранцам лучших рысаков. А когда на конюшне имеется отличный материал, только совсем уж безрукий успехов не добьётся.

Конечно, среди американцев были и настоящие мастера - Франк Кейтон, его сыновья Вильям и Самуил, Реймер-старший... Но даже их, бывший киевский извозчик частенько заставлял «пыль глотать». Публика взрывалась аплодисментами, когда на беговом круге появлялись Бандит, Питомец, Спорт и другие лошади Гирнева. Особенно удачными были его выступления на сером Питомце, от Приветного и Жар-Птицы.

Просматривал я отчёты о бегах на Семёновском ипподроме в Петербурге за 1901 год. Питомец, под управлением Гирнева, взял пять саамы престижных призов, в том числе Императорский, Цесаревича и Большой

Петербургский. На счету этого жеребца и несколько всероссийских рекордов...

Киевское общество охотников конского бега ещё лет десять-двенадцать считалось лучшим среди провинциальных беговых обществ. А кое в чём, могло дать фору и столичным. Для этого было всё необходимое: хороший беговой круг, удобные беседка и трибуны, деньги. В 1889 году, благодаря связям в столице, удалось получить разрешение на открытие тотализатора.

В 1891 году на Печерском ипподроме впервые было разыграно «Киевское рысистое Дерби», стоимостью в десять тысяч рублей. Достойные призовые привлекали в Киев рысачников со всей России. Многие известные ипподромные бойцы и рекордисты начинали здесь свою беговую карьеру. Например, Ночка 2-я.

Но умер Егор Кобец, считавшийся душой общества. Потом не стало Аркадия Паншина, которого справедливо называли мозгом общества. И начались бесконечные дразги, склоки и интриги. На общих собраниях действительных членов не удавалось решить самых пустяковых вопросов. В Петербург шёл поток жалоб и доносов на вице-президента, казначея, секретаря, просто друг на

друга.

Главноуправляющий Государственного коннозаводства великий князь Дмитрий Константинович, в конце концов, устал от этого. Пригласил к себе несколько самых вменяемых киевских рысачников.

- Что делать, господа? Как навести в Киеве порядок?

Николай фон Мекк решительно заявил:

- Выход только один: закрыть общество, а потом создать новое.

- Закрыть? - великий князь задумался. - Соответствующие полномочия у меня имеются. Но как отнесётся к этому общественное мнение? Начнут обвинять правительство в том, что оно лишает спортсменов права на самостоятельность, на своё мнение.

- Другого выхода нет, - настаивал фон Мекк.

- Хорошо. Но кому поручить создание нового общества? Для этого нужен человек с железной волей.

Все участники совещания посмотрели на фон Мекка.

- Кроме вас, Николай Карлович, некому, - сказал великий князь.

- Дела Московско-Казанской железной дороги, председателем правления которой я избран, не позволяют мне надолго отлучаться из Москвы. Но если господин Меринг согласен мне помочь...

- Беру на себя всю повседневную работу, - сказал Меринг. - А вам, Николай Карлович, нужно будет только несколько раз в год появиться, чтобы горлопанов на место поставить.

- Тогда я согласен.

В 1903 году Киевское общество охотников конского бега было распущено. А через полгода Главное управление государственного коннозаводства дало разрешение на открытие нового Юго-Западного общества поощрения рысистого коннозаводства.

И очень скоро Киев опять стал популярен у рысачников. Кстати, в развернувшейся в это время в России борьбе между «орловцами» и «метизаторами» киевляне встали на сторону первых. Американские рысаки и метисы на беговой круг Печерского ипподрома не допускались...

Малинин за успешный розыск диадемы получил следующий чин - стал надворным советником. Директор Департамента полиции хотел назначить его чиновником для особых поручений. Но

министр внутренних дел граф Толстой наложил на представление резолюцию: «Дерзок и легкомысленен. Оставить в прежней должности». Граф не забыл, как вёл себя этот мальчишка во время разбирательства по делу полковника Муравьёва.

Сергей совсем не расстроился. Не любил он холодный и чопорный Петербург. Москва всегда была ему милее...

Лавровский нередко вспоминал свой киевский роман. Чаще всего, просматривая газеты:

Вена. На новогоднем балу в ратуше у банкира Р-а украдена булавка для галстука с огромным рубином. Подозревается испанская маркиза Изабелла де Миравельес...

Монте-Карло. Мошенница продала британскому политику Ч-у «секрет беспроигрышной игры». Подозревается венгерская графиня Терезия Бранкович...

Александрия. На борту парохода, совершающего средиземноморский круиз, до нитки обобран известный брачный аферист А-и. Подозревается русская княгиня Мария Елецкая...

Титулы, фамилии и имена всегда были разнее. Но Алексей не сомневался - это Анна. И всегда

приходили на память стихи, написанные в августе 1887 года, в «Гранд-Отеле»:

*Из надежд, недомолвок и лжи
Создаём мы сами миражи.
Понимая, что это обман,
Но в обратном себя уверяя,
Мы с тобою писали роман,
Окончанье заранее зная.
Вот и последняя строчка.
Неуютно вдруг стало и пусто,
Очень грустно, но точка. Точка...*

Последняя, десятая строчка, как и тогда, рифмоваться упорно не желала...

Заказ № 19092. Бумага офсетная.
Формат 60х90/16.
Тираж 1000
Отпечатано в типографии ООО «ТИПОГРАФИЯ
АЙКОЛОРИТ»
г. Москва, ул. Клары Цеткин, д.4. Тел. 617-09-24